

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

АННИКА
МАРТИН

СКАЙ
УОРРЕН

Когда я вижу его впервые, он переполнен злостью — чистая угроза с рельефными мышцами, закованная в кандалы. Он опасный. Дикий. Он — самое прекрасное создание, которое мне доводилось видеть. У меня тоже есть секреты, именно поэтому я всегда прячусь за строгими очками и книгой. И однажды он появляется в классе, где я преподаю, удивляя меня своей честностью. Он раскрывает все свои тайны, из-за чего мне становится все сложнее скрывать собственные. Каждый раз, находясь поблизости, он вызывает дрожь в моем теле, и наручники, решетка и охрана — единственное, что сдерживает его. По ночам я не могу перестать думать о нем, сидящем в своей камере. Существует то, что нельзя предугадать: когда животное в клетке укусит вас. Он может использовать вас для побега, затащить в лес и зажать рот рукой, дабы вы не смогли позвать полицейских. Он способен заставить вас кончить так сильно, как вы себе и представить не сможете. Только его можно возжелать сильнее, чем воздух.

Анника Мартин и Скай Уоррен

«Заклученный»

Серия: «Преступники и пленницы»#1

Название: «Заклученный»

Серия: «Преступники и пленницы»#1

Авторы: Анника Мартин и Скай Уоррен

Переводчики: vasusha, slyfox (с 1-13 главы)

Сверщик: Matreshka (с 14 главы)

Редакторы: lessialova, slyfox(с 1-12 главы)

Вычитка и оформление: Помидорка

Обложка: Mistress

1 глава

Эбигейл

Тяжелая решетка закрывается позади меня с лязгом. Звук отдается даже в моих костях. Ряд последовательных механических щелчков намекает на хорошую систему безопасности под черной железной пластиной. Я знала, что так будет, — предвидела и боялась, — но мое дыхание все равно учащается из-за осознания того, что я в ловушке.

— Чем могу помочь?

Я наклоняюсь к маленькому административному окошку, где сидит дородная женщина в форме охранника, уткнувшись в монитор.

— Здравствуйте, — говорю я, улыбаясь. — Меня зовут Эбигейл Уинслоу, я приехала,

чтобы...

— Документы.

— Ох, ладно, но я уже заполнила всё, что нужно на стойке регистрации, и показала удостоверение личности.

— Мы не в регистратуре, мисс Уинслоу. Мы находимся в Восточном крыле, и мне нужно увидеть ваши документы.

— Верно, — я роюсь в сумке в поисках водительских прав и паспорта.

Она принимает их, даже не взглянув на меня, а затем возвращает с кипой бумаг, точно таких же, как я заполняла прежде.

Я так боялась этого дня, тайно надеясь, что мне достанется другой проект, но где я сейчас? Должно быть, вы думаете, что я здесь из-за совершенного преступления, но спешу огорчить. Мой преподаватель — тот самый, кто вынудил меня приехать в это место — предупредил, что заключенные не всегда были столь восприимчивы к посторонним. И кажется, не только преступники.

Я заканчиваю с очередной анкетой, аккуратно складываю листы и возвращаю их. Женщина-охранник принимает бумаги и возвращает мое удостоверение личности, по-прежнему не глядя на меня.

То сжимаю, то разжимаю; то вновь сжимаю, то снова разжимаю кулаки, пока она просматривает анкету. Проходят секунды. Или минуты? Влажный, прохладный воздух просачивается сквозь мой кардиган и пробирает тело до дрожи.

Поддавшись вперед, я читаю ее имя на бейджике:

— Мисс Брек, а какой следующий этап процедуры?

— Вам лучше присесть, сейчас у меня есть работа, после ее выполнения, займусь вами.

— Ох, ладно, — я бросаю взгляд на решетки, через которые только что проходила. В коридоре напротив открывается дверь. — Вообще-то, если бы вы могли показать, в какой стороне здесь библиотека, я уверена, что могла бы...

Упс. Женщина ударяет по столу, из-за чего я подпрыгиваю. Ее темные глаза смотрят на меня обвиняя, хотелось бы мне вернуться к контакту не глаза в глаза. Ну, и как я умудрилась нажать врага за несколько минут?

— Мисс Уинслоу, — говорит она покровительственным тоном.

— Можете называть меня Эбби, — шепчу я.

Легкая улыбка. Совсем не милая.

— Мисс Уинслоу, как вы думаете, чем мы здесь занимаемся?

Вопрос явно риторический, я поджимаю губы в тонкую линию, чем только все усложняю.

— В исправительном учреждении «Кингмен» находятся более пяти тысяч осужденных преступников. Моя работа заключается в том, чтобы так оно и оставалось. Я доступно изъясняюсь?

Жар приливает к щекам. Усложнить ее работу — последнее, чего бы мне хотелось.

— Предельно, — я иду обратно, больно приземляясь на жесткий металлический стул, который, к тому же, еще и шатается.

Разумеется, я понимаю эту женщину. В ее обязанности входит держать преступников внутри, а остальных снаружи, более того, обеспечивать безопасность таким, как я. Я наклоняюсь, чтобы достать книгу из сумки. Я никогда не уйду из дома без книги, неважно иду ли на занятия или выполнять чьи-либо поручения. Даже когда я была младше, а мама

брала меня с собой на работу. Особенно тогда. Я пряталась на заднем сиденье и утыкалась носом в книгу, притворяясь, что не вижу подозрительных людей, подходящих к окну, когда машина останавливается.

Со зловещим гулом загорается маленький зеленый огонек над решетчатой дверью. Кто-то проходит через нее, и я сомневаюсь, что это помощник библиотекаря. Я чуть соскальзываю со стула.

Притворись невидимой.

Не работает. Я присматриваюсь и вижу, как заключенный проходит через дверь, при этом мой пульс учащается. Его окружают два охранника, точнее, сопровождают. Хотя, они больше походят на его свиту, чем конвой. Воздух вокруг вибрирует, исходящей от него угрозой и силой.

Читай, читай, читай. Не смотри.

Заключенный на полголовы выше охранников, но на его фоне они кажутся совсем маленькими. Наверное, дело в его широких плечах или в позе, в которой он стоит, а может, это из-за его высоких скул. Щетина, покрывающая щеки, кричит о грубости и неумолимости, — я будто чувствую ее собственными ладонями, — и полностью противоречит пухлым губам. Короткие каштановые волосы в сущем беспорядке, а бровь пересекает шрам, но это совершенно его не портит.

Охранники и преступник подходят к окошку, у меня перехватывает дыхание.

— Номер удостоверения 85359, — говорит один из конвоиров, я понимаю, что это о заключенном. Вот, значит, кто он. Не Джон Смит, не Уильям Браун или еще кто-нибудь. Его имя сократили до чисел. Женщина быстро задает несколько вопросов. Оказывается, его переводят из одиночной камеры.

Заключенный стоит боком, спина прямая, уголки рта приподняты вверх, словно происходящее его забавляет. И вдруг ко мне приходит понимание, почему он кажется не таким как все: у него нет татуировок, по крайней мере, на видном месте. Хотя у подобных парней куча всего, вроде тату оружия или надписей «Поцелуй меня в зад». У этого заключенного нет ничего подобного, но, тем не менее, по нему видно, что от былой чистоты в нем мало что осталось. Белые полосы шрамов покрывают грубую кожу рук, а, в особенности, предплечья, как признаки боли и насилия, маячат флагом, говоря из какого преступного мира, он пришел.

Вокруг него витает особое ощущение жестокости, очень убедительное, но в то же время... красивое.

Я жадно впитываю каждую деталь, связанную с ним, прячась за страницами книги. Это моя маска, мой защитный щит. И вдруг происходит нечто странное: он поворачивает голову. Всего лишь плавный поворот, и я чувствую, что его внимание приковано ко мне. Вот я обнаружена, меня освещает свет прожекторов. Разоблачена.

Мое сердце бешено колотится.

Я хочу, чтобы он отвернулся. Он занимает слишком много пространства. Такое чувство будто он вдыхает столько кислорода, сколько могло бы хватить на двенадцать человек, и при этом не оставляет ничего для меня. Если бы мы находились в библиотеке, а ему нужна была помощь с поиском книги или еще чего-нибудь, я была бы не прочь получить его внимание.

Нет. Там тоже нет. Его слишком много.

Решетка. Наручники. Два охранника.

Интересно, что бы он сделал, если бы решетки были открыты, а его сопровождал только

один полицейский?

Моя кровь закипает, когда копы отводят его от окна и направляются в сторону металлической двери, возле которой сижу я. Жар, исходящий от него, прогоняет холод, которым окружена я. Его глубокие карие глаза ни разу не встречаются с моими, но мне все равно тяжело, кажется, что он, как нависающее дерево. Девяносто килограммов мужской опасности, обернутые в красивую оболочку, проходят мимо.

Даже в наручниках он выглядит живым, диким, свободным и естественным. От этого я чувствую, будто это я в тюрьме. В полной безопасности. Маленькой. В полной изоляции.

Каково быть настолько свободной?

— Мисс Уинслоу. Мисс Уинслоу! — Я подпрыгиваю в удивлении, когда слышу собственное имя.

— Извините, — говорю я, чувствуя щекочущее ощущение на шее.

— Я отведу вас в библиотеку, — женщина встает и надевает свой пиджак.

— Замечательно, — дрожь в теле усиливается, когда я невольно кидаю взгляд в сторону, где стоят охранники и заключенный.

Преступник смотрит через плечо. Его насмешливый взгляд карих глаз кидает в меня немые угрозы, однако это меня нисколько не пугает. Большую опасность представляют его пухлые губы, говорящие слова, от которых вскипает кровь.

Мисс Уинслоу.

Неслышно ни единого звука, но такое чувство, будто он прошептал эти слова прямо мне на ухо. А затем он разворачивается и уходит.

2 глава

Грейсон

Я падаю прямо на цементный пол, прохлада обволакивает мои потные руки и разгоряченные плечи. Тайк на верхней койке строчит что-то в записной книжке. Пока я отжимаюсь, он полностью погружен в записи. Какого хрена он там пишет?

Я снимаю наушники и выключаю свой iPod, тяжелый бас сменяется на мучительные крики и другой бессмысленный шум, который продолжается в течение двадцати четырех часов семь раз в неделю.

— Че надо? — Он замечает, что я пялюсь на него.

— Ты Стивеном Кингом заделался, или что?

— Может быть.

Я бормочу, что мне плевать, хотя на самом деле, мне нужно знать. Я сажусь и вытираю лицо от пота. Тайк не предоставляет информацию за спасибо. И то, что меня держат с ним в одной камере, некоторого рода наказание. Тайк, конечно, опасный, но не для меня.

Парни внутри, как собаки. Они принохиваются, как только видят тебя, и тут же решают, могут ли тебя нагнуть.

Я вытягиваю шею, в надежде, что он еще что-нибудь скажет.

— Рассказываю свою историю, — переворачивает он страницу, — это типа помогает, ты знал об этом, чувак? — тон, которым он говорит, пропитан сарказмом.

Теперь я смотрю на него во все глаза. Когда ты в тюрьме, никому нельзя рассказывать свое личное дерьмо, иначе не выжить.

— На хрена?

— Мои несчастные прожитые годы полные непонимания, парень. История для занятий по английскому.

Занятия по английскому. Тогда это все объясняет. Тайк усердствует, чтобы стать лучше благодаря образованию, ну, или, попросту притворяется. Его можно понять. Если он будет продолжать в том же духе, то ему скостят срок и выпустят по УДО. Там, снаружи, у него есть семья, его мать все еще верит, что он невиновен.

У меня другая ситуация, что бы я ни сделал, мое пребывание здесь ничто не облегчит. Если тебя обвинили в убийстве полицейского, считай, тебе конец.

Парни, вроде Тайка, хоть и сидят в тюрьме, но, по крайней мере, их семьи близко, и они могут поддерживать отношения, это дает надежду и помогает выносить все с достоинством. У меня же все по-другому. Меня держат за сотни миль от моей команды; более того отобрали телефон и лишили права писать письма. Никакого контакта с внешним миром. Из-за этого шансы на побег ничтожны, но существуют. Ничто не остановит меня и моих людей. Убийство копа — не самое страшное из того, что я делал.

— Всякое проблемное дерьмо из средней школы, — Тайк пишет без остановки.

— У тебя там все взаправду?

— Еще бы, мисс Уинслоу знает, когда ты врешь.

Мисс Уинслоу. Мое тело все еще реагирует на воспоминание о том, как она сидела на складном металлическом стуле, поглядывая на меня из-под своей книги. Этот взгляд глубоко засел у меня внутри.

У нее миловидные черты лица, как у куклы или типа того, а каштановые волосы забраны в пучок, как у чертовой библиотечарши. Девчонка пряталась за книгой. Она из того вида женщин, на которых никто не смотрит, но я посмотрел. Я видел, как она отодвинулась. Представил, как сжимаю ее каштановые волосы в кулак и трахаю ее лицо.

«Я знаю, что ты наблюдаешь за мной, — подумал я. — Смотри внимательнее, детка».

Мне всегда говорили, что я привлекателен. И женщины. И даже мужчины. И я всегда ненавидел это.

— Без откровений, — добавляет Тайк.

— На фиг, — говорю я. — Ни за какие деньги не буду танцевать, как обезьяна, перед какой-то училкой, — более того, я никогда не раскрою свое прошлое, все равно мне никто не поверит, даже если я решусь рассказать.

Тайк смотрит мне в глаза. Я испытываю его терпение, потому как не могу остановиться благодаря мисс Уинслоу, которая стоит за всем этим. Неужели, это из-за нее?

— Расскажи ей, бл*дь, душещипательную историю, — я опускаюсь на руки для отжиманий. Пять подходов по сотне раз, а затем приседания.

Тайк возвращается к записям.

Мои мышцы горят, но я не могу перестать думать о мисс Уинслоу: вот, она смотрит поверх книги, ее карие глаза перемещаются по сторонам в поисках чего-то; как ей страшно и волнительно одновременно, а затем этот пылающий взгляд, когда я попробовал на вкус ее имя. Мисс Уинслоу.

Мой пульс учащается. Интересно, что можно испытать, приблизившись к ней? Раздев ее? Сломав ее чертовы очки? У меня есть подозрение, что, возможно, ей бы понравилась такая перспектива. И, да, разница между чопорностью и примитивностью не так уж и сильна. Не удивлюсь, если мисс Уинслоу это известно.

Я заканчиваю подход и падаю. Чем больше я думаю об этом, тем меньше мне нравится идея, что Тайк и другие заключенные делятся своими историями с мисс Уинслоу.

— Хрень из средней школы, — он, вероятно, принял мое молчание за осуждение. — Да, ну в жопу, — продолжает Тайк, хотя я его не прошу. — Пусть эти сосунки читают это в Интернете.

Я перевожу взгляд на него.

— Какой еще, бл*дь, Интернет? — У нас нет к нему доступа.

— Наши истории. Она собирается собрать все это и напечатать в газете «Кингмен».

— Выложив в Интернет?

Тайк пожимает плечами.

— Думаешь, кто-то будет это читать?

Я вытираю лоб, стараясь выглядеть нормально, несмотря на то, что каждая извилина в голове непрерывно работает. Она публикует истории онлайн... чтобы люди повсюду могли прочитать. Предполагаю, это именно то, что мне нужно.

— Мне кажется, я мог бы поделиться своими воспоминаниями, — говорю я.

— Что? Ты?

— Почему бы и нет? — пожимаю плечами.

— Уже поздно, класс набит до отказа.

— Может, найдется место еще для одного.

Тайк одаривает меня полным отвращения взглядом, зная, что я найду способ.

Я надеваю наушники и врубаю музыку, продумывая детали.

Мне приходится выждать день, прежде чем сделать попытку записаться в класс, пока Диксон на дежурстве. Я подхожу к нему во время обеда. Охранники-новички отказывают во всем, потому как боятся показаться мягкотелыми; старички предпочитают сразу брать за яйца, но только не Диксон. Он из тех, кто верит, что люди способны поменяться к лучшему.

Он смотрит на меня из-под своей фуражки.

— Ты хочешь записаться в класс? Что-то замышляешь? — (Я пожимаю плечами). — Класс английского. Ты хочешь заниматься английским.

— Что в этом такого? Я умею читать, ты сам видел. — Я знаю, он видел.

Он кривит губы, доставая iPad — у каждого охранника есть один. Он поворачивает его так, чтобы я не видел, и проводит пальцами по экрану несколько раз. Может быть, чувствует, что бедная мисс Уинслоу нуждается в защите. Наверняка, он видит то, что вижу я — тщательно собранную женщину, которая так и напрашивается, чтобы с ней связались. Правда, это последнее, что у меня на уме. Я собираюсь быть прилежным учеником.

— По инструкции в группе от двенадцати до шестнадцати человек, — ищет он. — Как я вижу, занятия с шестнадцатью уже начались.

— Возможно, есть еще место или время? Может, спросить у нее, — потому что я, как никто другой знаю, что инструкции можно обойти, так же как и нарушить правила, так же как сломать человека.

Он устремляет взгляд обратно.

— Что насчет современной литературы? Этот класс не переполнен.

— Меня как раз больше всего интересуют современные мемуары, — говорю я, вероятно, как и мисс Уинслоу. *Современные мемуары.*

— Ну, не знаю, — говорит он.

Я жду. Скорее всего, если он спросит ее об этом, она ответит «да», и нам обоим это

известно. Когда ты заперт, то все имеет определенную цену, приходится торговаться или бороться за то, что желаешь. Сигареты, защита, информация, свежий воздух. Если бы этот охранник был заключенным, то я мог бы надавить на него по-другому, но, поскольку он все же коп, приходится договариваться.

— Пятьдесят баксов...

— По инструкции в группе может быть только шестнадцать учеников, — перебивает он. Черт.

— Сотня, — это все, что у меня есть.

Он отрицательно качает головой. Нет.

Это опасная игра, ему известно, чего я хочу. Он чувствует это, у охранников развито шестое чувство на такие дела. В любом случае мне нужно попасть в класс, да и с училкой, вроде мисс Уинслоу, результат не заставит себя ждать. Готов поспорить, что это последние эссе, которое опубликуется в газете «Кингмен». И мне необходимо, чтобы и моя история туда попала.

Я достаю свой iPod и кладу на его стол. Моя музыка. У меня ушли месяцы на то, чтобы держать плеер у себя. И еще больше, чтобы купить парочку хороших песен из всего дерьма. Что есть у работников столовой. Никакого Интернета, помните? По крайней мере, есть шанс это изменить.

Диксон встает из-за стола, забирает iPod и уходит, оставляя меня с одними наушниками. Ну вот, теперь я в классе.

3 глава

Эбигейл

В холле департамента пахнет пылью и столетней бумагой. Я вдыхаю этот запах, и мой пульс замедляется. Я совсем далеко от этой холодной, серой тюрьмы.

В первый день занятий я стояла в передней части комнаты, скрестив руки, что даже костяшки пальцем побелели, когда шестнадцать мужчин в оранжевой одежде зашли внутрь. Мне известно, кого они видели перед собой, — чопорную школьницу в рубашке, застегнутой на все пуговицы. Они могли чувствовать, исходящую от меня неловкость. Я дала им конспект, преисполненный напряженной и неестественной речью. Единственным положительным моментом на занятиях было отсутствие того мужчины из коридора.

Мисс Уинслоу.

Я не могу вернуться. Просто не могу.

Ядвигаюсь в сторону кабинета консультанта в полнейшем отчаянии. Мне нужно, чтобы она позволила мне отказаться от этого проекта. Один из моих однокурсников делает научный проект, работая с учениками старшей школы; другие работают с ветеранами, медсестрами и просто пожилыми людьми. Несправедливо, что мне приходится заниматься с заключенными. Не тогда, когда из-за этой работы плохие воспоминания вновь всплывают в моей памяти. Не тогда, когда я думаю о том, что принадлежу к чему-то, о чем никому неизвестно.

Никто никогда не узнает.

Я сажусь у кабинета консультанта в Кендрик Холле. Протертые следы тысячи студентов покрывают деревянный пол, стены по-прежнему из мягкого красного дерева нетронутые

годами, за исключением нескольких трещин, где люди оставили свои инициалы и даты. Это здание, как древний дуб, мы можем оставлять на нем свои следы, но оно как было здесь задолго до нас, так и останется еще на долгое время. Я закрываю глаза, мне через многое пришлось пройти, чтобы попасть сюда. Я добивалась этого два года, и вот сейчас я второкурсница. Я не могу позволить этому проекту остановить меня. Моя жизнь наполнена сплошной тьмой, которая угрожает захватить меня, но я не дам этому случиться.

Дверь открывается, и я встаю. Женщина, которая встречает меня, по гламурному красива: губки бантиком, макияж такой, что мне при всем желании не повторить, волосы светлые, практически серые, собраны в пучок на затылке.

— Эбигейл, — говорит она, — пожалуйста, входи.

— Необязательно было выходить, чтобы позвать меня, — как всегда она игнорирует нотки волнения в моем голосе. Для нее вежливость имеет большое значение, как и для меня. Иногда мне кажется, что это единственная разница между мирами: откуда я пришла и где нахожусь сейчас.

Она легкой походкой пересекает захламленный кабинет. Было бы трудно поверить в то, что она слепая, хоть мне это известно. Ей помогает то, что она проработала в одном и том же университете, в одном и том же кабинете, уже двадцать лет. Она пригласила меня в свой кабинет после моего первого дня занятий в ее классе, за такой особый интерес ко мне я была признательна ровно до того момента, как узнала о своем проекте. Тюрьма? О, нет.

— Итак, — начинает она, садясь в свое кресло, — успела ли ты свести их с ума своим красноречием и уравновешенностью, как меня?

— Да, нет, что вы, — неуверенно смеюсь. Я ненавижу саму мысль, что могу разочаровать ее. Ведь так мало людей, кто на самом деле заботится обо мне. И еще сильнее ненавижу думать о тюрьме, там все гораздо хуже. — Это не работает. Может, есть способ поменять проект? Тюрьма слишком темное место.

Так же как и я сама, но не могу ей этого сказать.

— Еще больше оснований вести там занятия, Эбигейл, — говорит она с легким порицанием. — Что на самом деле тебя беспокоит?

Она не позволит мне выйти из проекта, это я уже точно могу сказать. Паника кипит во мне и выходит словами, переполненными отчаянием.

— Я не могу быть полезной в этом месте. Я трачу впустую финансы проекта и ресурсы тюрьмы. Там меня не воспринимают всерьез...

— Тебя будут принимать всерьез, если ты будешь поступать с ними также, — перебивает она. — Если ты будешь относиться к ним, как к людям, они будут вести себя соответственно.

Мысленно я возвращаюсь к тому заключенному в коридоре, который прошептал мое имя. Я думаю, что можно рассказать о нем Эстер, что она на это скажет? Там есть мужчина, из-за которого мое сердце биться быстрее; я чувствую жар и холод одновременно.

— Там небезопасно, — выпаливаю я.

— Ты чувствовала себя в опасности? — Я замечаю волнение на ее лице.

Ох, хотелось бы мне соврать ей...

— Нет, не совсем...

— Охранники с тобой?

— Постоянно, — признаюсь я.

— А мужчины? Они вели себя прилично?

— Более менее. Было несколько комментариев во время занятий. Один сказал, что я, похоже, заблудилась, когда шла в детскую комнату, а другой предложил услуги гида.

На губах Эстер появляется улыбка.

— Им недостает воображения, насколько я помню, — говорит она, и вдруг я вспоминаю, что Эстер не всегда была слепой, и более того, она тоже преподавала в тюрьме, когда училась в колледже, как я. — Может, ты чувствовала, что находишься в зоне физической опасности?

— Нет, — меня пугают не заключенные, а шепот, который говорит, что я, возможно, не отличаюсь от них.

— Тогда в чем ты видишь опасность, Эбигейл?

Я знаю, что она думает, будто я слишком робкая девушка, привыкшая находиться в зоне комфорта между писательством и моей жизнью. Будь более открытой, относись ко всему с охотой. Если что-то тебя не пугает, об этом не стоит писать. Она заставляет исследовать тени внутри меня самой. Эстер ничего не понимает.

— Этот проект не для меня.

— Я знаю, что находиться там, — последняя вещь, которую тебе хотелось бы сделать, но дело не только в тебе. Все те люди пришли в класс, и ты не можешь подвести их вопреки собственным обвинительным суждениям. У тебя есть все, что требуется, чтобы быть прекрасным учителем для них. Я чувствую это в тебе, хоть ты и сама отказываешься.

Я трясую головой, радуясь, что она не видит меня.

— Еще два занятия, — вздыхает она. — Если продержишься еще два и по-прежнему будешь хотеть уйти оттуда, мы поговорим о смене проекта.

— Правда?

Она поджимает губы.

— Спасибо, — говорю я.

— Может казаться, что люди пытаются противостоять тому, что ты делаешь, но на самом деле всем им нужно поделиться своими историями. Некоторые нуждаются в этом, чтобы исцелиться, стать цельными, а ты можешь дать им эту возможность. У тебя есть дар, Эбби. Ты заботишься об историях и людях, а это, как раз именно то, что им нужно.

Я думаю о мужчине из коридора, представить не могу, какую историю он способен мне рассказать.

4 глава

Эбигейл

Я беру последнее эссе и тяжело вздыхаю. Как же хочется ненавидеть это место, больше похожее на тюремную клетку, чем библиотеку, но, должна признать, что эти сочинения были лучшим, что я когда-либо читала прежде. Грубые эмоции на страницах изложены таким образом, словно они совершенно ничего не значат.

Мой отец попал в тюрьму, потому что избивал мою маму. Я состоял в хоре, но он запрещал мне заниматься музыкой, так или иначе там я все равно ничего не добился. А отец ничего не мог поделать с тюрьмой, правда, потом его все равно выпустили за примерное поведение.

Отец Тайка тоже его бил? Что могло превратить безнадёжного музыканта в преступника? Я потираю глаза ладонями. Соберись.

Громкий лязг. Они идут. Библиотека небольшая, но, несмотря на это, чтобы обойти ее, им приходится потратить немало времени. До меня доносится шарканье, звон металла пробирает до костей.

Наш класс представляет собой пространство в дальней части тюрьмы, где расставлены шестнадцать стульев и установлены парты. Ничего особенного, как и в самой тюрьме, четыре стола вдоль, четыре — поперек. Мой письменный стол и стул располагается впереди, прямо перед моими «учениками», все как в школе, а доска за моей спиной, только это подтверждает. Мебель прибита к полу, поэтому ее нельзя использовать в качестве оружия. Ни стен, ни дверей, здесь нет ничего, что могло бы скрыть нас ото всех, но я не возражаю. Ребята тратят уйму времени взаперти, им не мешает немного свободы, хоть и среди запахов старой бумаги и клея.

Я приветствую каждого ученика, как только они приближаются.

— Здравствуйте, Тайк, Грифф. Доброе утро, Джейкоб, — некоторые отвечают, другие кивают или что-то бормочут, третьи предпочитают просто игнорировать, даже не глядя мне в глаза.

Они занимают все места. Я жду, когда мистер Диксон обойдет комнату. Он охранник в моем классе, поэтому всегда при исполнении. Никогда не поворачивайся спиной, объяснил он мне в первый день. Тогда я и спросила его, не хочет ли он присоединиться к нам на занятиях, он покраснел и ответил, что лучше сосредоточится на том, что у него под рукой. Как жаль, уверена, у него есть в запасе истории, которыми следует поделиться.

Чего не скажешь о мужчине, который заворачивает за угол, когда ученики уже расселись по местам. Формы у него нет.

У меня перехватывает дыхание. Он.

Я то и дело перевожу взгляд, ища место, где можно спрятаться. Соберись. Ну же. Может быть, я и самая молодая из всех людей, присутствующих в комнате, но, тем не менее, я ответственная. Я учитель, хоть это и всего лишь проект выпускного года. Мой пульс скачет, а ладони потеют.

Он ведь не виноват, что его глаза, словно темные бриллианты, твердые и глубокие. Он не виноват, что выше Диксона, охранника, на голову или, что его шея толщиной со ствол дерева. В том, что он пугающий и, одновременно, убедительный, тоже нет его вины. На такого привлекательного мужчину сложно не смотреть. Он вызывающе красив.

Я натягиваю улыбку, у меня все получится.

— Здравствуй, я мисс Уинслоу, — разумеется, ему уже известно мое имя. Он попробовал на вкус его еще в коридоре.

Ох, хватит, я достаточно об этом думала. Наверное, он уже обо всем забыл. Я ведь ничто для него. Я никто.

— Мэм, — только и кивает он, чем полностью подтверждает мою теорию.

— Ох, прошу прощения, у меня не было возможности предупредить вас, — говорит Диксон. — Это еще один из ваших учеников.

Еще с одним учеником я справлюсь, но он?

— Он уже пропустил два занятия.

Диксон нервничает, он не смотрит мне в глаза.

— Грейсон смысленный парень. Я уверен, он не доставит много хлопот.

Грейсон. В его имени есть что-то величественное, как и в нем самом. Только вот Диксон ошибается, он уже доставляет мне неприятности. Класс сидит без дела, пока мы все выясняем. К тому же мне придется работать с этим парнем один на один, что кажется мне слишком личным. В этом-то все и дело, каждое эссе индивидуально, поэтому я не хочу видеть этого парня на своих уроках. Достаточно того, что я нахожусь в этом месте, мне не нужна его история. Внимание.

— Может, он мог бы присоединиться к другому классу. Здесь все равно недостаточно парт.

Кажется, мой ответ сбивает Диксона с толку, он касается кармана рубашки, будто там может находиться ответ на вопрос. Сомневаюсь, что он сможет достать оттуда парту и стул, а затем поставить на пол.

— Я остаюсь, — тихо подает голос Грейсон.

— И как же тогда ты будешь писать? — я вопросительно приподнимаю бровь.

Уголок его рта приподнимается вверх с вызовом, которого Диксон не видит.

— Слово за слово, как и все остальные, — его ответ вызывает улыбку, хотя полагаю, мне не стоит так себя вести. Никакого проявления слабости. По этому парню видно, что он гад.

Ненавижу себя за то, что мне это нравится.

— Тебе придется сделать дополнительное задание, чтобы догнать класс.

Грейсон кивает, его лицо мрачнеет. Поверить не могу, что ему хочется быть в классе, я сразу же вспоминаю, как Эстер сказала, что безнадежным людям нужно поведать свою историю, даже если они этого не осознают. Кто я такая чтобы лишать его этого права?

— Можешь сесть за мой стол.

— А где тогда будете сидеть вы? — возражает Диксон, хотя мне кажется, ему нет до этого дела.

— Я постою, — на моем лице появляется ироничная улыбка. — Я здесь единственная, кому не нужно писать.

— Тогда продолжайте заниматься, — говорит Диксон, глядя в экран своего iPod или телефона, который он вытащил из кармана. Он не особо внимателен, но меня это мало волнует. Я никогда не чувствовала себя в опасности рядом с шестнадцатью преступниками в классе. До появления Грейсона, который заставляет меня нервничать от одного лишь взгляда. Я смотрю на его предплечья, покрытые белыми полосками шрамов. Они выглядят так, словно он получил их преднамеренно, знак «X» со странными дополнениями на концах. Прямо-таки варварское тату.

Мои глаза встречаются с его. Он видел, как я на него плююсь. Смотрит на меня со смесью отвращения и желания. Я застегиваю верхнюю пуговицу своей рубашки, чувствуя себя незащищенной. Жалею, что не могу схватить кардиган со своего стола и носить брюки вместо юбки. Мне кажется, будто Грейсон может видеть сквозь мою одежду, сквозь все, что меня защищает.

Все проходы в классе широкие и достаточно просторные, по крайней мере, для троих парней. Мистер Диксон сказал мне, что все сделано специально — так охранникам будет проще утихомирить заключенного, если возникнет какой-нибудь конфликт. Только вот Грейсон заполняет все пространство. Воздействует даже на мою кожу.

Ядвигаюсь в сторону, когда он подходит, чувствуя себя крошечной.

— Садись, — говорю я резко. — У нас много работы.

— Да, мисс Уинслоу, — шепчет он глубоким, бархатистым голосом, от которого у меня

мурашки проходят по спине.

Я чувствую себя точно так же, как и когда он впервые произнес мое имя, но только сейчас он сказал его громче. Если этот парень способен вывести меня из равновесия, сказав пару слов, что же тогда случится со мной после целого эссе?

Я наблюдаю, как он подходит неторопливой походкой. У него коротко стриженные каштановые волосы, большие мускулистые плечи, которые выделяются под натянутым комбинезоном. Его походка медленная, свободная и обалденная. Он двигается так, словно целая комната принадлежит ему одному.

Он берет мой стул, садится, чуть наклоняясь вбок, устраиваясь поудобнее на слишком маленьком для него стуле, прямо как принц варваров на троне. Как ему это удастся? А потом он улыбается мне. Боже, эта улыбка. Она должна быть запрещена законом.

Я отвожу взгляд от него в сторону класса, взволнованная и злая одновременно.

— Признаюсь, я впечатлена тем, что вы вернулись с заданием на этой неделе. Должно быть, вам пришлось хорошо постараться. Искусство письма в мелочах: как давным-давно забытые травмы или предметы, на которые падал свет, — я продолжаю свою заранее подготовленную речь, хватаясь за бумаги.

В первый день занятий я допустила ошибку, когда попросила учеников описать самые значимые проблемы в их эссе, в результате чего получилась полная чепуха: материалы о машинах, побег из дома, музыкальные выступления, даже рассказ о поездке на яхте. Все это разбило мне сердце. Во второй раз я попросила написать их о чем-то малом и незначительном, единственное условие, чтобы это была правда. А если кто-нибудь соврет, я это определяю.

Рассказы получились об их повседневных разочарованиях, жестокости, которая якобы никого не волнует, а также много протестов.

Я продолжаю говорить, стараясь оставаться хладнокровной и собранной, что совсем нелегко под тяжелым взглядом Грейсона. Представляю его, занимающего мой стол, — единственную защиту, которая у меня есть. И внезапно, осознаю, что он прекрасно это понимает. Ему известно, что он отнял у меня. Контроль, вот что. Только я умею стоять на своем. Он расселся, как дерзкий лев, рыча с абсолютным спокойствием.

В библиотеке холодно. Мурашки покрывают кожу, соски твердеют под бюстгальтером, я бы хотела схватить свой кардиган со спинки стула, только он сидит на моем месте.

Я проглатываю ком в горле и улыбаюсь. Это мой класс, все под контролем.

— Сегодня мне бы хотелось сузить область изучения, — говорю я совершенно спокойно, словно мое сердце не пропускает больше миллиона ударов в секунду. — Давайте подумаем о предметах. Я попрошу вас открыть тетради и написать список из двадцати разных предметов, — поучительно приподнимаю палец. — Но только не просто о каких-либо обычных объектах, а о тех, что каким-либо образом связаны с вами. Например, вилка. Вы не можете просто сказать слово «вилка», вам нужно рассказать о ней. Предположим, там, где я живу, есть эта вилка. Она лежит в кухонном ящике, я и моя соседка по комнате обзавелись этой серебряной вилкой на блошином рынке. Это самая лучшая вилка у нас дома. Другие были куплены в «Таргет», и они не такие прочные, а эта толстая и крепкая, нам приходится бороться за нее, потому что ее гораздо приятнее держать в руке, а также...

Некоторые ребята посмеиваются, остальные переглядываются и заливаются хохотом. Мое лицо вспыхивает, когда я понимаю на что было похоже мое описание.

— Эй! — предупреждающе выкрикивает Диксон, а затем вновь возвращается к своему

телефону.

Я совершаю ошибку, когда кидаю взгляд на Грейсона, потому что он единственный, кто не смеется. Он просто сидит и смотрит своими карими глазами. Мои щеки вспыхивают, как только я задаюсь вопросом, какого это чувствовать его там.

И его пухлые губы.

О, боже.

Я отворачиваюсь, стараясь не потерять контроль.

— Ладно, только давайте не будем брать в расчет пошлую двусмысленность. Никаких бананов, — если ты не можешь ударить их, присоединись к ним. — И орешков, ну, вы сами знаете. Ясно? — а затем я просто смеюсь, моя нервозность сыграла со мной злую шутку. — Поверить не могу, что сказала это.

Напряжение улетучивается, ребята хихикают и улыбаются, и с этим ничего не поделаешь, мы просто смеемся все вместе, как если бы все они находились бы здесь по своей воле. Люди, а не цифры. И внезапно я начинаю чувствовать себя лучше, может быть, я не хочу находиться здесь, но теперь, по крайней мере, не все так плохо, до тех пор, пока я продолжаю игнорировать бетонные стены, давящие на меня, решетки на окнах. И Грейсона.

— У вас на все про все двадцать минут, — я заранее подготовила кое-какие бумаги, поэтому после того, как они закончат с заданием, мы разберем некоторые темы вместе.

Я смотрю на Грейсона, который тихо наблюдает за происходящим с выражением лица, которое невозможно прочесть, я могла бы помочь ему, но похоже, что он и так раздражен. Такое чувство, будто я делаю что-то, что ему не нравится, может быть, он предпочитает видеть, как я волнуюсь или все выходит из-под контроля. Я кладу бумаги на стол и подхожу к нему.

— Могу я взять свой... — я указываю на мой кардиган, висящий на спинке стула.

Он поворачивается и хватается его. В моем животе разрастается дыра, когда я вижу его со своим мягким кардиганом. Он отобрал у меня мое пристанище, мое место, мое чувство контроля. Он смотрит на меня так, словно видит. Как же хорошо, что он под стражей. Грейсон протягивает кардиган на пальце.

— Я не кусаюсь, — говорит он. — Несильно.

Я фыркаю и выхватываю кофту. Наши пальцы соприкасаются, и разряд электрического тока проходит по телу, достаточно, чтобы сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Он откидывается назад и наблюдает за тем, как я натягиваю на себя кардиган. Это кажется чем-то интимным — одеваться, пока он смотрит. Я благодарна Диксону и другим парням за их присутствие, пускай они, и перешептываются, строча что-то на бумаге, думая, будто я ничего не замечаю. Представить не могу, каково оказаться наедине с этим парнем. Он пугает меня, но не так, как, например, темная улица, а по-другому. В переулке я бы знала, что мне делать. А вот с ним? Непонятно.

Хватаю свой портфель и ставлю на край стола, в поисках нужных бумаг. Я стараюсь не встречаться с ним глазами, но только потому, что не могу найти то, в чем нуждаюсь.

— Что ж, получается, тебя интересует творческая деятельность? — говорю я тихо, чтобы не мешать остальной части класса.

— Да, мисс Уинслоу, — его голос спокоен, груб, звучит насмешливо. Мои щеки заливаются краской, если бы не угроза в его взгляде, то его можно было назвать красивым.

— Вот расписание занятий. Ты пропустил всего несколько уроков, но ничего серьезного, всего пару заданий для написания, — объясняю ему про упражнения «значимое-

незначимое событие». — В течение нескольких недель мы будем делать задания, а потом выбирать что-то одно и редактировать. К концу курса создадим газету — электронную и печатную — полную наших историй с виньетками.

На слове «виньетка» его губы исказились в усмешке. Интересно, на какой ступени получения образования он остановился? Из-за того, что он пришел в класс позднее, мне не предоставили о нем полной информации, как было с другими парнями. Он так скривился, потому что знает это слово? Или наоборот не знает, и оно кажется ему вычурным?

Ой, да кого это волнует? Я здесь учитель. Я за все отвечаю. Ставлю портфель между нами, огораживаясь от него им, словно стеной.

5 глава

Грейсон

Она стоит за своим портфелем, как за крепостью. Книги, сумка, очки — это все заставляет меня желать разоблачить ее, раздеть, оставить без надежды. Я точно знаю, она бы ненавидела это и любила одновременно. У меня такое чувство, будто мы знакомы, хотя я никогда не встречался с ней прежде до этой недели.

Мое внимание возвращается к ее очкам. Насколько она хороша без них? Надеюсь, что не очень, иначе здесь будет совсем горячо, когда я сниму их с нее. Горячо для нас обоих.

Более того это опрометчиво.

Хватит! Я здесь, чтобы быть прилежным учеником. Мне нужно сфокусироваться на ее глупом задании, составить список предметов.

Она копается в своем портфеле, ища что-то:

— ...до тех пор, пока не обзаведешься собственным, — она вытаскивает блокнот в кожаном переплете, поношенный по краям.

Я наблюдаю за ней краем глаза, между темными бровями пролегла глубокая морщина. У этой девушки старомодный вид, тонкие и резкие черты лица, большие глаза и мягкий взгляд. Представляю ее на черно-белой фотографии, стоящей напротив фермы из старых добрых времен с вилами в руках и напускным важным видом. Строгость меня привлекает — это горячо.

У нее влажные губы, наверняка, потому что она посасывает их, когда нервничает. Я хочу попробовать их больше всего, а может быть, даже укусить и снять с нее эти очки. Каждый дом, что я обворовал, каждое здание, буквально та же история — ты устанавливаешь линию обороны, а потом стираешь границы. Вот как заполучить контроль, для нее это — очки.

Мисс Уинслоу вырывает страницы из записной книжки, из-за чего я чувствую себя неудобно, ведь она делает это специально для меня. Интересно, что в этом такого, почему она не хочет видеть меня в своем классе? Она открывает следующую чистую страницу.

— Вы пишете в нем с конца вверх ногами? — спрашиваю я.

— Ага, — отвечает она. — Предпочитаю, чтобы поля были снизу, а не сверху, — она сгибает страницы и кладет их в свой портфель. — Так проще писать.

Я киваю. Меняет все под себя. Мне это даже нравится. Правда, немного удивляет.

— Двенадцать предметов, понятно?

— Да, мисс Уинслоу, — говорю я.

Она моргает. Кажется, нужно перестать звать ее по имени. Девушка поворачивается к классу.

— Как дела? Есть ли у вас вопросы? — никто не отвечает. Она проходит сбоку от класса в своей юбке карандаш и красном кардигане, который кажется мягким, как шерсть котенка. — Пусть даже будет что-то незначительное или скучное, как вам угодно. Главное, чтобы это была правда, а не вымысел, — она приподнимается и разворачивается спиной. — В этом классе самый маленький и скучный кусочек правды в десять тысяч раз важнее самой красивой лжи.

Я смотрю на пишущего Тайка в заднем ряду и думаю о его словах, что ей известно, когда ты выдумываешь. Так ли это? Мысль о том, что я могу поведать ей правду о моем прошлом, разъедает мои внутренности, словно кислота. Слишком велика цена, чтобы за нее платить. Правда, мне необходимо попасть в онлайн-газету. Стоун уже получил указания, нужно лишь обозначить место удара. Я собираюсь писать, используя специальные выражения, а он, как раз, увидит это в небольшом журнале. Он не может позвонить мне, но знает, где я нахожусь, поэтому получение сообщения не отнимет много времени. Здесь хорошие надзиратели, скорее всего мне придется подкупить кое-кого ради изменения имени, но не беда. Стоун и парни получают мое послание.

Придется красиво завуалировать инструкции, дабы создать дымовую завесу. Мне придется выдумать красивую историю, поскольку я ни в коем случае не могу поделиться с ней правдой.

Тайк поднимает руку, и она подходит к нему. Он просит помочь ему, его губы двигаются так, будто он задает вопрос довольно аккуратно, хотя я ничего не слышу. Похоже, что и она тоже, поэтому девушка наклоняется ближе.

Я стискиваю зубы. Каждый парень в комнате пускает по ней слюни, включая женатого Диксона с тремя детьми. Он тоже пялится на нее, невзирая на ее возраст, потому что мы здесь все испорченные. А сколько ей лет? Не восемнадцать. Точно? Или все же восемнадцать? Девятнадцать? Ох, уж этот обнадеживающий взгляд. Боже, она совсем юна. Правда, недостаточно. Изгибы, скрывающиеся под юбкой, довольно притягательные. Все же она женщина.

Заставляю себя оторвать от нее взгляд, смотрю на лист бумаги перед собой. Двадцать предметов, обычных, реальных вещей. Что ж, это будет легко. Если я смог одурачить главу художественного музея Цинциннати позволить мне «оценить» выставку царских вещей, то у этой малышки даже нет шансов. Я волнуюсь за нее.

Другой парень задает вопрос, не поднимая руки:

— Я жил в Джерси, а там нет и десяти вещей, о которых можно было бы рассказать.

— Двадцать предметов, — говорит она, не сдвигая позиций. Мне нравятся ее попытки казаться строгой, хотя со мной это не сработает, а вот другие парни подчиняются власти. Ей это удастся.

Итак, я представляю бейсбол. Я не играл много в эту игру, потому как меня забрали в возрасте пяти лет, но я помню, как ходил по пятам за своими старшими приемными братьями. Они позволяли мне занимать позицию разыгрывающего защитника. Они заставляли меня быть разыгрывающим и носить перчатку на правой руке, я стоял рядом с бутылками воды и ключами, вел счет очков и следил за мячами. Это было самое счастливое время: стоять под палящим солнцем, играя со своими старшими братьями. Тогда я нихрена не смыслил в бейсболе, кроме этой части. Те вещи были единственными, о чем я мечтал

после того, как меня забрали.

Я начинаю писать:

Бутылка с водой у забора.

Идеально острый с двух сторон и тупой с двух других кусок стекла.

Сплющенная кружка из «Тако Белл» полная муравьев.

Перчатка на правую руку.

Шлем Майка на первой базе.

Мои башмаки на второй базе.

Маленький одуванчик в пыли.

Заполняю свой список, думая о площадке, как вдруг девушка хлопает в ладоши.

— Положите карандаши, — велит она, прямо как на экзамене. — А сейчас вы по кругу будете делиться по одному предмету из списка. Можете сами выбирать, о чем рассказать. О каком-либо важном предмете или не очень. О чем-то большом или маленьком. Выбор за вами, — она кивает Тайку. — Начинай.

Тайк нервничает, потеет. Можно с ума сойти, видя его таким. Он ведь мог бы раздавить ее, одного взгляда достаточно. Чертова тюрьма переворачивает естественный порядок вещей.

— Это пистолет, — наконец, говорит он. — А точнее «Беретта», но это не просто пушка. Она прошла со мной через многое, ну, вы понимаете. Вроде моего оберега на удачу или типа того.

Она лучезарно улыбается ему. Гордясь, что Тайк придумал что-то осмысленное, от этого мои внутренности скручиваются. Если бы ствол приносил ему удачу, то Тайка бы тут не было.

Каждый из парней пытается завоевать ее внимание, словно делят кусок добычи. Это немного напоминает ревность, потому что я тоже хочу, чтобы она обратила на меня свое внимание. Но этот момент так и не наступает. Мы слушаем о диване, шляпах и брелоках. Я делаю заметку, что ей нравятся личные вещи. Предметы, которые смущают тебя. Ей становится хорошо от всей херни, из-за которой ты чувствуешь себя дерьмово.

Она так и не называет мое имя. Все парни делятся чем-то, кроме меня.

— А сейчас я хочу, чтобы вы выбрали один пункт, который вызывает у вас сильные чувства, и написали об этом сочинение.

Какого хрена, твою мать?

Моя рука взлетает вверх.

— Грейсон? — Она и бровью не ведет.

Грейсон. Могу ли я сойти с ума от того, каким низким и хриплым голосом она произносит мое имя? Черт, мне хочется еще раз услышать, как она меня зовет, но только ближе и тише. Вот отлетают пуговицы, шелк с легкостью рвется, мягкая кожа, которую можно укусить.

— Почему вы не спросили меня?

— Сегодня твой первый день в классе, я не хотела давить на тебя.

Я хотел бы проверить свою теорию, но сейчас мне это не удастся.

— А вы будете читать наши сочинения?

Она немного колеблется.

— В этом вся суть. Обратная связь поможет вам улучшить и, в итоге, подготовить ваши работы для публикации.

Не могу сдержать ухмылку. Публикации. И виньетки. Она так чертовски, претенциозна. И вместо того, чтобы раздражаться, я нахожу это привлекательным.

— Осталось всего пятнадцать минут, тебе следует поторопиться, — шурится она.

— Хорошо, мисс Уинслоу.

Что-то мелькает в ее глазах, прежде чем она отворачивается, а я начинаю писать, потому как это важно. Получив ее одобрение, я смогу отправить сообщение моей команде. Я думаю о своих приемных братьях и о том, что заставляет их чувствовать себя дерьмово. Вспоминаю про Джордана Клиника, из-за которого моему брату было плохо. Случилось это сразу после того, как он попал в бейсбольную команду в старших классах.

Решаю, что напишу его историю, выдав ее за свою собственную. Я мало что знаю о бейсболе, я закончил играть в подобные игры в пять лет, поэтому буду сочинять. Так ведь дети делают, нет? Сейчас я представлю, как и что должно быть.

Самый счастливый день в моей жизни, когда меня взяли в команду по бейсболу в старшей школе. Я и мои друзья праздновали и валяли дурака. Мы были ненормальными и бросали камни в окна и метили стены. Мне кажется, все заслужили это, кроме Джордана Клиника. Мистер Джордан всегда очень хорошо относился к детям, но мы разбили его окно и разрисовали все краской.

Я на самом деле пишу так, как брат мне рассказывал.

На следующий день я достал свою форму и перчатку защитника, такую красную специально на правую руку. А потом рассказал все своему младшему брату, пытаясь переделать все в шутку, но даже ему было понятно, как хреново я себя чувствовал в тот момент Джордана Клиника. Как пожилой человек отреагирует, когда увидит, что мы натворили? Я надел форму, чтобы похвастаться перед ним, но все равно чувствовал себя ужасно...

Комната вместе с ним до сих пор стоит у меня перед глазами, я даже могу ощутить исходящее от него чувство вины.

Немного жестковатая история, надеюсь, она на нее купится. Насилие, лишенное смысла, вина. Думаю, я не прогадал.

6 глава

Эбигейл

Студенты заполняют пространство вокруг меня своим глубоким, сбивчивым дыханием. Вдох. Выдох. Прямо как в школе, медитируют, дабы успокоиться. Через несколько минут они покинут здание, оставляя дверь Эстер далеко позади.

Моя встреча с ней началась пятнадцать минут назад, но я все еще нахожусь здесь, хотя и

не должна. Я провела несколько занятий в тюрьме, как и обещала, и сейчас мне нужно, чтобы она позволила мне выйти из проекта. Она будет расстроена, но вся эта ситуация слишком сложна. Он чересчур труден для меня.

Я расправляю плечи и стучу.

— Войди, Эбби, — зовет она сразу же после стука, ее голос спокойный, выжидательный, но не нетерпеливый.

Я захожу внутрь и вижу Эстер, стоящую перед своим столом. Известно ли ей, что нас разделяет всего два метра? По ее вежливой улыбке и руке, сжимающей плечо, я понимаю, что она это знает.

— Прошу прощение за опоздание, — говорю я, — не знаю, что на меня нашло.

— Не о чем волноваться.

Вот так вот: никакого давления. Она садится за свой стол, ожидая меня, чтобы поговорить.

— Что ж, — начинаю я сбивчиво, — последние несколько занятий прошли хорошо, по крайней мере, они не издевались надо мной, как в первый раз, но, тем не менее, есть кое-что, о чем мне бы хотелось поговорить.

— Ты нашла с ними общий язык, — ободряюще кивает Эстер.

— Сначала они... сопротивлялись. Но на второй части задания, начали раскрываться. Это было приятно, — я вспоминаю, как мы вместе смеялись. Может быть, эта была наша маленькая связь. Правда, мне все еще кажется, что им нужен кто-то другой, постарше. Человек, который захочет быть там. Мне же следует быть где угодно, только не в тюрьме. — Так что это не полный провал, но...

Она ждет.

— Это все еще не работает. Я не поменяла своего мнения, до сих пор считаю, что все может выйти из-под контроля, — на самом деле я единственная, кто не может себя контролировать.

— Звучит прямо противоположно, — отвечает Эстер.

— У меня появился новенький ученик, — говорю я, — несмотря на то, что класс был переполнен.

— О, — произносит она, вот и все изобилие чувств в одном лишь звуке.

— Думаю, ему понравилось заниматься, но у меня уже достаточно учеников, из-за этого все просто разваливается на части. Ничего не получается, конец, — об этом мы как раз и договаривались. Она нужна мне, чтобы не возвращаться туда. У меня было время, я его благополучно отработала, здесь все так же, как и у заключенных: они исполняют свой приговор, а затем свободны.

— Ладно, — в ее голосе нет осуждения, но почему-то мне хочется услышать порицание от Эстер. — Он проблемный?

— На самом деле нет, даже, несмотря на то, что он занимает мой стул, — я сдерживаю улыбку, понимая, что отчасти, он действительно наглый. — Ему пришлось его забрать.

— А твой класс? Его он тоже забрал?

— Нет, конечно же, — не класс, только мои мысли и тело. Эта личность постоянно фигурирует в моей голове в сексуальном плане, хотя я на самом деле совершенно другой человек. У меня нет времени на подобного рода забавы. — Заключенный... Грейсон. Он хороший ученик, как магнит, притягивает к себе. А еще он довольно убедителен и умен, даже его ложь. Она западает в память.

— И?

— Понимаете, истории других учеников были хвастливыми. Представления о богатой и известной жизни, — я делаю паузу, вспоминая каждую рассказанную деталь: разыгрывающий в бейсболе. Нет такой позиции. Более того он правша, а значит, не смог бы носить перчатку на правой руке. — В своем сочинении Грейсон рассказал о бейсболе, а так же, что вырос в Америке и все, что с этим связано, только он ошибся. По тому, как он все описал, можно понять, что он никогда не играл в эту игру. Это вроде того, как раньше определяли русских шпионов. Потому что, какой американский мальчишка не знает о бейсболе? — Эстер кивает, и я продолжаю. — Жуть какая, ведь даже самый бедный американский мальчишка знает, как играть в бейсбол, так же как и дети в колонии для несовершеннолетних. Это один из видов лжи, что раскрывает слишком много.

— У него есть история, — предполагает она.

— Наверное, но все же, мне кажется, что кто-нибудь другой сможет помочь ему лучше, чем я.

— Разве это не твоя работа? Помочь ему?

— Нет, — отвечаю я, чувствуя себя капризным ребенком. Мне известно, к чему она ведет.

— Нет, твоя работа — дать ему безопасное пространство, чтобы поделиться своей историей. Это подарок от занятия.

Она не понимает, что у меня нет этого пространства достаточного для Грейсона. Он кажется пугающим и беспредельным, полный секретов и исходящего от него магнетизма, этот заключенный, как черная дыра, и если бы я была на краю, а затем упала, то никогда бы не смогла подняться.

Эстер наклоняется вперед и хмурится, я вижу, что она обеспокоена.

— Он... трогал тебя?

Этот вопрос меня удивляет.

— Нет, Грейсон никогда не прикасался ко мне, — просто даже его взгляд кажется более интимным, чем прикосновение.

— Хорошо, — произносит Эстер. — Если ты так хочешь выйти из этого проекта, я думаю, что тогда ты смогла бы присоединиться к Калли в доме престарелых, — несмотря на то, что она пытается скрыть разочарование, я все равно его чувствую и начинаю злиться на себя.

Я лучше всего этого. Сильнее. Последнее занятие в классе прошло на славу, мы мило общались с ребятами, что, если одному из них нужно рассказать свою историю? Что, если этот кто-то Грейсон? Никто не угрожал мне. Никто ко мне не прикасался.

Никто не сможет этого сделать.

— Не берите в голову, я остаюсь, — заявляю я, выпрямляясь на стуле.

— Ты уверена?

— Я уже зашла довольно далеко, а значит, должна довести дело до конца, — мне потребуется всего лишь несколько недель. Я буду игнорировать Грейсона и полностью сосредоточусь на газете. Я сделаю все, что от меня требуется, а затем вернусь к нормальной жизни и забуду о том, что когда-то встретила заключенного по имени Грейсон.

Я сажусь прямо напротив шестнадцати столов и стульев, которое вскоре будут заняты моими учениками, включая Грейсона, кто займет мое место, как это было в прошлый раз. Нет, он не просто возьмет мой стул, он будет чувствовать себя так, словно это его собственность, а затем начнет смотреть на меня, наслаждаясь каждой секундой.

Сегодня мы будем говорить один на один, и разговор тет-а-тет с Грейсоном, как мне кажется, будет непростым. Я перебираю свои бумаги, отмеченные красной пастой, надеюсь, несильно. Мое сердце скачет.

Мужчины будут читать в тишине под наблюдением Диксона отскерокопированное сочинение Джеймса Болдуина¹, надеюсь, оно им понравится. Я буду вызывать к себе по одному ученику и обсуждать с ними итоговые проекты, которые смогут вырасти из семян, заложенных в самых первых заданиях. Мы будем разговаривать за небольшим столом в дальнем углу. Не совсем личный разговор, но, по крайней мере, этого достаточно для тихой беседы. Надеюсь, что все пройдет быстро, и тогда я смогу спрятаться в маленьком кабинете вместе с книгой.

На часах 13:59 и я встаю на место. Сегодня на мне пиджак, он нужен мне, как броня. До появления Грейсона, я в нем не нуждалась. Я приветствую заключенных по именам, в том порядке, как они заходят. Джордан. Лишон. Роман. Тайк. Они занимают свои привычные места.

Грейсон идет последним. Сначала я думала, что он всегда так делает, так же как плохие дети садятся в конец автобуса, но сейчас, я, кажется, догадываюсь. Дело в том, что Диксону так гораздо проще следить за Грейсоном, потому что он опасен, возможно, способен на побег или на что-то такое же нахальное.

Он выходит из-за угла, окидывая меня удивленным взглядом. Я смотрю на его скованные запястья, мускулистые плечи и шрамы на них. Выпуклые рубцы, очень похоже на что-то неестественное. Интересно, он сам их получил? Или кто-то постарался оставить на нем след? Сердце бешено колотится, когда я представляю, как прикасаюсь к нему. Какая на ощупь будет его кожа? Гладкая? Грубая? Жесткая? Он кажется жестким во всем, но помимо этого в нем должно быть что-то мягкое.

Мои щеки вспыхивают.

— Здравствуйте, мисс Уинслоу, — шепчет он, проходя мимо меня, от такого интимного приветствия у меня перехватывает дыхание. Такое чувство, будто он засел у меня в голове... и какой-то темной стороне меня, это даже нравится.

Я сглатываю.

— Добрый день, Грейсон, — отвечаю я, мысленно благодаря Бога, что он под охраной. Грейсон слишком большой, слишком красивый, слишком опасный... он просто слишком. Занимает собой все свободное пространство в комнате. Из-за него мой живот наполняется чистой энергией.

Я беру эссе и рассказываю им о плане на сегодняшний день, как обычно делают мои преподаватели.

— Мы будем выполнять и обсуждать кое-какие упражнения для развития речи, а затем я выберу несколько работ на публикацию в журнале — анонимно, если вы захотите, то ваши сочинения будут напечатаны, — я уже говорила им об этом ранее, но хочу быть уверенной, что все они понимают, о чем идет речь. — У вас будет время на выполнение самостоятельной работы в классе.

Наши разговоры тет-а-тет проходят быстро. Гриффин собирается коллекционировать

пивные кружки, которые достались ему от старого соседа. Тайка я призываю задуматься о том дне, когда его отец вышел из тюрьмы. Некоторые из заключенных говорят о том, что собираются стать отцами. Мне становится не по себе, когда я думаю о том, как пыталась отказаться от этого проекта.

Грейсон последний. Он берет стул, небрежно садится, скрещивая ноги, как стволы деревьев, опускает руки на бедра. Его тепло наполняет пространство. Как тюрьма его может удерживать?

Я нервно улыбаюсь, мой взгляд скользит в сторону, где Диксон равнодушно наблюдает за остальными заключенными. Мне становится лучше от осознания того, что он рядом. Ведь Диксон защитит меня, если вдруг что-нибудь случится, не так ли?

Я возвращаюсь обратно к темным и густым ресницам Грейсона. Мое дыхание ускоряется, я поднимаю руку, чтобы поправить очки, хотя они и так идеально сидят, иногда мне просто нужно это сделать.

— Что ж, давай начнем, — листаю бумаги в поисках его сочинения. На секунду мой взгляд падает на его предплечья. Очень странно, больше похоже на белую татуировку, но нет. Это не тату. Это шрам. Даже, несмотря на то, что его руки скованы, он все так же остается мускулистым и массивным.

Я представляю, как он стоит передо мной, касаясь подбородка, поднимая мое лицо, чтобы заглянуть мне в глаза. Уже вижу, как его большой палец выводит круги у меня на шее.

— Мне нравится газета, я в восторге, — подает он голос, тем самым пугая меня.

Я выпрямляюсь. Грейсон говорит искренне, как будто его действительно это волнует. Боже, что я делаю?

— Очень приятно, — говорю я, на что он кивает.

— Мне нравится сама идея о том, что разные голоса могут заполнить электронную сеть. Ведь именно для этого нужен Интернет, не так ли?

Я киваю и тут же осознаю, что он кормит меня моими собственными словами, только перефразированными.

— Журнал — это рассказы, а не фантастика. — Он наклоняет голову, опасно взирая на меня. — А то, что ты дал мне, как раз и есть...

— Вы зовете меня лжецом, мисс Уинслоу? — Его глаза потемнели, а голос охрип.

У меня пересыхает во рту.

— Я не думаю, что эта история реальна. Или, по крайней мере, она не принадлежит тебе. — Он долго сверлит меня взглядом, из-за чего мой пульс подскакивает. Я не могу прочитать его, но не нужно быть гением, чтобы понять, как я ему не нравлюсь. Наклоняю голову и вновь смотрю на его руки.

— Думаете, что история выдуманная? — задает вопрос он.

— Именно, — я сглатываю ком в горле и кладу руки на колени.

Его массивная грудь то вздымается, то вновь опускается с каждым вздохом. Интересно, что произошло с ним? Как он может ничего не знать о бейсболе? Откуда у него эти странные шрамы? И что дает ему такую уверенность, будто он отличается от остальных заключенных?

— Знаете, почему я здесь? — внезапно спрашивает Грейсон.

— Это не то, чем со мной делятся, — качаю головой. Думаю ему это известно, а спросил он чисто для того, чтобы подразнить меня. Я вновь смотрю на Диксона, он по-прежнему болтает с ребятами в передней части класса. Когда кидаю взгляд на Грейсона, то

замечаю, как он смотрит на мои руки, покоящиеся на коленях. А может быть, он пялится на мои колени.

Между нами натянутые отношения, работать вместе будет определенно непросто. Я здесь главная, но вся власть принадлежит ему. Я не собираюсь мириться с этим. Мне не должно это нравиться. Напоминаю себе, что я гораздо образованнее его, знаю больше об историях. И когда он выдумывает что-то о себе, это лишь для того, чтобы защитить правду. Он в восторге от газеты? Что ж, использую это.

— Ты получишь несколько очков за письменное выполнение задания, но никакая выдумка не будет напечатана в газете.

Его глаза блестят.

7 глава

Грейсон

Класс заполняется. Я напоминаю себе, что мы потратили практически три недели на то, что мисс Уинслоу называет зарисовкой.

Она стоит у стола, когда мы волочим ноги в классную комнату. Мне кажется, что там она чувствует себя в безопасности и под контролем. Мисс Уинслоу приветствует всех по именам, тем самым показывая, что помнит нас, и ей не наплевать.

Когда с ее губ сходит мое имя, возникает уже знакомое чувство волнения. Я никогда не устану от ее юбки-карандаш. Она хоть представляет, как ткань обтягивает ее тело? Эта девушка даже в чертовом бикини не будет так сексуальна. Я хочу пробежаться руками по ее бедрам, очерчивая линии тела сквозь ткань. Мне даже не нужно ее раздевать, я бы кончил так.

Я захожу в класс, сажусь на свое место за ее столом, занимаю ее стул, пространство. Она даже не удостоивает меня взглядом, но могу с уверенностью заявить, что она чувствует то же самое: есть что-то, что соединяет нас, как подземные электрические сети. Я смотрю на холщовую сумку, которую она приносит с собой на каждое занятие, наполненную книгами.

Мисс Уинслоу уходит в сторону.

— Сегодня я буду подсказывать вам, — говорит она, поправляя очки. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что они для нее своеобразная защита. Например, когда девушка нервничает, то чуть опускает их на нос, или же напротив, сдвигает, когда думает о чем-то. — Закройте глаза и на мгновение представьте, что вы падаете. У вас есть парашют? Откуда вы падаете? Что вы видите на земле? Что вы чувствуете?

Я закрываю глаза и представляю, как моя рука скользит под ее юбку между ее ног. Двумя пальцами нажимаю через ткань ее трусиков на клитор. Это уже давно стало моей одержимостью: заставить кончить ее любыми способами, при этом не касаясь ее.

— Вам страшно? Или весело? — вторгается ее сексуальный голос.

И то и другое. Я живу только этим чувством падения. Иногда я просыпаюсь посреди ночи с поднятыми руками, защищаясь от того, чего нет. Уже долгое время никто не причинял мне боли, и я намерен оставить все так, как есть.

Правда в последнее время я просыпаюсь со стояком, вероятно, мне стоит немного отдохнуть. Дело в том, что она единственная, кто заставляет меня кончить, даже не

дотрагиваясь до меня.

— Не пишите первое слово, которое придет вам в голову. Я хочу, чтобы вы задумались, почувствовали это. Правильное слово — это очень важно, ребята.

Она ходит туда-сюда, ее глаза блестят. Эта девушка хочет, чтобы мы почувствовали себя лучше. Она думает о нас, и из-за этого мне хочется ее встряхнуть, предупредить, что забота о людях вроде нас может плохо для нее закончиться, потому что однажды мы начнем отдавать заботу назад. Для нее это не принесет ничего хорошего.

— Правильно подобранное слово все меняет, — продолжает она, — если вы найдете его, то дело останется за малым — словарным запасом, но и с ним не будет больших проблем. Правильное слово, оно уже есть внутри вас. Вы всего лишь должны копнуть глубже и найти его, я уверена, у вас получится. Не используйте неопределенные слова, вы лучше этого. Ищите точное слово, копайте глубже. Бросьте себе вызов.

Она поворачивается и идет в другую сторону, семнадцать пар глаз устремляются на ее задницу. Прядь темных волос выбивается из пучка. Я представляю, как нежно убираю ее за ухо. Вот мой вызов самому себе: быть нежным.

— Что ж, а теперь вперед! Пишите, — говорит она в своей ободряющей манере, отчего у меня зубы сводит. Я хочу, чтобы она своим голоском произносила совсем другие вещи.

Вперед, поцелуй меня.

Вперед, лизни меня.

Вперед, трахни меня.

Да, мисс Уинслоу.

Это может быть проблемой. Я здесь с одной целью, чтобы сбежать. Ничто не способно избавить так быстро от эрекции, как мысли о неволе. Я не могу находиться в четырех стенах, ненавижу потолки, а решетка... черт побери, у меня на нее гребаная аллергия.

Первую неделю я провел в психушке. Меня трясло и рвало. Хреновые времена. Тогда общественный защитник — он, кстати, был хорошим парнем — поднял шумиху по этому поводу, и меня перевели в психушку.

Правда, стало только хуже. Они все время накачивали меня лекарствами, я даже не мог ясно видеть, не мог остановить ночные кошмары. Больше, чем быть взаперти, я ненавижу быть под действием лекарств. Так что я реально работал над своей психикой, отрабатывал техники дыхания, разговаривал и тому подобное дерьмо. На самом деле это работает большую часть времени.

Меня совершенно не пугает падение, по крайней мере, не на свободе. В отличие от чертовой клетки, что поджидает меня на земле.

Я поднимаю глаза, и замечаю, что она смотрит на меня с другой стороны комнаты.

— Есть вопросы? — она отталкивается от стены и направляется ко мне.

— Ничего не приходит в голову, — говорю я.

— А я думала, что как раз у тебя есть идеи.

— Есть, но не для печати, — отвечаю, — особенно не с виньеткой, если вы понимаете, о чем я.

Мне хочется застать ее врасплох, но она смотрит на меня, не моргая и без страха. И снова это чувство, будто я знаю ее, хотя это не так. Предполагаю, что это полностью взаимно, и она чувствует то же самое.

— Не можешь вообразить падение? — спрашивает она.

Как раз это я представить могу. Мне известно это чувство.

Я оборачиваюсь и вижу, что все вокруг заняты писаниной.

— Вам известна такая игра, когда дети стоят в кругу, кто-то один падает, а другие ловят его? Здесь никто не будет так играть. Любой из нас предпочел бы получить удар в лицо. Неужели вы думаете, что мы сыграем в эту игру на бумаге? — Я скрещиваю ноги. — Никто в этом месте не хочет думать о падении, не хочет отдавать власть другому.

— Включая тебя? Ты не будешь играть даже на бумаге?

— Вы же сказали, что ждете правды, поэтому... — я пожимаю плечами.

— То есть, ты отказываешься сделать это?

— Я всего лишь пытаюсь быть честным. Даю вам то, о чем вы просили. — Господи. Она так сильно переживает за честность парней, мне это безумно нравится, черт подери.

Ее взгляд меняется. Улыбка в глазах, но без улыбки на губах. Она ценит это.

— Я считаю, что честность о падении — маленькая часть самого падения, — наконец выдает она.

— Ага, — фыркаю я, она умная, это здорово.

— Доверься тому, кто сможет тебя поймать, — добавляет она, задумчиво смотря на стену. Такое чувство, будто она говорит это о себе.

Иногда свет, что глубоко во мне, как электрический провод искрит в темноте. Это я осознаю, только не знаю, в чем причина.

— А что насчет них? — спрашиваю я. — Они поймают вас?

Ее глаза находят мои, и внутри меня что-то вспыхивает, потому что я поймал бы ее. Это самая честная правда, которая только может быть, и думаю, ей это известно. Может быть, однажды, кто-то позволил ей упасть, но я бы этого не допустил, поймал и оберегал бы, сделал ее своей. Как только я заполучу ее, то не смогу оставить. Это чувство наполняет меня, как огонь. Мне следует сбавить обороты, потому что это за тысячу миль от моего основного плана.

— А это было падением? — она кивает на мое предплечье. Скрещенные алебарды.

Мои мысли возвращаются к нам, парням, наносящих их друг другу в подвале. Боль чувствовалась, как любовь, ярость и свобода.

— Наоборот, — отвечаю ей. — С точностью до наоборот.

Кажется, она собирается что-то сказать, но затем останавливается и сглатывает. Боже, я хочу поцеловать ее шею, вдохнуть ее запах.

— Это что-то означает.

— Да, — я смотрю на нее.

По моему тону она понимает, что лимит исчерпан, поэтому кивает, оглядывается, вспоминая о другой части группы. Она указывает на тетрадь:

— Просто сделай, что в твоих силах, — а затем выходит.

Я смотрю ей вслед, желая последовать за ней. То, что происходит между нами, чертовски горячо.

Пока другие заключенные пишут, я делаю пару рисунков на бумаге, а затем поднимаю руку. Диксон копается в своем телефоне, поэтому я кашляю и топаю ногой. Он поднимает глаза и обращает на меня внимание. Внутри вскипает злость, он даже не заметил, что мисс Уинслоу вышла, хотя должен оберегать ее от таких придурков, как мы.

— Чего тебе? — спрашивает Диксон и, наконец, приходит в движение.

— Мне нужно в туалет, — говорю я.

— Подожди, сходишь, когда вернешься в камеру, — он качает головой.

— Тогда я сделаю это прямо здесь.

Некоторые парни начинают хихикать. Если поссу прямо в библиотеке, то меня, скорее всего, посадят в одиночку. А Диксону придется иметь дело с уборкой биологических отходов и кипой бумаг. Я уже видел, как подобное произошло с одним парнишкой. Думаю, он не хочет, чтобы история повторилась.

— У меня здесь семнадцать человек, — бормочет он скорее для себя, чем для меня.

— Туалет в конце кабинета, правильно? Если я попытаюсь сбежать, то ты меня заметишь, — я пытаюсь говорить непринужденно.

Если ты говоришь об этом в открытую, люди будут думать, что ты точно этого не сделаешь. Немного противоположных фактов из психологии. У него отличная видимость до двери в кабинет, но потребуется вечность, чтобы вызвать подкрепление. Устройство тюрьмы, что тут скажешь.

— Ладно, — он, наконец, сдается. — Иди прямо через кабинет. Если хоть пальцем тронешь мисс Уинслоу, на месяц загребешь в одиночку. У тебя есть две минуты.

Диксон такой лентяй. По сути, он не должен разрешать мне выйти, но я, конечно же, ему об этом не говорю. Я киваю и направляюсь к кабинету.

Я не должен прикасаться к ней.

Она сидит прямо за библиотечным столом с книгой в руках. Она читает? Эта девушка ждет, что мы будем напрягаться, писать что-то, пока она сидит здесь и читает какой-нибудь новенький триллер или другую чепуху? Мне хочется оскорбиться, но потом я вижу, что она сидит, сгорбившись, и у меня волосы на шее встают дыбом. Она прячется. Ей страшно. Самая дурацкая в мире реакция «борись-или-беги», но мне, конечно же, нравится.

Она поднимает испуганный взгляд, а затем захлопывает книгу.

— Прошу прощения, — шепчу я, в ее глазах стоит немой вопрос. Я уточняю: — За то, что вы потеряли место, где читали.

Мисс Уинслоу поднимается.

— Ничего страшного, я уже читала эту книгу. Что...что ты здесь делаешь?

Вот ведь вопрос. Я здесь, чтобы работать над своим чертовым планом побега.

Я делаю шаг вперед, глядя в ее широко распахнутые глаза. Еще один шаг, затем другой, и вот я уже приблизился к столу. Она отступает за вращающееся кресло, еще немного и она окажется напротив стены.

Я по-прежнему не касаюсь ее. Ее грудь тяжело вздымается. Мой взгляд падает на ее шею, где пульсируют вены, и я позволяю ей увидеть то, как я наблюдаю за этим. Она волнуется? Даже без предупреждения Диксона, я бы не причинил ей боли.

— Что ты делаешь, Грейсон? — ее голос дрожит, она пытается говорить покорно, как делает это на занятиях. — Вернись на свое место.

— Хорошо, но сначала... — я нахожусь достаточно близко, чтобы мое дыхание касалось волос на ее виске. Ее тело, напротив моего, словно печь, опалает мое лицо, мою грудь и ниже. Интересно, она чувствует то же самое? Пока я не трогаю ее, то не нарушаю никаких правил.

Проходит одна минута.

Я глубоко вдыхаю ее аромат. Позднее, когда буду в своей камере, буду вспоминать его.

— Сначала, — шепчу я, — вы ответите на мой вопрос. Кто-нибудь поймает вас?

— Это просто вымышленное задание.

«Врунья», — думаю про себя.

Она пытается взять ситуацию под контроль, но у нее это совершенно не получается. Ее взгляд прикован ко мне. Выглядит так, будто она думает, что если уйдет, то это будет проявление слабости. Девушка понятия не имеет, насколько горячо это выглядит. Я никогда прежде не встречал женщин, подобных ей, хотя у меня их было предостаточно.

Она вглядывается в мое лицо, стараясь при этом казаться уверенной. Ее дыхание неровное, немного паникует. Кое-что заставляет мою кровь вскипеть. Возбуждение.

8 глава

Эбигейл

Он даже не прикасается ко мне, но я чувствую, что прижата к стене лишь его присутствием. Наверное, это прозвучит безумно, но я знала, что он придет, как буря со смертельно опасным вихрем и электричеством в воздухе.

Плохо соображая, я понимаю, что должна позвать охранника, но все происходит как во сне, в котором я ни до кого не могу достучаться. А может, просто не хочу, потому что быть рядом с ним так чертовски приятно и запретно, как расслабляться под солнцем, когда должна заниматься домашними хлопотами. Разве что солнце не убивает людей.

Грейсон одаривает меня пристальным взглядом, и уже во второй раз мне приходит в голову мысль, что его красота — олицетворение жестокости. Шрам, пересекающий его темную бровь, выглядит так, словно кто-то пытался лишить мужчину глаза.

Кандалы позвякивают, когда он медленно тянет руки к моему лицу, словно боясь разрушить момент. Мой пульс зашкаливает.

Его движения сильные и размеренные, указательным пальцем он касается души. О Боже, он хочет снять мои очки.

— Не нужно, — шепчу я.

— Не нужно, что? — Он трогает край очков, наблюдая за мной.

— Ты не можешь снять мои очки.

— Я так не думаю, — его рот находится в сантиметрах от моего, я чувствую тепло дыхания кончиком носа.

Сердце бешено колотится от смеси страха и чего-то еще.

— Нет, Грейсон, не стоит, — предупреждаю его, — хочешь, чтобы я позвала Диксона? — разумеется, я не хочу этого делать. Грейсона исключат из класса, возможно, даже посадят в одиночку.

— Осмелюсь предположить, что ты этого не сделаешь, — шепчет он в ответ.

У меня перехватывает дыхание, когда он проводит пальцами по вискам, касаясь нежной кожи, снимая очки. Он опускает их и заглядывает мне в глаза, между нами все вокруг пропадает, остается только тепло его тела. Я падаю, исчезая в черной дыре, у меня кружится голова. Какого черта я делаю?

Выхватываю очки из его руки и надеваю обратно.

— Отойди, заключенный, — я толкаю его, и он отступает назад. Уголки его губ подрагивают в улыбке.

— Как скажите, мисс Уинслоу.

Кровь закипает, руки покалывает от прикосновения к его груди. Меня пугает, как легко ему удалось вторгнуться в мое пространство. Я поправляю очки, разрушая этот момент,

вновь обозначая границы между нами. Я пытаюсь взять контроль в свои руки, потому что происходящее неправильно.

— Ты хочешь попасть в газету «Кингмен»?

Он пожимает плечами, но уже поздно, я знаю, что ему это нужно. Мне удалось найти его уязвимое место.

— Тогда напиши правду о том времени, когда был ребенком. Правду.

9 глава

Грейсон

Когда я прихожу на следующее занятие, мисс Уинслоу передвигает стулья так, чтобы мы сидели в алфавитном порядке. По ее словам, она делает это для того, чтобы разделить нескольких болтающих парней, но мы оба знаем правду: она хочет оградиться от меня, вытеснить из своего пространства. Поскольку моя фамилия Кейн, мисс Уинслоу отсаживает меня в середину, зато ее стол занимает парень по имени Цейман.

Меня устраивает такой порядок вещей, поскольку я здесь для того, чтобы попасть в газету, оставить сообщение Стоуну и другим парням. Как только его получают, они придут за мной. Я знаю, что могу им доверять, так же как и они, в свою очередь, могут положиться на меня. Если у меня есть план, он сработает.

Можно быть сильным или слабым, а я сильнее происходящего между мной и мисс Уинслоу. Даже если я хочу пулей вылететь из этой комнаты, все равно останусь.

Я сижу в классе и внимательно слушаю, без какого-либо зрительного контакта с ней. Впитываю материал, как губка, не думая о том, как звучит ее голос. Я пытаюсь следовать ее советам и абстрагируюсь от всего вокруг, прямо как в тот раз, когда ее руки были на мне. Тогда я снял ее очки, а она взглянула на меня, и я почувствовал, будто она принадлежит мне.

От того, что я ее игнорирую, становится только хуже. Я вижу мисс Уинслоу, даже не смотря на нее. Чувствую каждое ее движение, когда она ходит по классу, знаю в каком она расположении духа. В Франклин-Сити, неподалеку от нашего укрытия, есть табличка, гласящая: «ОПАСНО: ВОСПЛАМЕНЯЕМАЯ ЭЛЕКТРОСЕТЬ». Именно так я чувствую себя в классе. Самому Дьяволу должно быть известно, насколько опасны электрические импульсы, искрящиеся между нами.

10 глава

Эбигейл

Говорят, существует всего два типа страха. Один заставляет тебя мчаться со всех ног далеко-далеко прочь, от другого кровь в жилах стынет, и ты отвести взгляд. Грейсон — воплощение последнего. Я поменяла места, только чтобы держать его на расстоянии, потому что произошедшее тогда в кабинете, было неправильно.

Порой по ночам я вспоминаю об этом с ужасом и трепетом, остро ощущая вихрь в своем животе. Воспоминания, как украденный драгоценный камень, которым мне не следует обладать, но в то же время, я никак не могу от него избавиться.

Похоже, моя идея сработала, и Грейсон хочет игнорировать меня так же, как и я его.

Никаких больше многозначительных взглядов и коварных улыбок. Он заставил себя работать так, словно от этого зависит его жизнь. Или смерть.

Неделю за неделей я даю уроки. Хожу по комнате туда-сюда, пока они пишут. Если бы кто-то наблюдал за классом, то наверняка решил бы, что я отчужденный преподаватель, но с большим стажем, а Грейсон для меня всего лишь номер.

Только это неправда.

Грейсон способен заглянуть глубоко-глубоко в меня, а это убивает. Ни его руки, ни взгляды, а слова. Его рассказ шокирует меня. Недоработанная, но душераздирающая история о мальчике, которого держат в плену в подвале. Хотя сначала кажется, будто рассказ о мышонке по имени Мануэль, только он не в клетке, не в маленькой бутылке из-под воды, не бегаёт в крутящемся колесе, эта мышка живет в стенах. Мануэль — грызун, который должен быть убит, попавшись в ловушку, только эта мышка все, что есть у мальчика. Он утешает его и подкармливает. Здесь есть и другие дети. Дети, застрявшие в ловушке без телевизора и игр. Я не понимаю, что происходит, и кто удерживает его там. Ему не хватает еды, но, тем не менее, он отламывает маленькие кусочки пиццы в надежде, что Мануэль вернется.

Затем рассказ повествует о том времени, когда мышка не приходит. Мальчик отмечает дни, выскребая их на стене гвоздем. Он сидит в том углу, где обычно появляется Мануэль, выжидая с трудом каждую минуту, ведь кроме этой мышки у него больше никого нет.

Мальчик никогда не поднимается вверх, от осознания того, что он даже не пытается это сделать, становится больно.

Он описал один самых тяжелых моментов своей темной жизни так осторожно и сильно одновременно, без какой-либо жалости к себе. От его честности и смелости я не могу усидеть на месте. Мое детство тоже покрыто мраком, но буду честна, я жалела себя.

В его истории нет никого из взрослых, только мальчик, Мануэль и несколько друзей, охающих и ахающих вокруг мышки. Грейсон так живо описывает мышь: серая шерстка, дергающийся нос, пятно на хвосте от возможного удара.

В рассказе у мальчика сломана рука. Грейсон как будто говорит, что это его рука. Повествование намекает, что кто-то сделал это нарочно. Вот только кто? История умалчивает.

Сначала был шок, только потом за ним последовала боль, пишет он. И хорошо, ведь, если она приходит, то больше не оставит тебя. *Весьма прозаично, Грейсон.*

Кто же держал его в подвале? Что могло произойти с ним такого ужасного, что даже грязная мышь стала лучшей частью того дня? История лишь намекает, он ступает по тонкому краю, но всей информации не рассказывает.

Я думаю об отважном Мануэле, дергающем нос в поисках корок от пиццы. Когда его не было несколько дней, я знал, что он ушел, ища что-то получше, чем это. Порой, я воображаю его, играющего снаружи, и мне становится легче.

Я предложила ему рассказать правду, в этом рассказе она чувствуется, хотя, признаться, после его рассказа о бейсболе, все же сомнения имеются.

Я пробиваю информацию о нем в гугле, только для того, чтобы быть уверенной, что он говорит правду, ведь мне хочется ему верить. Информацию о других заключенных я не проверяю, это вроде как вторжение в личную жизнь. Когда страница с данными о Грейсоне Кейне загружается, поисковая система выдает много всякого мусора, но кое-что все же

привлекает мое внимание — строка с фотографиями.

Это он. Грейсон. Выглядит иначе, сейчас он чертовски пугает своими масштабами, Грейсон на фото — маленький мальчик. Я всматриваюсь и узнаю черты на молодом лице.

На пакете молока.

Он смотрит в камеру без улыбки. Волосы коротко подстрижены, прикрывают лоб, а в глазах тьма.

Я кликаю мышкой.

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ» гласит надпись на коробке с молоком. *Его рост, вес и дата рождения, все там: тридцать пять килограммов, маленький мальчик, последний раз его видели около бело-синего фургончика с мороженым. Если у вас есть хоть какая-то информация о возможном местонахождении ребенка, пожалуйста, обратитесь в полицейский участок.*

Много пропавших детей, взятых под опеку. Предполагается, что они были похищены тем, кто владел этим фургоном. Удержаны в плену. В подвале.

Как долго он пробыл там, прежде чем его нашли? День? Два?

Достаточно долго, чтобы обзавестись другом в виде крысы. Две недели?

Мой живот скручивает, но не от сомнений, которые одолевали меня прежде, а из-за страданий маленького мальчика, которого я никогда не знала. Мальчика, о котором я прочитала маленький кусочек воспоминаний. Между ним и тем пугающим мужчиной, каким он сейчас является, пролегла огромная пропасть.

Я закрываю вкладку, увидев достаточно.

Значит, Грейсона похитили. Удерживали.

Эти карие глаза с картонной коробки преследуют меня.

Чувствую волнение и счастье, когда ко мне в общагу доставляют коробку с печатным изданием газеты. Я переживала, что она не придет вовремя. Провожу пальцем по оглавлению, так много бессонных ночей проведено, чтобы сделать все, как надо. В программу также вошла оплата графическому дизайнеру, поэтому обложка вышла блистательной. Думаю, этот журнал многое значит для ребят, так же как и для меня.

Слова Эстер о том, что им нужно дать свободу в выражении, всплывают в моей памяти, когда я вновь обращаюсь к истории Грейсона. Мне хотелось, чтобы он был честен со мной, и я знала, что он на это способен.

Но я получила даже больше того, на что надеялась. Его рассказ — изюминка выпуска. Мне почти причиняет боль, что пришлось выпустить эту историю недоработанной.

Газета «Кингмен» уже доступна в сети, и количество обзоров растет. Люди тянутся к реальным вещам, так же как и я. Предполагалось, что учителя тоже могли бы участвовать, рассказать свою историю, но у меня уже был свой рассказ о первом дне в колледже. Этого было достаточно. Выпуск предназначался для ребят, а не для меня.

11 глава

Эбигейл

Классная комната такая же холодная, как и всегда, и только сейчас, в свой последний день, я понимаю, что буду скучать. По правде, мы прошли значительный путь, и я рада, что не уволилась. Тоска накрывает меня с головой, пока я жду ребят.

Я проклинаю себя за то, что надела синий кашемировый свитер, не знаю, что вдруг на меня нашло. Облегающие вещи не для мест, подобных этому, в особенности из-за мужчин, ведь я знаю, как они на меня смотрят.

Хотя, чего это я? Конечно же, мне известно для кого все это. Грейсон. Последний ли сегодня день, когда мы с ним видимся? Разумеется.

Я чувствую его появление. Все сразу становится светлее, и эта атмосфера усиливается с каждым его шагом. Он ступает с неприсущей ему легкостью, это, определенно, что-то новенькое. Диксон идет сзади, что-то тихо ему нашептывая, может, ругает, в любом случае, Грейсон не выглядит обиженным. Он улыбается, и на его щеке появляется незначительный рубец. Кто-то может подумать, что это всего лишь ямочки, но в тот день, в библиотеке, я была достаточно близко, чтобы увидеть старый, крошечный шрам.

Улыбка на его лице искренняя, не насмешливая. Похоже, что он действительно счастлив. Это из-за истории в газете «Кингмен»? Я сразу же вспоминаю слова Эстер о том как людям нужно рассказать свою историю, чтобы исцелиться. Вновь стать цельными. Чувство гордости вызывает во мне, ведь приятно знать, что это ты подарил новую надежду. Надежду быть счастливым.

Он ловит мой взгляд со своего места и кивает. Перед глазами тут же вспыхивает фото мальчика с картонной коробки из-под молока. Его карие глаза...

Стоп. Сегодня не день для грусти. Грейсон не нуждается в моей жалости.

Я киваю ему в ответ.

Я смотрю на каждого моего ученика и киваю им по очереди. Сейчас я их знаю. Глубоко внутри это причиняет боль, ведь мне столько известно о них. Но даже если и так, то оранжевое море людей все же пугает меня. Даже несмотря на то, что Диксон, как всегда, стоит на страже у стены.

Сегодня он какой-то бдительный, его лоб блестит от пота, как если бы он нервничал. С чего бы вдруг ему быть на взводе?

У меня внутри все переворачивается. Кажется, что-то идет не так. Может, я просто сильно расстроилась из-за того, что сегодня последний день? Сама не знаю, почему меня это волнует, похоже, Эстер была права, я действительно сблизилась с ними. С Грейсоном, со всеми.

— Что ж, давайте приступим к делу, — бормочу я так, что меня никто не слышит. Сегодня некоторые из заключенных планируют зачитать вслух свои рассказы. Я прочищаю горло и вновь пробую произнести слова, но ничего не выходит.

Прямо как в темном лесу перед бурей, в комнате витает что-то пугающее.

Вот тогда все и начинается. Два парня внезапно начинают кричать друг на друга. Я даже не успеваю сообразить, что все это значит. Охранник должен их успокоить, не так ли? Он обязан сделать это.

Но он ничего не предпринимает. Что-то здесь явно не так.

Диксон приближается, когда заключенные начинают драться. Бах. Друг против друга. Диксон стоит передо мной, закрывая от них. Я выглядываю через его плечо и вижу, как другие четыре парня начинают размахивать кулаками. И вдруг комната взрывается насилием.

Диксон хватает и тащит меня с такой скоростью, что перед глазами все превращается в сплошное пятно. Раздается выстрел. Они что, стреляют в заключенных? Я ищу глазами Грейсона, но его нигде нет.

— Шевелись! — кричит Диксон, впихивая меня в угол между собой и дверью, который я не заметила прежде. Должно быть, он схватил мою сумку со стола, прежде чем защитить меня от всего этого безумия. Диксон всучивает ее мне.

— Что происходит? — Сердце бешено колотится у меня в груди. — Что ты делаешь?

Диксон что-то печатает на крохотной клавиатуре.

— Хочу вытащить тебя отсюда.

Раздается сигнал тревоги. Совсем не добрый, а какой-то зловещий. И снова выстрел, больше похожий на бомбу. Комната превращается в вулкан, который извергает оранжевую лаву.

Грейсон там. Он в порядке?

Откуда-то идет дым. Двери открываются, и Диксон тянет меня за собой через огромный бетонный проход, выстланный трубами и панелями. Мы мчимся по коридору. Раздаются громкие шаги, как будто ступает стадо слонов. Диксон притягивает меня к стене, когда мимо пробегают дюжина полицейских в защитном обмундировании.

— Куда ты собрался, Мэнни? — кричит один из них Диксону.

— Нужно увести ее подальше, — твердит он в ответ.

Мы двигаемся вперед, Диксон практически толкает меня. Сирена не смолкает, пока мы преодолеваем одну дверь за другой. Почему парни начали драться? С ними все хорошо? А с Грейсоном? Наконец, мы добираемся до главного офиса, где жизнь кипит. Через несколько минут я выбегаю на улицу, навстречу свежему воздуху.

Сигнал тревоги слышен даже снаружи.

— Где твоя машина? — спрашивает Диксон.

Я показываю пальцем. Он двигается за мной следом между рядов машин, где я припарковалась.

— Тебе нужно уезжать отсюда как можно скорее. Сейчас здесь небезопасно. Как только все придет в норму, тебе позвонят, и ты сможешь забрать свои документы.

— Минутку, как этот парень назвал тебя? Мэнни? — сама не знаю почему, но я заиклилась на этой детали, мне кажется, это что-то важное, вроде жизни или смерти. — Это твое имя?

— Скорее прозвище.

— И какое твое настоящее имя?

— Мануэль, — наконец, признается он, — но меня все равно так никто не называет.

Я показываю на свою машину.

— Это моя, — говорю я, доставая ключи.

— Уезжай, — он разворачивается и бежит к серому зданию.

Сейчас меня трясет сильнее, чем внутри. Какого черта это было? Мануэль. Его зовут Мануэль. Это довольно распространенное имя, но очень странное совпадение. Мышку Грейсона звали Мануэль.

Кое-что еще в поведении Диксона мне показалось странным. Он не пытался унять драку, вместо этого помог мне выбраться из этой заварушки. Конечно, я благодарна ему за свое спасение, но почему же он не попытался разнять заключенных? Он даже не выглядел удивленным, когда они накинудись друг на друга, более того, он нервничал с самого начала

занятия. Как если бы ему было известно о том, что произойдет.

Я оглядываюсь, вокруг не так много автомобилей, и вдруг я вижу, что кто-то стоит у моей машины, и пытается открыть соседнюю. Крепкий парень, темные волосы. Он занимается своим делом, полностью игнорируя сигнал тревоги. Что-то слишком долго он открывает свою машину...

У него нет ключей. Он хочет ее угнать. Осознание обрушивается прямо на мою светлую голову, сигнал тревоги звучит, если заключенный сбежал.

Это часть плана побега? Этот мужчина заключенный?

Ну, разумеется!

И Диксон замешан в этом, он помог ему. Теперь я понимаю, почему он так себя вел. Они угрожали ему? Так они вынудили его помочь им?

Когда мужчина на мгновение оборачивается, чтобы взглянуть на тюрьму, я узнаю его. Это Грейсон. О, боже мой, Грейсон.

Я осторожно прокрадываюсь к своей машине так, чтобы он меня не увидел.

Так вот почему он так сильно хотел заниматься в моем классе, чтобы сбежать в последний день занятий? Здесь не может быть никаких совпадений. Я вспоминаю, как он пытался добиться зачисления на занятия после того, как я уже провела несколько для основной группы. В голове тут же всплывают воспоминания о том, как он стремился попасть в газету. Так он отправил кому-то сообщение?

Мое лицо пылает от злости, ведь я поверила в его историю.

Была ли это выдумка? Вся история о похищении? Мышонок Мануэль? Мне становится плохо от мысли об одином, напуганном мальчике. Этот рассказ и был планом побега, тайное послание. Сейчас я знаю настоящее имя Диксона — Мануэль, это кое-что, да значит.

Если прежде меня трясло от страха, то теперь от ярости, когда я вспоминаю его улыбку. Я была идиоткой, думая, что помогаю ему. Я наивно полагала, что помогла ему стать другим человеком. И правда, он стал другим, только не таким, как я хотела.

Он использовал меня. Играл со мной.

Я вспоминаю про свой телефон, нужно позвонить кому-нибудь. Никто не знает в чем причина вспыхнувшего беспорядка, но что еще страшнее, никому не известно, что Грейсон пытается угнать машину, чтобы сбежать.

Я опускаюсь на сидении. Набрать 9-1-1? В главный офис тюрьмы? Мне нужно доложить, что Грейсон может быть опасен. Нет, он представляет опасность. Вдруг он насильник или убийца? Как жаль, что я не просмотрела его дело, как сделала это с остальными заключенными. За что же его посадили в тюрьму?

Я осторожно осматриваю стоянку, может, мне удастся добежать до офиса и рассказать все им. Или будет слишком поздно?

Я оборачиваюсь, и наши взгляды встречаются.

Он заметил меня.

Убирайся отсюда! Заводи машину и уезжай! Я все еще держу мобильник в руке, могу попробовать позвонить 9-1-1, но сейчас мне это мало чем поможет. Я рыскаю в поисках ключей. Черт, где же они? Неужели, я уронила их, когда прокрадывалась к машине? Нет, я не могла их потерять, ведь я открыла дверь. Может, сунула их обратно в сумку? Трясущимися руками я начинаю искать. Да где же они?!

Я вновь оглядываюсь, он стоит, смотря на меня своими холодными глазами.

Черт, черт, черт.

Я судорожно роюсь в сумке в поисках ключей. Выбрасываю все барахло, вроде старых чеков и неиспользованных тампонов. Все кажется таким нереальным. Наконец, я нахожу ключи и вставляю их в замок зажигания. Внезапно, осколки стекла летят со стороны пассажирского сидения. Грейсон разбил окно. Окровавленной рукой он находит замок и открывает дверь.

— Оставь телефон. Живо!

Я роняю его, Грейсон садится в машину и поднимает мобильник с моих колен. Он вертит его в руке.

— Я никому не позвонила, — говорю я, трясущимся голосом.

— Хорошая девочка, — он кладет телефон на приборную панель и бьет его пистолетом. Три сильных удара, и от мобильного остаются одни кусочки. Он тут же выбрасывает остатки телефона. — Поехали.

Да как он смеет? Неужели он серьезно думает, что я буду помогать ему? Я сжимаю губы от злости, внутри у меня бурлит ярость. Он обманул меня. Использовал.

— Я больше не буду тебе помогать, — смотрю по сторонам, ожидая увидеть охранников. Ни единой души.

Он вздыхает, словно я заставляю его принять тяжелое решение. Мне хочется врезать ему. Что-то давит мне в ребро. Страх сжимает горло. Я смотрю вниз, уже заранее зная, что это. Он прижимает ко мне пистолет. Насколько опасен выстрел с близкого расстояния? Я не специалист по данным вопросам, но мне известно, что это грозит летальным исходом. Он убьет меня. На глаза выступают слезы ужаса и унижения.

— Может, ты не расслышала, — рычит он, от его тона мое тело покрывает озноб, — я сказал, поехали.

12 глава

Грейсон

Она очень умна, я понял это в тот момент, когда она увидела меня и осознала, что я планирую сбежать. А еще из-за написанной истории. Злость в ее взгляде говорит мне о том, что она чувствует себя преданной. Думаю, что это вполне естественная реакция. Что ни говори, а о естественном порядке вещей я узнал еще на ранних этапах жизни. Все, что ты делаешь, — ради того, чтобы выжить. Такие уроки никогда не забываются.

— Ты собираешься вести машину или хочешь закончить так же, как и твой телефон?

Она в шоке распахивает глаза, заводит машину, а затем плавно подъезжает к воротам. Нет ничего лучше небольшого давления, чтобы подтолкнуть женщину к действиям.

— Значит, все это было чушью, — говорит она. — Притворством.

— Что? Не понравилась мышка Мануэль? Бедный маленький мышонок?

В ее мягких, глубоких карих глазах пылает ярость. Сама мысль о том, что она злится, потому что мой рассказ был фальшивкой, волнует меня так, как не должна. Убраться отсюда ко всем чертям — вот, что на самом деле должно меня заботить, а не оскобленные чувства мисс Уинслоу.

Звуки сирены. Подкрепление. Красные вспышки вдалеке. Они поймут, что меня нет только после того, как утихомирят заключенных.

Мой взгляд падает на спидометр. Она ведет тридцать пять миль в час, хотя в этой зоне

ограничения начинаются от пятидесяти пяти. Слишком медленно.

— Кончай подставлять меня, — говорю я. — Веди машину естественно.

— Или что?

— Ты серьезно хочешь выяснить это? — от моего ледяного тона пробирает до костей. — Думаешь, будто знаешь меня? — она кидает взгляд в мою сторону, и я позволяю ей увидеть всю темноту, скрывающуюся у меня внутри. — Ты ничего не знаешь обо мне. Ничего.

Она увеличивает скорость, смотря прямо перед собой.

— Полегче, — говорю я, видя полицейские машины, проезжающие мимо нас. Я договорился с одним приятелем, он будет ждать нас за городом.

Стоун. Еще тот ублюдок, зато преданный. Он искал меня с тех пор, как детьми нас вызволили из плена, и мы пойдем на что угодно, чтобы помочь друг другу.

Красный свет фар отражается в зеркале заднего вида, чем мы дальше, тем лучше. Я бы сказал, что все идет отлично. Будучи запертым, контролируемым, находясь под полным наблюдением, я не мог даже прикоснуться к ней, зато сейчас она полностью в моей власти, и я могу делать с ней все, что захочу. Это вызывает головокружение и ощущение восторга.

— Мы просто выехали прогуляться, вместе.

Ее челюсти плотно сжаты. Она зла и напугана.

Я смотрю прямо перед собой, на пролетающую мимо панораму. Быть на свободе после нескольких лет под стражей так непривычно. Боже, шныряя по парковке под открытым небом, я не мог вести себя естественно, проходя мимо пустых припаркованных машин, боясь, что из них выпрыгнут люди. Я знал, что люди не прячутся в своих автомобилях, тем не менее, в тюрьме тебя учат избегать таких вещей. Шестое чувство. Вот только мне на глаза попалась Эбби, и все пошло не по плану. Она стала моим спасательным кругом. В каком-то смысле, принесла пользу, поэтому я взял ее с собой.

Все же есть в поездке с красивой девчонкой на соседнем сидении что-то клевое, даже если эта девчонка тебя ненавидит. Возможно, парни из моей банды скажут, чтобы я убил ее, думаю, мне придется это сделать.

— Послушай, мне кажется, что тебе следует кое о чем поразмыслить, — за окном мелькают поля. — Ты ведь далеко не глупая девушка, поэтому следует понять, в какой роли сейчас выступаешь. Мисс Уинслоу, ты понимаешь, что для меня значишь?

Страх написан на ее лице. Могу предположить, что ни о чем хорошем она не думает, возможно, даже предполагает, что я могу изнасиловать ее. Ее карие глаза кажутся еще больше из-за испорченного макияжа. Этот испуг во взгляде ей к лицу. Интересно, мисс Уинслоу понимает, что со стороны страх и возбуждение очень похожи?

Есть еще парочка уроков, которые я усвоил во времена своего детства, запертый в подвале в компании с крысой. Не стоит показывать страх, когда ребята, которые старше и сильнее тебя, думают о том, как бы поразвлечься, потому что когда они видят в тебе что-то живое, такое как страх, счастье, злость, они захотят выбить из тебя это. Но когда ты почти мертв, они желают, чтобы ты оживился. Никогда не угодишь.

Любопытный факт, что не попал в мое сочинение.

Конечно же, мышь не звали Мануэль. На самом деле у нее и вовсе не было имени, а когда она не вернулась, я сказал себе, что мышка нашла себе место получше, и я действительно верю, что так и было. Я верю, что она выбралась. По правде, я считаю, что мне просто необходимо в это верить. Надеяться, что хотя бы один из нас будет в

безопасности, и ни я, ни Стоун, ни кто-либо другой не попадут в Ад.

Я много раз представлял себе, как мышь вырвалась наружу и бежит по траве. Особенно когда они снимали фильмы, доставляя нежеланное удовольствие, я думал о мышке в траве.

Несмотря на высокомерие, с которым мисс Уинслоу смотрит на меня, мне известно, что она знает о том времени, проведенном в подвале, будучи маленьким мальчиком. Приятно, что теперь эту историю знает еще один человек. Конечно, Стоун и другие парни в курсе, что однажды мне пришлось не сладко, но я никогда не рассказывал им все подробности, или как представлял мышь, выбирающуюся наружу, словно это персонаж из мультика. Иногда я задумываюсь о том, каково мне было бы, если бы я поделился с ними этой историей. Какого это, ненавидеть прикосновения и в то же время желать их? Как они себя чувствовали, когда мы вместе с друзьями ворвались в дом и убили их всех? Уж лучше пусть она думает, что это все выдумки.

Я смотрю, как она ведет машину. Контроль во всем. Моя мисс Уинслоу перфекционистка, не удивлюсь, если она горбатилась над этой чертовой газетой, сверяя каждую запятую.

И тут вдруг мне приходит мысль коснуться ее. Пробежаться пальцами по ее щеке или щеке. Интересно, она подпрыгнет? Или заплачет? Или она попробует их на вкус? О, Господи. По крайней мере, в одном я точно уверен: она все чувствует. Для нее все по-другому, все новое и неправильное.

Ее губы плотно сжаты, а взгляд прикован к дороге, но не из-за того, что она ведет машину. Она избегает меня, как будто меня и прижатого к ней пистолета здесь нет.

Каково чувствовать ее шею напротив моей щеки? Она пахнет жимолостью во всех местах? Что она почувствует своей грудью, если я проскользну ладонями под ее свитер? Она пытается скрыть свой бюст под одеждой, но я знаю, что у нее прекрасная грудь. Не знаю, какой у нее размер, все зависит от бюстгалтера, который она носит. Думаю, я мог бы еще долго размышлять на эту тему.

Мне на самом деле так сильно хочется прикоснуться к ней, но не для того, чтобы сделать больно. Она такая горячая, несмотря на ее испорченный макияж и бледную кожу. Я представляю ее под собой, кожа к коже. Насколько хорошо ей будет.

Провожу пальцем по пистолету. Хорошая добыча. Гладкий и теплый от тела охранника, лежащего в отключке. Два года без секса, думаю, я буду сходить с ума от желания из-за любой женщины. Я говорю себе, что все это не из-за Эбби с ее очками, книгами, чопорной прической или того, как она ведет машину, даже, несмотря на дрожь во всем теле.

У нее недостает опыта в вождении, но я не кричу на нее за это. Не хочу причинять боль за вещи, которые она не может контролировать.

Я откидываюсь на сидении, пытаюсь выкинуть ее из головы, потому что знаю, как быстро все может пойти не так. Она может управлять мной, а я не хочу выбирать между ней и моими людьми... Она не должна иметь значения.

Когда мы со Стоуном будем во Франклин-Сити, первым делом нужно будет найти женщин для перепиха, только тогда я смогу избавиться от дурных мыслей и войти в колею. Прямо перед тем, как мы заставим губернатора Дормена пожалеть о том, что он вообще родился.

Я улыбаюсь от мысли, что до него дойдут новости о моем побеге. Ему не удастся спрятаться, будучи губернатором. Найти Дормена не составит труда, но со всей охраной добраться до него будет нелегко. Но ничего, мы справимся.

Больше полицейских. Она превышает скоростное ограничение.

— Ты действуешь неосторожно, мисс Уинслоу. Хочешь, чтобы копы запомнили номер автомобиля, а потом выловили меня?

— Нет, — шепчет она.

Лгунья. Она слишком умна, чтобы поступать иначе.

— Что ж, я могу взять твою машину, тогда это означало бы... что ты мне больше не нужна.

Она молчит. Я пугаю ее, чтобы она поняла, мы ступаем по тонкому льду, поэтому не следует делать глупости.

— Я вот что подумал. Поскольку ты не самый хороший водитель, то, возможно, будет лучше, если я поведу. Ты со мной согласна?

Она смотрит на дорогу, плотно поджав губы, из-за чего они становятся еще больше. Я протягиваю руку к ее лицу. Это нечто новое для меня, делать то, что хочется только потому, что я могу себе это позволить. Она подпрыгивает на месте, когда я провожу костяшками пальцев по ее щеке. Я медленно веду ими по ее бархатной коже к подбородку, меня опьяняет ее близость и электрические разряды, проходящие между нами. Она моя, и я хочу ее так сильно, что моя голова кружится.

Я убираю руку. Она тяжело дышит, руками цепляясь в руль.

— Это был вопрос, малышка, — говорю я мягко. — Тебе следует ответить так же, как я делал это для тебя последние несколько недель, а если будешь хорошей девочкой, я не заставлю тебя делать вещи, которые ты не захочешь, идет?

Она кидает в мою сторону злобный взгляд. Я убираю пистолет, потому что она поглядывает на него, он служит напоминанием, кто я на самом деле. Он напоминает мне, что она всего лишь расходный материал. Пистолет помогает. Помогает нам сосредоточиться.

— Хорошо, ты прав, — она смотрит обратно на дорогу, — если я плохой водитель, тебе следует занять мое место.

— Отлично, мисс Уинслоу, но если я буду вести машину, то как же я тогда смогу направлять на тебя пистолет? Откуда я знаю, что ты вдруг не решишь выпрыгнуть из машины или сделать еще какую-нибудь глупость? Какая дилемма, не правда ли?

— Правда, — отвечает она, судя по ее лицу, могу с уверенностью сказать, что убедил ее.

— Итак, с тобой было приятно ехать, уже меньше причин для того, чтобы убить тебя. — Ком образуется в ее горле от страха. Это выглядит как-то комично. — Сглотни, — говорю я.

— Пошел на хрен, — дерзит мисс Уинслоу, смотря на меня.

— А лучше ты на мой, — от ощущения ее кожи мои костяшки до сих пор пылают.

Она сердито фыркает. Я сжимаю руку в кулак. Ее щека гораздо теплее, чем я мог себе представить. Должно быть, живот под свитером будет еще жарче, и она будет подпрыгивать с каждым прикосновением. О, мисс Уинслоу наслаждалась бы каждым касанием, каждым поцелуем. Я думаю о ее очках, которые так сильно хотел сломать, чтобы вывести ее из равновесия.

— Тебе нужны очки, чтобы вести машину? — спрашиваю.

Она напрягается, решая соврать или сказать правду.

— Не бери в голову.

— Куда мы направляемся?

— Нам нужно встретиться с одним моим другом в укромном месте.

Эбби кидает на меня удивленный взгляд.

— О, пожалуйста, мисс Уинслоу, не думай, что встреча назначена в какой-нибудь канаве, — улыбаюсь я, чтобы немного ее успокоить. Стоун захочет убить ее, это может стать проблемой.

Мимо проносятся еще пара полицейских машин.

— Просто води по-спокойному, договорились?

— Води спокойно.

— Что, прости?

— Води машину спокойно, так надо говорить, а не води по-спокойному.

О, Господи. Спокойно. Она исправляет мои ошибки даже под дулом пистолета. Эта девушка настолько горячая, что я мог бы вспыхнуть, как фейерверк.

13 глава

Эбигейл

Автомобиль ощущается таким массивным, будто вместо моей старой верной машины, я внезапно объезжаю слона. Руль плохо поддается и становится трудно удерживать скорость точно пятьдесят пять миль в час. В любую секунду он может заметить. И затем он убьет меня. Здесь, с Грейсоном, все возможно. Это то, что свежий воздух и слишком яркое солнце, говорят мне: все возможно.

На его униформе нашивка охранника «Диксон». Догадываюсь, Мануэль дал ему свою униформу. Или Грейсон взял ее.

— Диксон в порядке?

— Он в порядке. Он в порядке на пятьдесят штук баксов, — посмеивается Грейсон.

Взятка. Диксон взял взятку, чтобы не обращать внимания и отдать свою униформу, чтобы помочь Грейсону бежать. Это не должно удивлять меня, но удивляет. Мне казалось, Диксон из хороших парней.

— Откуда ты знал, что он возьмет деньги?

— Я хотел попасть в твой класс, но он был переполнен. Он забрал мой iPod и записал меня в класс.

— И что? — Мои руки крепче сжимают руль.

— Если кто-то берет мелкую взятку, то возьмет и крупную.

— Это отвратительно!

— Таков мир. Я забрал несколько долгов... дал несколько взяток... угрожал несколькими людям. Как тебе.

— Они тебя поймают. Они выследят тебя, как животное.

— Я так не думаю, — говорит он. Его голос скорее задумчивый, чем опасующийся. — Я стал планировать это с тех пор, как попал за решетку. Нет, я планировал это даже раньше, тогда, когда стал делать все то дерьмо, из-за которого меня посадили. И теперь, когда я на свободе, я не собираюсь возвращаться обратно в ближайшее время.

— Ты мог бы просто не делать незаконные вещи.

— Так не интересно, дорогая. А ты выглядишь так, как будто ты не прочь немного повеселиться.

По мере нашего движения лес становится гуще, с редкими поворотами на грунтовую дорогу. Город, в котором я живу, находится в полчасе езды на юг от тюрьмы, мы же едем

постоянно в северном направлении. Я уже достаточно долго не видела полицейской машины. Я упустила свой шанс? Может, мне стоило разбить автомобиль прямо напротив копов, чтобы им пришлось остановиться? Но, насколько мне известно, моя маленькая синяя Хонда взорвалась бы при ударе. Или мужчина на соседнем сиденье выстрелил бы, как только я повернула руль. Все это приведет к смерти, а не отложит ее.

Потому что это именно то, что я здесь делаю, подчиняясь ему. Откладываю смерть.

Внезапно он кладет ладонь на мое плечо. Прикосновение легкое и ласковое, как прикосновение друга. Или парня. Тепло его ладони просачивается через тонкую ткань легкого свитера, который служит проводником. Я остро осознаю, что он почти... почти касается тонкой лямки шелкового бюстгалтера. И я знаю, что он мог бы сделать больше... Он мог отодвинуть лямку в сторону. Мог заставить меня заняться с ним сексом, и я ничего бы не смогла сделать, чтобы остановить его. Вот что означает его рука на моем плече.

— Поворачивай здесь, — говорит он. Я вижу здание впереди. Это заправка! Мой шанс сбежать. Он, должно быть, знает это, но не ведет себя обеспокоено. Его вообще ничего не волнует. Самоуверенность погубит его. Если я найду способ как это использовать.

Мы подъезжаем ближе, и мое сердце падает. На большом расстоянии здание казалось белым, но с близкого расстояния видно, что краска облупилась и виднеется желтоватая въевшаяся грязь. Это заброшенная заправка.

— Здесь.

Я сбиваю скорость и отъезжаю. Часть, где происходила оплата, разрушена, от нее остались только металлические балки посередине. Похоже на что-то из апокалиптического фильма.

Он может быть дерзким ублюдком, но он подготовленный дерзкий ублюдок. В стороне стоит автомобиль, а рядом с ним мужчина.

— Остановись возле него, — говорит Грейсон.

Ноги мужчины широко расставлены. Руки скрещены на груди. Он и не вздрогнул, когда я подъехала слишком близко к нему.

Грейсон сжимает мое плечо, я выпрямляюсь и останавливаюсь в нескольких ярдах. Моя нога на педали тормоза. Он вытягивает руку, ставит машину на режим «парковка», затем глушит двигатель и кладет ключи в карман.

— Оставайся здесь, — говорит он, перед тем как выйти из машины.

Он думает, что я буду подчиняться? Я сижу неподвижно, держа руки на руле, и смотрю прямо перед собой. Но внутри я выцарапываю себе путь отсюда. Я рву цепи точно так же, как Грейсон сделал это в тюрьме. В этом мы с ним похожи. Никто из нас не останется в неволе, если мы можем изменить это.

В машине мало что может мне помочь. Проклинаю себя за поддержание ее в относительной чистоте. Что я собираюсь делать с кипой студенческих мемуаров? Свернуть их в пистолет origami? У меня ничего нет.

Затем я вспоминаю, что в бардачке есть перцовый спрей. Этого так мало. Но что еще у меня есть?

Убегай. Воспользуйся баллончиком. Забери у него пистолет.

И что потом? Если у меня будет пистолет, смогу ли я нажать на курок? Если я знаю, что лишит жизни Грейсона, — это спасти свою, решусь ли я на это?

Грейсон

Стоун стоит возле машины, скрестив ноги в лодыжках, хладнокровно принимая происходящее. Он даже не дрогнул, когда она направлялась на него. Крепкий орешек.

Я не позволю ему быть крепким орешком в данной ситуации. Захлопнув за собой дверь, я сокращаю расстояние между нами, сгребая его в медвежьи объятия. Спустя секунду, он тоже обнимает меня.

— Черт, — говорит он хрипло.

Я закрываю глаза, держась за него. Знание, что он и команда были там, вытаскивая меня и готовые помочь, помогло мне пройти через все. Он отпускает меня и изучает мое лицо. Интересно, я выгляжу по-другому?

Он кивает в сторону машины:

— Какого хера?

— Ничего. Это мой водитель.

Он вытягивает девятимиллиметровый пистолет и передает мне.

— Кончай ее и поехали. Поторопись.

Мое сердце колотится. Что-то глубокое и инстинктивное отсекает идею о пуле в ее мозгах и о животных, разрывающих на части ее труп.

— Она все еще может пригодиться.

— Для копов, может быть, — говорит он. — Она видела меня, Грейсон. У нас нет выбора.

Я оглядываюсь на Эбби, которая сидит за рулем, прямо и неподвижно. Ее очки сидят абсолютно ровно, но прядь волос выбилась из пучка на голове, она уставилась вперед с полным хладнокровием, и в этом она вся. Это что-то делает со мной. И внезапно я могу думать только о том, что она моя. Это даже не мысль, а как сирена, ревущая в моей голове: моя.

— Это грязное дело. Плохое место для тела.

— Положи ее в мусорный контейнер, — продолжает он. — Какое-то время ее никто не обнаружит. Никто ничего не заподозрит, если появятся собаки и будут обнюхивать...

Мой пульс отдается в ушах.

— Нет.

— Отлично. Я сделаю это, — и он забирает у меня обратно свой пистолет. — Иди переоденься. Возьми вещи сзади в машине. Быстро и безболезненно, хорошо?

Оружие блестит на солнце. Он заряжает пистолет, замечая, что я плююсь.

— Нравится? Платиновое покрытие. Немецкий номер.

Я обхватываю пальцами его запястье. Моя рука в шрамах сжимает его руку с похожими шрамами.

— Все под контролем.

Он замирает и смотрит на меня своими изумрудными глазами, затем говорит мягко:

— Уверен?

— Да, я разберусь с ней, — рычу я.

Он хмурится. Интересно, думает ли он о том, как я позволил им загнать себя в ловушку и посадить за решетку. Мой живот скручивает, когда я вспоминаю разбрызганные мозги копа на асфальте. Человек губернатора указал, что это сделал я. Пистолет, которого я не

видел раньше, сверкал на земле. Мой пистолет. Мои отпечатки. Гребаная мастерски сфабрикованная работа. Мы даже не заметили, как это произошло.

— Грейсон, — говорит он. — Не облажайся.

Я притягиваю его к себе за затылок, на расстояние, достаточное для поцелуя, и смотрю прямо на него:

— Я сказал, все под контролем.

Момент затянулся. Затем я замечаю, что он смягчился.

— Хорошо. Я понимаю, — он вытягивает свою руку из моей. — Два года. Ладно. Трахни ее, а потом убей.

Я отпускаю его.

— В любом случае безопаснее ехать в разных машинах. Это правда, и мы оба это знаем.

— Нужно убираться отсюда. Встретимся там. — В «Брэдфорде», я имею в виду.

— Они будут искать это, — он кивает на ее маленькую машину.

— Я поменяю машину. Я понимаю это.

Он усмехается.

— Я рад, что ты вернулся, брат.

Стоун подходит к машине и достает вещи. Одежда. Я раздеваюсь до боксеров. Он забирает униформу охранника и засовывает ее в рядом стоящую бочку в то время, пока я надеваю черную футболку и пару знакомых джинсов.

— Черт, да, — говорю я. Он даже принес мои старые рабочие ботинки. Он передает мне деньги, удостоверение личности, а также телефон. Предлагает мне пистолет, но у меня есть «Глок», который я забрал у охранника.

— Езжай по 54ой до I-98, — говорит он.

— Я знаю дорогу.

Франклин-Сити находится, по меньшей мере, в десяти часах езды. Сейчас большинство людей покинуло город, огромные его части пусты и разрушены. Не только окраины, такие, как «Брэдфорд», но и за его пределами. Как распространяющаяся болезнь. На внешних окраинах города стоят роскошные особняки, как кормящиеся паразиты. Именно там живет губернатор.

Стоун направляется обратно к «Доджу». Он думает, что я убью ее, и это заставляет меня чувствовать себя некомфортно, потому что я не вру моим парням. Особенно Стоуну. Мы братья. Ближе, чем братья. Как это называется, когда вы вместе проходите через один огонь и носите одинаковые шрамы?

Я возвращаюсь к «Хонде» в то время, когда Стоун срывается с места и выезжает на двухполосное шоссе. Положив руку на капот, я втягиваю сладкий запах свободы и жду, пока его машина, удаляясь, не станет размером с пенни. Я наклоняюсь и смотрю на Эбби. Она по-прежнему дрожит. Это все, что она сделала бы, если бы я дотронулся до нее? Дрожала бы? Это наполняет меня неудобной смесью ненависти и похоти.

Дверь машины легкая как жестянка; у меня предчувствие, будто я забыл что-то важное.

Только когда сажусь в машину и пристегиваюсь, я понимаю, что она перестала дрожать. Она в полнейшем потрясении.

Она слышала наш разговор.

Чертовы старые машины с их дерьмовой изоляцией. Я тянусь к ней, но она ожидает это. Она выскакивает из машины и бежит. Мои ноги сильно согнуты, и я практически сгорблен, поэтому, добрых шестьдесят секунд уходит на то, что бы расстегнуть ремень, выйти и обойти

машину с оружием в руках. К тому времени она уже перебегает через дорогу и заскакивает в лес. Я пересекаю дорогу и ныряю в кусты, следуя за ней. Она пожалеет, что сбежала. Я пробирюсь через заросли за звуком ее передвижения, со словами Стоуна в голове: «Кончай ее и поехали».

Но я не могу. Не сейчас.

Слышу звук сирен.

Твою мать!

Машина просто умоляет кого-то остановиться и проверить ее, припаркованную возле заброшенной станции с двумя открытыми дверями.

Они пробьют по системе и выяснят, чья это машина.

Я поймаю ее. И когда сделаю это, я собираюсь преподать ей урок, что происходит, если послушаться.

Существуют естественные типы людей: сильные и слабые.

Раньше я был слабее, и я знаю, какую это причиняет боль. Но только боль делает вас жестче. Сильнее.

15 глава

Эбигейл

Словно в Аду, я бегу через лес с перцовым спреем в руке. Мелкие ветки, как ногти, врезаются мне в руки и щеки. Но это не то, что должно заботить, когда сбежавший преступник пытается тебя убить.

Я пробегаю по слою мелких веток и заплесневевших листьев в своих идиотских сапогах на высоком каблуке, бегу как сумасшедшая, к самой темной части леса. Мы проехали много полей, и это не то место, где я хотела бы, чтобы все закончилось. В поле Грейсону ничто мешает застрелить меня.

Это грязное дело. Плохое место для тела, так он сказал.

Я знаю, что следующая остановка будет подходящим местом, где можно оставить тело. Может быть, река.

Перепрыгивая через упавшее дерево, я спотыкаюсь и ударяюсь голенью о камень так сильно, что чувствую, будто моя кость сломана. Я слышу треск кустов позади меня и что-то еще — сирена! Я вскакиваю и продолжаю безумную гонку. Они найдут мою машину. Забудет ли он про меня и будет спасаться сам? Возможно, они появятся здесь вместе с собаками.

Я бегу, сражаясь руками с ветками перед собой. Остаться в живых.

Я слышу его позади. Это значит, что он тоже может слышать меня и, возможно, он достаточно близко, чтобы видеть меня в ярко-голубом свитере.

Сирена замолкает. Ее выключили или коп продолжил ехать? Я бросаюсь вправо, меняя направление, но снова слышу его. Не представляю где я, где шоссе, ничего. Все что я знаю, это то, что я должна выжить.

Когда я забегаю в более темную и густую часть леса, решаю разыграть свою последнюю карту. Я проскальзываю за ближайший ствол и стараюсь контролировать дыхание.

Я слышу, как он медленно приближается.

А потом ничего. Я снова прижимаюсь к бугристой коре, голень адски ноет от боли,

пульс стучит в ушах. Мои потные пальцы обернуты вокруг баллончика с перцовым спреем, настолько старым, что я не уверена, работает ли он.

Это все, что осталось. Он где-то там, позади, только и ждет. Наблюдает. Я представляю его громадное мускулистое тело.

Я сглатываю, пытаюсь вспомнить, откуда доносился последний звук от него. Два метра отсюда? Двадцать метров? Ожидание становится мучительным. Я оглядываюсь в поисках другого возможного оружия, может камня, чтобы ударить его, на случай, если перцовый спрей не работает.

Ничего.

Рядом ломается ветка. Я напрягаюсь. Потом еще одна. Тихие шаги.

Затем его голос:

— Мисс Уинслоуууууу, — говорит он тихо. Это почти шепот. Я не должна была расслышать что-то настолько тихое, но у леса странная способность усиливать звук. Это заставляет меня задаться вопросом, слышит ли он, как колотится мое сердце?

Мое дыхание звучит хрипло в ушах. Я буду держать его под контролем.

Другой тихий хруст. До меня доходит, что я должна бросить что-то, чтобы создать звук в другом месте, отвлекая его, как это делают в кино, но я боюсь даже пошевелиться. Я проклиная свою юбку без карманов — ни монет, ни ключей.

Подумываю о том, чтобы бросить свои очки. Я могла выбросить их, когда бежала через лес, но не могу с ними расстаться. Они — моя защита, а сейчас у меня так мало того, что может меня защитить.

Еще один шаг.

Он ближе.

Молчание.

Хруст.

Насколько тихо, насколько возможно, я нагибаюсь, поднимаю камень и бросаю его.

Он попадает в ближайшее дерево.

Я напрягаюсь от мягкого шелестящего звука. Долгое время я больше ничего не слышу.

И внезапно он передо мной. Я поднимаю баллончик, нажимаю на кнопку, и струя попадает ему прямо в глаза.

— Черт! — он хватается меня за плечи, кашляя и крепко закрыв глаза. Он не может видеть меня, но он все равно получил меня. Слезы текут по его щекам. Я пытаюсь вырваться из его хватки, но он все равно не отпускает. Стараюсь ударить его по яйцам, но в конечном итоге попадаю по его бедру. Он ругается и притягивает меня ближе.

Я чувствую, что мое горло сжалось, как будто не могу дышать. Мои легкие отчаянно нуждаются в воздухе.

Снова нажимаю на баллончик и попадаю ему на футболку. По-прежнему, с плотно сжатыми глазами, он прижимает меня к дереву своим огромным телом. Я корчусь и кручусь, но он, словно большой, теплый валун, давит меня, прижимая к дереву своим телом.

Я начинаю неконтролируемо кашлять, глаза слезятся. Кора дерева въедается мне в спину, он давит на меня своим телом, и я едва могу дышать. Он чувствует мою руку внизу, и когда нащупывает спрей, то забирает его из моей руки.

Он ослеп, или, по крайней мере, не может открыть глаза.

— Черт! — говорит он снова, бросая его.

Я стараюсь ударить его коленом, но все что я могу сделать, это наступить ему на ногу,

дико корчась, хватая ртом воздух.

— Черт возьми! — он разворачивает меня, и мои очки падают. Его глаза все еще закрыты, но это не уменьшило его способность нависать надо мной и обращаться со мной, как с тряпичной куклой. Он ставит свою ногу перед моей и толкает меня вперед. Все, что я могу сделать, — это упасть, но он держит меня. Он наклоняет меня лицом в землю. Прижав свое колено к моей спине, одной рукой он держит мои волосы в кулаке, другой удерживает оба моих запястья. Мелкие ветки и сосновые иголки впиваются мне в щеку, когда он давит мне в спину своим коленом.

— Успокойся, — говорит он раздраженно. — Сдайся.

Я кашляю, хриплю. У меня была астма в детстве, это именно то, что я чувствую сейчас, перцовый спрей обжигает меня.

— Отвали, — я задыхаюсь. — Ты слишком большой, я не могу дышать.

— Это спрей, — говорит он. — Дыши нормально.

Я задыхаюсь, паникую.

— Я не могу. Это то, как я умру? Удушье?

— Расслабься, — говорит он, ослабляя колено. Он перемещается и теперь закрывает мою спину. Сейчас он прижимает мои запястья, удерживая их над головой, и я вижу, как его ботинки сжимают по бокам мои бедра. Его вес больше не давит на мою спину.

— Это то, что знает каждый бандит, вроде меня. Как не дышать гребаным Мейс (прим. ред. один из брендов слезоточивых аэрозолей). Это входит в пособие по убийству копов.

— Ты не убийца копов. — Или все же убийца?

Он фыркает.

Я задыхаюсь и кашляю. Я по-прежнему не могу дышать. Это не работает! Он собирается позволить мне умереть.

— Расслабься, — говорит он мягко. — Паникуя, ты только ухудшаешь положение.

Я стараюсь хрипло вдохнуть воздух. Звуки пугают меня. Я на самом деле не могу дышать. Втягиваю воздух быстрее, так как паника нарастает.

— Эй, — он шепчет. — Шшш. — Он кладет свою голову возле моей. Его дыхание щекочет мой затылок. — Перцовый спрей — воспалительный препарат. Он раздувает горло и пазухи, но не перекрывает их.

Я задыхаюсь.

Грейсон продолжает говорить своим спокойным, странно успокаивающим голосом. Почему он меня успокаивает? Я чувствую, как он разрушает мою защиту с каждым словом.

— Ты по-прежнему получаешь воздух. Сосредоточься на этом, мисс Уинслоу. Через это маленькое отверстие ты можешь дышать. Замедли дыхание, получилось?

Я не могу замедлить. Такое ощущение, что я вообще больше не знаю, как дышать.

Внезапно он вытягивает свое больше тело вдоль моего. Его вес не полностью на мне, иначе он бы раздавил меня. Он как будто удерживает себя, согревая меня, прижимая меня к лесной земле. Он шепчет мне на ухо:

— Дыши со мной.

Я слабо вдыхаю.

— Отстань от меня, пещерный человек!

Почему он пытается помочь мне?

— Ты в порядке, детка, — говорит он. — Подстраивайся под мое дыхание.

Лопатками я ощущаю, как расширяется его грудь. Он как большое, теплое животное на

мне. Я верчусь, но движения не выходят. Он давит сильнее и что-то в его весе успокаивает меня. Я ненавижу то, что он на самом деле успокаивает, помогает мне. Я не хочу, чтобы он заставил меня чувствовать себя хорошо, он мой враг.

Я слегка хриплю.

Его горячее медленное дыхание напротив меня. Голос птицы на расстоянии. Я слышу шум шоссе и гул вертолета. Мои глаза слезятся, конечности теплые и расслабленные, и внезапно я делаю это — дышу. Я почти возвращаю себе нормальное дыхание.

— Вот так, — шепчет он.

— Пошел ты. Я не хочу твоей помощи.

Я задыхаюсь на следующем вдохе.

Его шепот ласкает мою щеку:

— Красиво и медленно, мисс Уинслоу.

Что-то чувственное в том, как он говорит «Красиво и медленно». Он снова дышит, словно показывая. На следующем вдохе я подстраиваюсь под него. Вскоре мы дышим вместе. Это странно интимно, как будто мы два подстреленных существа, лежим на лесном ковре. Это почти как танцевать.

Это почти как заниматься сексом.

Я немного наклоняю и поворачиваю голову, достаточно, чтобы видеть, как его глаза все еще плотно закрыты, темные ресницы влажные от слез, вызванных раздражающим действием спрея. Я причинила ему вред? Обожгла его глаза?

— Перестань вертеться, — рычит он. — Лежи ровно.

Как будто у меня есть какой-то выбор, когда он так прижимает меня. Мое сердце колотится под его весом.

Вдох. Выдох.

Это, как если бы мы взяли какой-то тайм-аут, в незнакомом месте с нами двумя, облажавшимися и лежащими на лесной земле, на кровати из сосновых иголок, которые на самом деле ощущаются такими мягкими и приятными. Время проходит. Мне интересно, сколько у него уйдет на то, чтобы полностью прийти в себя. Возможно, я на самом деле причинила вред его глазам. Могла ли я повредить их навсегда?

Он сдвигается, и я думаю, что возможно, он собирается встать, но он этого не делает.

Странно, но я этому рада. Если Грейсон слезет с меня и тем самым закончит этот странный, расслабляющий тайм-аут, это вернет суровую реальность того, кто мы друг другу.

На данный момент я ничего не могу поделать с ним, лежащим на моей спине. Я позволяю моим конечностям расслабиться, дыханию успокоиться, давая себе разрешение отдохнуть. Внезапно я чувствую себя как желе, лежа под ним. Мой позвоночник выравнивается. Мы дышим вместе.

Мои глаза закрываются. Теплое место на моей шее разгорается с каждым его выдохом, и я представляю, как его губы висают над моей кожей.

Я представляю, как он целует меня там, и волна забытого ощущения нарастает внутри меня.

Мои глаза резко распахиваются, и дыхание снова становится прерывистым.

— Эй, — говорит он. А потом более мягко: — Ты в порядке.

Я ощущаю твердость возле моего бедра. Эрекция. Тающее ощущение пульсирует внизу моего живота. Я дрожу в глубине души и это не просто страх, это возбуждение.

Испугавшись, я пытаюсь стряхнуть его с себя, но он крепче сжимает свои ноги и руки

вокруг меня. Теперь я остро ощущаю его вес и тепло.

— Ты ведь больше не хочешь создавать мне проблемы, верно?

— Нет, — шепчу я хрипло.

Энергия секса нарастает между нами, и я не знаю, как остановить это. Знает ли он? Вспоминаю его в тюремной приемной, то, как он смотрел на меня, всю ту силу и красоту, едва сдерживаемую кандалами. Как я была глупа, думая, что он был красивым.

— Нет, ты не хочешь создавать мне проблемы, — подтверждает он. — Итак, останемся в таком положении, пока мои глаза полностью не восстановятся.

— И так ты сможешь убить меня?

— Если бы я хотел убить тебя, — говорит он тепло, его дыхание щекочет под мочкой моего уха, — не думаешь, что ты уже была бы мертва.

Есть что-то особенное в том, как он говорит это, мой живот скручивает в узел, и я не могу перестать концентрировать внимание на его эрекции. Его большое сильное сердце бьется за моей спиной, стуча о мое сердце, как будто мы соединены каким-то примитивным образом.

Его дыхание ощущается таким мягким на моей шее, и, о небо, помоги мне, ибо я хочу почувствовать его больше. Я представляю его кожу на своей.

Смутно я осознаю, что мое дыхание меняется, ускоряется, становится поверхностным.

Я напрягаюсь, когда он прижимается губами к теплому месту на шее. Это как поцелуй? Или нет? И затем он шепчет:

— Что у тебя на уме, мисс Уинслоу.

О боже, он знает. Мужчина, который собирался меня убить, мужчина, с которым мы вместе дышали, он знает.

Я закрываю глаза, тяжело дыша, пульс стучит с дикой скоростью.

Он перемещает свои ноги, вынуждая меня сжать бедра, и волна желания прокатывается через меня.

Он скользит одной рукой вверх по моей руке, а другой рукой сминает мои волосы. По тому, как он движется, я могу сказать, что он не собирается останавливаться, но не это меня тревожит. Ощущение между нами поменялось. Он другой.

Мы оба другие.

Это, как если бы мы были связаны, и я могу чувствовать любое его движение и то, как невероятное желание между нами что-то поменяло в нем. Он наматывает мои волосы на кулак и наклоняет мою голову в сторону, обнажая горло.

— Нет, — я задыхаюсь.

— Нет, что? — шепчет он, опуская губы на мою шею, прижимая их к моей нежной коже. Он проводит зубами по точке пульса на моей шее. — Нет что, мисс Уинслоу?

Он мягко водит вверх и вниз своими руками по моим, поверх моего свитера.

Я выдыхаю, даже не замечая, что задерживала дыхание. Может быть, это отчаяние, может быть, желание. Мне известно только то, что это хреново.

— Просто нет.

Он скользит рукой вверх, чтобы накрыть мою руку, сжимая мои пальцы в кулаки.

Как будто он просто держит мою руку и как будто контролирует меня. Метафора для всего, что происходит сейчас между нами.

Он отрывается от меня, подталкивая меня.

— Нет, — говорю я. Но одним грубым и эффективным движением он переворачивает

меня. Отсутствие зрения, кажется, вообще ему не мешает. Он сжимает мои ноги в тиски своими, и я оказываюсь в ловушке и плююсь на его закрытые глаза. Слезы усеивают его темные ресницы как алмазы.

— Грейсон, — я говорю. — Нет.

Теперь он хватает меня за запястья только одной огромной рукой, опуская другую руку вниз, к моей груди.

Я задыхаюсь.

— Урок, который я недавно усвоил, — как ты знаешь я ученый тип — всегда нужно использовать только правильное слово. — Его рука тяжело лежит на моем животе. — Точное слово против неопределенного слова. «Нет» это не точное слово.

— Не делай этого, — теперь я боюсь.

— Это, — шепчет он, — звучит тоже как-то размыто, тебе не кажется?

— Не делай этого.

Он еще немного смещается с меня, скользя рукой по моей груди.

— Ты лучше этого, мисс Уинслоу. Копай глубже, и ты найдешь правильное слово, я знаю, оно в тебе есть.

Электричество от его руки проходит через мой свитер, мой бюстгальтер. Это, как если бы я лежала перед ним полностью обнаженная. Я даже без очков. Он нежно гладит своей рукой мою грудь. Мне нужно что-то, чтобы перестать чувствовать себя хорошо.

— Нет, что? Не прикасаться к тебе? — Его нежные пальцы заставляют меня гореть. Он перемещает свою ногу между моими.

— Грейсон, — шепчу я.

Он перемещает свою руку вниз, к моему животу, и я чувствую его грубую руку под моим свитером, на моей нежной коже. Я задыхаюсь, когда он задевает рукой чувствительное место ниже моего пупка.

— Отвали от меня, — говорю я, пытаюсь вывернуться, но это лишь позволяет ему дальше надавливать своей ногой у меня между ног. Давление его бедра посылает мощный импульс в самый центр у меня между ног.

— Это действительно то, что ты хочешь, мисс Уинслоу?

— Отвали, — говорю я. — Да, это именно то, что я хочу. Чтобы ты отвалил.

Он сильнее сжимает мои запястья, соединяя их на мягких сосновых иголках. Я закрываю глаза, когда его пальцы путешествуют под моим свитером, вверх от живота, к груди. Он дотягивается до моей груди, лениво скользя вверх-вниз по соску.

— Ты проиграешь эту битву, и ты это знаешь, — говорит он, как ни в чем не бывало, скользя своими грубыми пальцами по тонкой ткани моего бюстгальтера.

— Поздравляю, ты можешь доминировать над кем-то, кто вполтину меньше тебя.

— Я говорю не об этой битве. Ты проиграешь битву, которую ведешь сама с собой. — Он целует мою шею. — Битву за то, чтобы не чувствовать это. Битву против желания.

Битву против желания. Такое ощущение, будто это избитая фраза. Он целует мою щеку нежным поцелуем.

Его нежность резко контрастирует с железной хваткой на моих руках, не давая мне выколоть его глаза.

— Это всегда так происходит, — он снова целует меня. — Это нормально, проигрывать. Все проигрывают. Самые выносливые негодяи, которых я знаю, проигрывают битву.

Мне становится смутно интересно, откуда это? Мой радар мемуаристики подсказывает

мне, что в этом что-то есть. Но я не могу сейчас обращать на это внимание.

— Я хочу, чтобы ты отвалил, — говорю я, тяжело дыша, когда он оттягивает ткань лифчика в сторону и своими грубыми пальцами обводит кругами мой сосок.

— Это нормально, проигрывать, — шепчет он. — Прими это.

Я чувствую, что я погружаюсь в его прикосновения, как будто он руководит мной.

Хуже всего то, что я чувствую между ногами влагу. Вот что делает зло. Я проигрываю битву.

— Черт, — говорю я, пытая выдернуть руки. — Почему просто не убить меня?

Он мягко смеется и целует меня.

— Ты не это имеешь в виду.

О боже, его рука движется южнее. Может быть, это и неправильно, но я не хочу, чтобы он трогал меня там, потому, что тогда он заметит, что там я влажная. Я пытаюсь освободиться из-под пресса его ног, но в этот момент он погружает свои пальцы под резинку моей юбки.

Он скользит пальцами в мои трусики. До меня доходит, что мы снова дышим вместе. Но это не успокоение как это было в прошлый раз, это что-то темное.

— Мисс Уинслоу, — шепчет он, поглаживая мой бугорок. Слезы стыда горят через мои закрытые веки, и в этот момент он находит мой чувствительный комочек нервов и ощущения поднимаются выше.

— Я не хочу, — тяжело дышу.

— Я знаю, — говорит он странным тоном. — Я знаю, но иногда, лучше сказать себе, что ты должна. — Он целует мою шею и продолжает прикасаться ко мне, поглаживая меня выше. Я чувствую, будто лишаюсь рассудка, будто мой мозг — это самолет, только что взлетевший со взлетной полосы, взмывающий в воздух, вне пределов досягаемости, вне связи.

Его прикосновения что-то делают со мной, толкая желание дальше.

Он слышит голос, затем я тоже его слышу, это слышен вызов на расстоянии.

Я втягиваю воздух, чтобы крикнуть «Помогите!», когда его огромная рука закрывает мой рот, не давая мне позвать на помощь.

— О нет, ты не сделаешь этого. Мы собираемся оставаться здесь.

Я оглядываюсь вокруг. Листва достаточно густая, чтобы скрыть нас. И все это время он, не переставая, трогает меня, гладит, заставляя чувствовать это ужасное удовольствие. Обычно это хорошо, но сейчас это ненавистно.

Его рука крепче зажимает мой рот. Я дышу через нос, и своими недавно освободившимися руками я собираюсь дотянуться до его глаз.

Слишком медленно. Прежде чем я успеваю дотянуться, он наклоняет лицо и зарывается в мою грудь так, что я не могу достать ни до глаз, ни до шеи. Как он узнал, что я собираюсь сделать? Я тяну его уши, но он, кажется, не восприимчив к этому.

Я кусаю палец руки, прикрывающей мой рот. Он ругается и сдвигает свою руку, сжимая мой подбородок. Я запускаю руки в его волосы и тяну, но ощущение между моих ног все нарастает. Разум заволакивает туман.

Он не перестает меня гладить, не убирает руку от моего рта, и, прежде чем я осознаю это, я держу руки на его волосах, вместо того, чтобы тянуть их.

Я не знаю, что безумнее: то, что он сейчас здесь, со мной, вместо того, чтобы бежать или то, что я зарываюсь пальцами в его волосы. Или тот факт, что он уткнулся носом в мою

грудь, через мой мягкий свитер, как будто знает, что я собираюсь сделать с его глазами и горлом.

Я чувствую головокружение от быстрого дыхания через нос, или это от того, что он делает со мной.

Может быть, это просто оттого, что он нажимает на мое чувствительное место с правильным давлением. Я не могу поверить, насколько хорошо это ощущается, и не хочу, чтобы он останавливался.

Он продолжает свое круговое движение, и я извиваюсь под ним, толкаясь навстречу его руке.

Он усиливает свою хватку над моим ртом, медленно поглаживая. Я не могу перестать изгибаться под ним, притягивая его за волосы к моей груди, желая, нуждаясь.

И внезапно я распадаюсь на части от ощущения. Острое. Яркое. Насыщенное. Это ощущение волнами проходит через меня. Эта красота. Дикость. Я тяжело дышу, и он тоже. И ничто не имеет значения, кроме этого ощущения, пульсирующего вновь и вновь. Его пальцы останавливаются, когда исчезает ощущение, оставляя меня обмякшей куклой в его руках. Это было прекрасно, слишком прекрасно. Слишком дико. Оргазм. Я чувствую, что я плачу. Я чувствую себя сбитой с толку.

Он не должен был этого делать. Мне не должно было это понравиться.

Он отстраняется от меня, удерживая мою руку одной рукой, рукавом пытаюсь вытереть свои глаза.

И я успокаиваюсь от действия оргазма. Лучшего в моей жизни. И прихожу в себя.

Вот именно тогда я кричу:

— Помогите!

— Эй, — мужской голос. — Здесь есть кто-нибудь?

— Черт, — шепчет он. И в следующий момент он делает что-то сумасшедшее — он отпускает меня.

Я хватаю свои очки и вскакиваю, бегу по направлению к голосу, на ходу надеваю очки, возвращая себя.

Впереди, сквозь деревья, я вижу фигуру.

— Помогите мне! — я кричу, сжимая свою юбку сзади, пробегая между деревьями, и врезаюсь прямо в крепкие руки. Полицейский. Я рыдаю в истерике, указывая на то место, где находился Грейсон.

— Он... Он...

Внезапно мужчина напрягается.

— На землю. Медленно, — голос Грейсона.

Коп отпускает меня, и я отхожу назад. Грейсон стоит за ним, приставив пистолет к его голове.

— Вам не выбраться из этого, — говорит коп. Но я вижу, что кобура полицейского пуста, Грейсон вытащил его пистолет.

— Я думаю, что просто отлично выберусь из этого, — говорит Грейсон.

Коп разворачивается, и внезапно они начинают драться.

Помоги копу!

Но я не знаю, как помочь. Ярость кулаков и рычание, как будто волки борются за тушу, или как смертельно опасные бойцы борются за пистолет.

Грейсон хватает его за локоть, кулаком разбивает ему лицо, и мужчина падает.

Я задыхаюсь. Нет.

— Побежишь, и я его убью, — говорит Грейсон. Он подтягивает руки полицейского к дереву, таким образом, что мужчина обнимает дерево.

— Черт, — говорит он, разрывая свою черную футболку по центру, обнажая грудь, как дикий зверь. Он разрывает футболку на полосы, бросая на меня взгляд. — Я серьезно.

— Ты не убийца полицейских, — шиплю я. Мне хотелось бы в это верить.

Отчасти потому, что я верила в него так долго, читая его работы. Но и по тому, что если бы он убил полицейского, то он мог бы убить еще кого-то. Меня.

Он хлопает ошеломленного мужчину по лицу.

— Я думаю, ты знаешь, кто я. Я убийца полицейского? — он спрашивает это, сминая в руках одну из полосок.

— Да, — говорит коп.

— Видишь? — Грейсон запихивает ткань в рот мужчине. Затем завязывает кляп над его ртом. — Это реально, ты так не думаешь?

Я замираю на месте, когда он завязывает мужчине глаза.

Он поворачивается и наставляет на меня ствол. Я отступаю назад и врезаюсь в дерево. Его глаза выглядят опухшими, но видимо, он уже может хорошо видеть. Он захватывает переднюю часть моей кофты.

— Ты никуда не денешься. Поняла? Ты не можешь уйти от меня.

— Хорошо, — шепчу я.

— Скажи это так, будто ты это имеешь в виду.

— Хорошо.

Он странно на меня смотрит. Какая-то мягкость появляется на его лице.

— Что? — спрашиваю я, боясь даже пошевелиться.

Он поднимает руку. Я вздрагиваю, но он только касается моей скулы.

Несмотря на то, что он сейчас на самом деле нежен, его прикосновения причиняют боль.

— Ты порезалась. Это я сделал?

— Когда ты толкнул меня лицом в землю, ты это имеешь в виду? — огрызаюсь я.

На самом деле, я абсолютно не считаю, что это он причинил мне боль. Я думаю, это случилось, когда я пробегала через терновник, но он, кажется, всерьез обеспокоен тем, откуда эти раны, поэтому я позволю ему думать, что это его вина.

Я возьму любую толику сочувствия, которую смогу получить.

16 глава

Грейсон

Мисс Уинслоу — одна сплошная неприятность. Если бы Стоун был здесь, он бы уже давно прикончил ее, не задумываясь. В отличие от меня, он всегда комфортно себя чувствовал при необходимости пришить кого-то. Я говорю об этом с уважением. Когда у него была такая возможность, он, не колеблясь, перерезал глотки и выдавливал глаза. Мы вышли из этого ада благодаря его отличной физической форме и тяге к насилию.

И вот я нахожусь здесь со связанным копом, у которого завязаны глаза и кляп во рту. И маленькая мисс Уинслоу смотрит на меня своими большими глазами лани. Она смотрит, как

уязвленная. Как человек, которого предали. Шокированная тем, что, в конце концов, я оказался плохим парнем.

Что ж, мне тоже приятно познакомиться.

— Пойдем.

— А как же...? — она оглаживается на копа.

Разве она не знает, что коп сдал бы ее в секунду, если бы это помогло поймать меня. Она ничто для него. Пешка.

— Что? — Я подхожу к копу и приставляю пистолет к его виску. — Должен ли я сделать это?

Коп трясет головой, поднимая ее кверху, кажется, так обычно делают все парни с завязанными глазами. Как будто, смотря вверх, они смогут видеть через повязку. Никогда не понимал этого.

Ее нижняя губа дрожит. Она собирается плакать? Ее щеки будет покалывать. Почему это должно меня беспокоить? Не должно, не должно, но мой желудок сжимается, когда я вижу, как слеза стекает по ее мягкой коже и капает на рану. Как идиот, подхожу к ней и провожу большим пальцем по порезу на ее лице, зная, что соль и грязь тоже причинят ей боль.

Интересная штука боль. Мы так отчаянно боремся, чтобы избежать ее, чуть ли не больше, чем смерти.

Но это единственное, что связывает нас. Проходить через боль вместе и выходить на другой стороне — это и есть единственная форма дружбы, когда-либо известная мне.

И, как ни странно, я хочу пройти через это с ней. В каком-то смысле я чувствую, что мы уже делаем это. В классе. Эпизод с перцовым спреем. Маленькая ненависть, маленький ад.

— Застрелить ли мне его? — мой голос понижается до шепота. — Нужно ли нам избавиться от него?

Она сильно трясет головой, провоцируя еще больше слез.

— Не надо. Не надо.

Это вынуждает меня еще больше хотеть сделать это. Возможно, мы чувствовали бы большую связь, если прошли вместе через больший ад. Иногда, когда ты сделан из льда, огонь — это все, что ты чувствуешь. Мой палец сжимается на спусковом крючке. По крайней мере, тогда я бы сделал то, за что они меня посадили.

Мисс Уинслоу обхватывает себя руками.

— Они убьют тебя, — слова вырываются из нее. — Они не просто посадят тебя обратно в тюрьму. Они посадят тебя в камеру смертников.

Ее слова проникают в меня. Это симпатия. Может быть, даже какая-то форма извращенного влечения.

Я знаю, что делать с кулаком и ножом. Я знаю, что делать с болью и ненавистью. Знаю, что делать с женщиной, как быть нежным и заботливым ровно столько, сколько нужно, чтобы расслабить мои яйца. Я не знаю, что делать с мисс Уинслоу.

— Пойдем, — говорю я, достаточно грубо в этот раз.

Разве мы не пара? Каждый из нас намерен спасти другого, несмотря на то, что в конце это может убить нас.

Полицейский ворчит.

Я пожалел его взглядом. Его рот набит тканью, руки в наручниках. Стоун, вероятно, издевался бы над ним.

— Прибереги силы, — говорю я мягко. — Не борись с этим, от этого только хуже. Дождись своего шанса.

Конечно, он не слушает. Он напрягает свои мускулы, борясь с такой силой, что листва дрожит над ним. Вена пульсирует у него на лбу.

— Не борись, — говорю я, но он не слушает. Они никогда не слушают.

— Пойдем, — говорю я снова. Она слушается и поворачивается в направлении, куда я киваю.

Через просвет в высоких ветвях льется достаточно солнечного света, подсказывая мне, что в том направлении есть открытая местность.

Я не могу рисковать, возвращаясь к ее машине, с полицейским автомобилем там. Я сомневаюсь, что остался напарник, ожидающий его возвращения; патрульные работают в одиночку. Но, возможно, он сообщил свои координаты, прежде чем покинул автомобиль.

Подкрепление уже в пути. Думаю, полчаса, и они будут на месте.

Знание полицейской процедуры спасало мою задницу столько раз, что я и сосчитать не могу. Мы быстрыми темпами движемся через лес, несмотря на каменистую местность. Упавшие деревья и сухие ветки мешают нашему передвижению. Она спотыкается иногда, но я всегда ловлю ее прежде, чем она соскользнет. Она такая теплая и мягкая в моей хватке. Я заставляю себя отпустить ее.

Почему она не убегает?

Очевидно, что я просто поймаю ее, но она должна знать, что я не буду убивать ее сейчас. Она моя, и я могу делать с ней все, что захочу, но также это означает, что я должен защищать ее и заботиться о ней.

Лежать с ней на земле, успокаивая ее, помогая ей дышать, было одним из самых мощных ощущений в моей жизни — мощных в хорошем смысле. Чувство внутри меня настолько огромное, что это меня пугает. А потом то, как она разлетелась на осколки подо мною, от моих прикосновений...

Я замечаю красное пятно на ее бледной щеке и хватаю ее за запястье. Ее карие глаза смотрят на меня, темные бассейны в пятнистом свете.

— Тебе больно? — я спрашиваю ее, хотя это и так очевидно.

Она качает головой.

— Я в порядке.

Кровь, стекающая по ее щеке, показывает, какая она лгунья, скручивая меня в узел. Я хочу сказать что-то утешительное, но все, что делаю, — это сжимаю крепче ее запястье.

— Если ты побежишь, ты не сможешь скрыться.

Ее маленькая улыбка.

— Я знаю.

Но я знаю, что она слышала все, что я сказал полицейскому.

Я говорил ему прибереечь силы, и она слушала. Так же как она читала лекции о биографиях, я учил ее как сбежать. Как бороться. Дождись своего шанса, так я сказал. И она впитала эти знания.

Самое лучшее, что могу для нее сделать, — это оставить ее здесь. Но я не оставляю.

17 глава

Он заставляет меня зайти в ручей. Ледяная вода окутывает мои лодыжки и затекает в ботинки, от холода мои ноги немеют до костей. Я пытаюсь вырваться, но он крепко сжимает мое запястье. Я дрожу. Не могу поверить, что ему не холодно без футболки. Не то чтобы я жалела его, учитывая, что он использовал свою футболку, чтобы заткнуть рот копу и завязать ему глаза.

— Куда ты думаешь, мы пойдем? — спрашивает он.

— На другую сторону.

Он трясет головой.

— Мы пойдем по ручью.

— Я не могу, — говорю я.

Он притягивает меня ближе. Кажется, он до сих пор мучается из-за раны на моей щеке, что, возможно, должно быть хорошим знаком.

Я сосредотачиваю внимание на деревьях вдалеке, что угодно, кроме его вздымающейся, сильной, с полосами грязи, груди. Сейчас, должно быть, время обеда; я могу судить об этом по наклону солнца.

С близкого расстояния он пахнет потом. Не сосной, не одеколоном, не мускусом, а простым человеческим потом.

— Наклонись.

— Что?? — Я пытаюсь выдернуть запястье из его руки, но он сжимает мои волосы в кулак и толкает мое лицо почти к самой воде. Он брызгает водой на мою щеку, от ледяного холода я зажмуриваю глаза, выплевывая воду из носа и изо рта и пытаюсь вывернуться из его рук.

— Боже! — говорю я, когда он отпускает меня. Я пытаюсь отдышаться и протираю глаза.

Он изучает мою рану и одобрительно ворчит, как будто инфекция — это самая большая угроза сейчас.

Он тянет меня за руку.

— Идем.

— Я даже не чувствую ног.

Он хмурится, сдвигая свои темные брови. Затем наклоняется, обвивает мою руку вокруг своей шеи и подхватывает меня на руки.

Я оттягиваю руку обратно, борясь с его удержанием.

— Отпусти меня!

— Так ты хочешь идти? Или же у меня по-прежнему есть. ³⁵⁷, я мог бы оставить в тебе несколько дырок, и ты могла бы плыть. Это то, чего ты хочешь?

Я обвиваю рукой его шею, чувствуя себя странно, как будто принимаю участие в собственном пленении. Но, кажется, это лучше, чем альтернативные варианты. «Не борись. Дождись своего шанса».

Наконец, он выходит на берег и опускает меня на землю, покрытую мхом. Я шатаюсь. Он встает на скалистый берег рядом со мной. Вода стремительно течет по его большим, черным ботинкам, его грудь блестит от пота.

— Снимай свои трусики.

Я смотрю на него, как на сумасшедшего. Наверное, он действительно псих за этими темными и красивыми глазами. Под всей этой грубой кожей и мощными мышцами. Он —

псих, в самом сексуальном теле, которое я когда-либо видела.

Я молюсь, чтобы он просто шутил надо мной.

Он улыбается, как будто это довольно весело.

— Сделай это, или я сделаю вместо тебя. — Он берет камень, трет им подмышкой, а затем бросает в глубину леса. Затем проделывает то же самое еще с двумя камнями.

— Две секунды, — говорит он, поднимая брови в ожидании. — Сделаю ли я это за тебя? Ты же знаешь, что сделаю.

Мой желудок сжимается, но у меня нет выбора. Дрожащими руками я проникаю под юбку и снимаю трусики. Я кладу их в его протянутую ладонь.

— Спасибо, мисс Уинслоу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Как будто я только что передала ему карандаш, чтобы закончить задание.

Он бросает их в кусты, затем подхватывает меня на руки и по ручью несет меня обратно в то место, откуда мы пришли. Мое сердце ухает в желудок, когда я понимаю, что он только что сделал, — указал ложный след для поисковых собак.

— У вас такие грязные мысли, мисс Уинслоу, — говорит он, пробираясь по воде.

Вскоре, мы проходим то место, откуда начали наш путь минут десять назад.

— Я стараюсь быть практичным, — продолжает он. — А куда ведут твои гребанные мысли?

Я ненавижу то, что он может читать меня. Я бы хотела читать его.

— Перестань называть меня «мисс Уинслоу».

— Как ты хочешь, чтобы я тебя называл? — он понижает голос и его темные глаза встречаются с моими. — Эбигейл?

Мой желудок переворачивается, когда я слышу свое имя на его губах, и смотрю в сторону. Когда он произносит «Эбигейл» — это как вторжение в мое личное пространство или что-то вроде этого, но когда он говорит «мисс Уинслоу» — это звучит, как что-то непристойное.

— Я не хочу, чтобы ты вообще как-либо меня называл.

Он фыркает, неся меня вниз по ручью, как жених мог бы переносить невесту через порог. Это ощущается почти нежно. Я должна напомнить себе, что он хладнокровный убийца.

Так почему же он до сих пор не убил меня?

«Береги силы, дождись своего шанса», — так он сказал копу. Интересно, приближается ли мой шанс — безусловно, его ноги слишком онемели, чтобы быстро бежать. И хоть он и не показывает этого, но он должен быть уставшим оттого, что несет меня; его бицепсы выпирают и напрягаются под моим весом. Жилы на его теплой, потной шее пульсируют с каждым шагом. Могу ли я истощить его за весь этот путь? Мне бы хотелось весить в три раза больше. Чтобы подорвать его силу.

Его ноздри раздуваются, пока он идет.

У него простой, прямой нос, который резко контрастирует с красотой его глаз. И он знает, как ужесточить свои черты, чтобы заставить бояться себя. На его щеках лишь тень щетины. Мне приходит на ум, что он, должно быть, побрился для побега, желая выглядеть гладко выбритым.

Некоторое время спустя, он выходит из ручья и опускает меня на землю.

— Поездка окончена, — говорит он, указывая мне через куст терновника. Он хочет,

чтобы я шла первой, поэтому я и иду. Такое чувство, что мы идем несколько часов. Мои ноги болят от каблуков. Тысячи мелких веток поранили мои ноги. Мы направляемся вверх по склону вспаханного поля, затем через еще одно, но ни фермера, ни копов на нашем пути. Что ж, они ищут в другом направлении, если вообще ищут.

Я осознаю, что не могу рассчитывать на власти. Они не смогли обеспечить мне безопасность в тюрьме. Почему я должна ожидать, что они спасут меня сейчас?

Мне придется самой спасти себя.

Грейсон, кажется, знает, куда он идет. Пока мы с трудом передвигаемся, я чувствую, что он прислушивается к ветру, отдаленным звукам.

Это то, в чем он превосходит: тип боя. Не между странами, а между солдатами. Между сторонами.

Мы идем через холм, и я вижу впереди дорогу. Мой пульс подскакивает.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — говорит он, ведя меня вниз по ухабистой, заросшей сорняками дороге, к обочине, усыпанной мусором.

— Ты хочешь маякнуть кому-то? Вперед, и это будут их похороны.

Он поднимает бутылку из-под виски и несет ее в правой руке, левой рукой держит мою руку.

Я думаю, это один из способов заполучить машину.

Слышу автомобиль, который приближается сзади, и перестаю дышать.

— Даже не думай о том, чтобы смотреть, — говорит он, едва я собираюсь сделать это. Маленькая машина серебряного цвета проезжает мимо. И затем тишина. Он заставляет меня поднять стеклянную бутылку из-под содовой. В ней полно муравьев. Дальше по дороге он находит кусок резины, вероятно, от грузовой шины, и тоже подбирает ее. Он указывает на упавшее дерево, недалеко от обочины дороги. Тени удлиннились. Скоро стемнеет.

— Садись.

Я сижу, пытаюсь обдумать свои действия. Если я кому-то маякну или буду размахивать руками, прося о помощи, пристрелит ли он их тогда на самом деле? Грузовик приближается.

— Глаза в пол, рычит он. — Веди себя естественной.

Веди себя «естественно». Это наречие, мудака, думаю я, но не произношу это вслух. Кажется, он получает извращенное удовольствие, когда я исправляю его грамматику. Интересно, насколько он делает это нарочно, чтобы вывести меня из себя?

Он присаживается рядом со мной и начинает разбивать бутылки, которые мы собрали по мере приближения грузовика. Я смотрю украдкой. Водитель говорит по телефону.

«Помогите мне», — произношу я одними губами.

Грейсон сразу начинает улыбаться глядя на грузовик. Он почти смеется. Как будто я пошутила. Водитель встречается глазами с Грейсоном и сворачивает мимо, болтая по телефону. Моя надежда медленно тает.

Затем, он хватает мое запястье железной хваткой. Моя кровь холодеет. Он говорит сквозь зубы:

— Ты не сделаешь что-то вроде этого, — он дергает меня за руку. — Поняла? Ты не можешь.

Кажется, он почти встревожен, как будто я выскочила на проезжую часть вместо того, чтобы идти за помощью.

Я смотрю на него вызывающе, стараясь сохранять спокойствие, несмотря на бешено колотящееся сердце.

— Я главный, а ты — нет. И чем раньше ты привыкнешь к этому, тем лучше для тебя.

Я удерживаю взгляд.

Он выглядит почти печально.

— Дай мне свои очки.

— Нет! — мой живот скручивает в узел.

— Сейчас же! — рычит он.

— Я не могу, — я говорю это с болезненным чувством, хотя знаю, что это правда.

Иногда ты выживаешь, подыгрывая и привыкая к вещам. Но мне нужны мои очки, чтобы читать, различать лица. Чтобы защищать меня. Прятать меня. Они нужны мне.

Он ждет.

Инстинктивно я кладу свободную руку на очки, чтобы потрогать их.

— Пожалуйста, — он хватается меня за запястья, я выворачиваю руки, пытаюсь высвободиться.

— Нет!

— Прости, — спокойный как гранит, он тянется свободной рукой за очками.

— Только не мои очки! — прошу я, пока он стягивает их с моего лица.

— Ты думаешь, они защищают тебя, но это не так, — говорит он. — Ты думаешь, кто-то там мог бы спасти тебя, но это не так. Они никогда не помогут тебе. Люди там не могут защитить тебя. — Он кладет очки на землю и поднимает большой камень.

— Нет! — я задыхаюсь, когда он разбивает камнем оправу и линзы. — Я не могу видеть!

— Я могу, — говорит он. — Я единственный, кто защищает тебя сейчас.

Я всхлипываю в то время, пока он вынимает осколки стекла из оправы и вставляет их в кусок резины. Это выглядит как змея, усеянная акульими плавниками. Мутными глазами я вижу, как он выходит на дорогу и кладет ее. Он возвращается и тянет меня в тень под деревом. Вряд ли водитель увидит нас.

— Сейчас нам просто нужна машина, — говорит он, так, будто мы команда. Я продолжаю молчать. Мы никогда не будем командой.

Блестящий синий пикап появляется на дороге. В кабине один человек, но я плохо различаю без очков.

— Привет, — Грейсон бормочет себе под нос, когда машина проезжает по его ловушке. Хлопок от лопнувшей шины и водитель съезжает на обочину. Взяв меня за руку, Грейсон тянет меня за собой.

— Ты произносишь одно гребаное слово или делаешь что-то, и тогда кто-то умирает. Усекла?

Не кажется, что он ждет ответа, поэтому я и не отвечаю.

Я чувствую себя голой. Без очков и без трусиков. Он хочет, чтобы я была беспомощной. Думаю, у него это хорошо получается. Но он не знает меня. И я никогда не привыкну к этому.

Мы быстро достигаем парня на обочине дороги. Теперь я могу лучше его видеть. Я могу видеть на среднем расстоянии, не далеко и не близко. Я вижу, что передняя шина полностью спущена, а остальные в порядке.

— Нужна помощь? — спрашивает Грейсон.

Мужчина бросает взгляд на Грейсона, выпрямляется и смотрит искоса.

Красивое лицо Грейсона, его обаяние и самоуверенная улыбка не обдурят его.

— Нет, спасибо, — он держит бейсболку в руке, выглядя как стареющий футболист,

благодаря своему крупному, пухлому телосложению и седине. И он знает проблему Грейсона.

— У вас есть запаска и домкрат? — спрашивает Грейсон.

— Да, — говорит мужчина. — У меня все в порядке.

— Отлично, — Грейсон вытаскивает пистолет. Пистолет полицейского. Он огромный и пугающий. Мужчина замирает. Его взгляд перемещается на меня, но у меня нет ответов.

— Давай телефон. Медленно.

— Я не хочу никаких проблем, — говорит парень, вынимая телефон из кармана.

— Это правильное поведение, — отвечает Грейсон, выхватывая телефон у парня, и бросая его в мою сторону.

Мои руки рефлекторно поднимаются. Рефлекс, выработанный десятилетиями. Он спасал меня от посуды, книг и прочего, что мать решала бросить в меня. Я ловлю его. Телефон по-прежнему теплый от тела парня, и мой желудок переворачивается. Такое чувство, как будто я замешена в этом, как будто я соучастник, а не жертва.

Но у Грейсона по-прежнему есть пистолет.

Мои глаза оправдываются перед парнем, но он в замешательстве. Его взгляд мечется из стороны в сторону. Он пытается понять нас. Бонни и Клайд, к этому заключению он приходит. Он думает, что я — часть этого. Нет! Нет! Я хочу кричать.

Грейсон жестикулирует с пистолетом в руке.

— Теперь снимай рубашку и брось ее моей женщине.

Моя женщина. Неверие прокатывается через меня.

Мужчина расстегивает свою голубую клетчатую рубашку, глядя на меня с опаской, бросает ее мне.

Я ловлю ее, качая головой быстро и неистово.

Я не его женщина. Нужна помощь.

Он выглядит смущенным, напуганным. Возможно, злым.

— Где твой домкрат? — рывкает Грейсон. Мужчина бормочет, что он находится сзади. Грейсон снова указывает пистолетом: — Иди и возьми его. Нам нужно сделать кое-что. Оказывается, мужчина должен еще выполнить какую-то работу. Грейсон предприимчивый преступник, он заставляет мужчину заменить шину для нас. Мужчина делает это очень эффективно. Он поднимает грузовик домкратом и выкручивает шины. У него есть все необходимые инструменты. Он относится к работягам.

Я чувствую себя идиоткой, стоя и ничего не делая. Но все идеи, которые приходят мне в голову, в состоянии скорее ухудшить ситуацию, чем наоборот. Только одна машина проезжает мимо за то время, пока он меняет шину. Она замедляет ход. Возможно, водитель хочет остановиться, но Грейсон просто скалит на него зубы, как будто все в порядке. И машина сдает назад. Это как сон. Или кошмар.

К тому времени, когда мужчина заканчивает работу, становится темно, его голая грудь обливается потом. Грейсон показательно проверяет герметичность болтов. Затем он кивает.

— Убирайся отсюда.

Мужчина смотрит на него с недоверием.

— Иди, — говорит он. — Газовая станция в нескольких милях отсюда, вниз по дороге. Не могу сказать, что она будет открыта к тому времени, как ты доберешься до нее, но...

Тремя быстрыми шагами парень отступает назад. Я не хочу, чтобы он уходил, чтобы оставлял меня снова наедине с Грейсоном.

Мужчина поворачивается и бежит. Он определенно был футболистом, лет двадцать назад. Он так бежит, как будто пытается что-то предпринять. Не похоже на правду, что он напуган.

Любой бы испугался. Большой, крепкий парень в ужасе от Грейсона.

Ужас и отчаяние бьют ключом внутри меня.

Он подмигивает.

— ФБР не узнает, что было на самом деле. Помогала ли ты мне все это время, мисс Уинслоу? Может, ты моя тайная любовница?

Я бросаю в него телефон, который он естественно ловит. Одной рукой.

— Я никогда не прикоснусь к тебе, — говорю я.

— Прикоснешься.

В этом нет никакого триумфа. Он говорит это, будто констатируя факт. Он делает шаг вперед.

Я отступаю назад, пока не упрусь спиной в грузовик. Я вспотела, но горячий металл почти приносит облегчение. Теплее и гораздо человечнее, чем этот зверь из плоти и крови, который сейчас маячит передо мной.

Но мне тоже есть что сказать. Что-то правдивое. И я хочу, чтобы он слушал.

— Ты можешь причинить мне боль. Можешь прикоснуться ко мне. Но я никогда и ни за что не прикоснусь к тебе. Не по собственному желанию.

К тому моменту, как я заканчиваю говорить, меня всю трясет. Слезы снова накатывают, но мне все равно. Они не сделают меня слабой. Я знаю, что такое настоящая слабость. Я видела, как она приходит с принятием наркотиков и трахом с грубыми мужчинами, чтобы получить дозу....

Я видела, как она умирает. Этого никогда не случится со мной. Никогда.

Он дотягивается до моей щеки, до той, которая без пореза. Нарочно? Я не знаю. Большим пальцем он прокладывает путь от моей брови вниз до виска. Места, которых он не мог коснуться, пока я была в очках. Как будто он изучает мое лицо, запоминает его. Внутри моей груди все вспыхивает, но я продолжаю сохранять хмурое выражение лица.

— Итак, я могу прикоснуться к тебе? — спрашивает он нежно. — Но ты не будешь касаться меня?

Мой голос дрожит.

— Я не говорила этого.

— Разве? — Его рука скользит ниже, вниз по моей шее. Несмотря на жару, моя грудь и руки покрываются мурашками.

Костяшками пальцев он поглаживает кожу над моей ключицей. Я сжимаю руки в кулаки по бокам. Опасаясь его дальнейших действий.

Он продолжает опускаться ниже, пока его руки не касаются моей груди.

А потом, что мне делать? Плакать? Кричать? Здесь некому меня услышать. Парень из машины исчез за горным хребтом.

Я позволяю моим глазам закрыться.

— Прекрати.

— Ты не хочешь этого, — его тон разговорный.

— Я ненавижу тебя!

— Тогда чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты умер. Я хочу причинить тебе боль. Я хочу, чтобы ты отпустил меня.

Он тихо смеется, и я чувствую его дыхание на моем лбу.

— В этой последовательности?

Мои зубы сжимаются.

— Выбери!

— Знаешь, что я думаю, Эбби? Я могу называть тебя так, правильно? Звучит мило. Как ты.

Он сгибает руку и нежно, едва касаясь, проводит пальцами по моему кашемировому свитеру. Он сжимает мое бедро, как будто мы танцуем. И мы танцуем. А его слова — это дурацкая песня.

— Я думаю, ты хочешь исправить меня. Это то, что ты делала в тюрьме. Это то, что ты делаешь сейчас. Но дело в том, Эбби, что это не работает. Ты не можешь исправлять людей. Ни этим дерьмовым написанием заданий, ни чем-либо еще.

— Они не дерьмовые! — выплевываю я, потому что да, он может отнять мою свободу, но он не может отнять то, что я знаю. Или то, чему Эстер научила меня. — Для некоторых парней там было важно иметь возможность рассказать свои истории и быть услышанными. Рассказывая наши истории, мы исцеляемся и становимся цельными, — добавила я, повторяя как попугай, слова Эстер.

Его красивые губы изгибаются в язвительной улыбке. — Это действительно то, что ты думаешь?

— Да, — говорю я.

Его голос выравнивается.

— Некоторые люди никогда не исправляются, — говорит он мне. — Некоторые раны никогда не заживают. Никогда.

18 глава

Грейсон

Она прислонилась к противоположной двери. Ее волосы свисают вниз из пучка на голове, лицо перепачкано грязью и кровью. Она сняла свой милый свитер, чтобы использовать его в качестве подушки, когда мы сели в машину. Ее красивая блузка порвана и пропитана потом. Но она все равно выглядит красиво. И печально. Трудно следить за дорогой. Я хочу остановить грузовик и просто смотреть на нее, упиваться зрелищем, так чтобы никогда не забыть.

Это не было бы проблемой. Даже когда я закрываю глаза на секунду, останавливаясь перед знаком «Стоп», я вижу ее лицо. Она запечатлелась в моем сознании, ее хрупкое тело, аккуратные черты лица. А ниже... огненный центр.

Что сделало ее такой приспособленной и храброй перед лицом угроз и насилия?

Есть что-то. Я не знаю что, но что-то сделало ее такой.

— У тебя есть парень?

Она смотрит на меня мрачным взглядом.

— Да.

Моя кровь кипит, хотя я не знаю, что заставляет меня ревновать к какому-то неопытному бухгалтеру, который ходит в церковь по воскресеньям. Это единственный тип мужчины, с которым я ее вижу.

Ложь.

Я могу видеть ее рядом с собой. Под собой. На мне, с этой ее маленькой, упругой грудью, которая трясется, когда она объезжает меня. Но это только секс, и я давно понял, что нельзя доверять своему телу. Возбуждение. Физиологическая реакция. Кто угодно может тереться об меня, трахать меня и до тех пор, пока они делают это правильно, я буду получать оргазм. Это не значит, что я не хочу убить их.

— Он, должно быть, волнуется? Ты обычно уже дома к этому времени? Готовишь ему ужин?

Она поджигает губы на короткое мгновение.

— Мы не живем вместе. Я живу на территории кампуса.

— А он живет где? Не в кампусе?

— Он... да, он живет за пределами кампуса. Он живет... с родителями.

Сомнение проходит через меня, вместе со значительной дозой облегчения.

Несмотря на это, почему так важно, есть ли у нее парень? То, что какой-то хромой осел ждет дома, не имеет никакого значения. Но груз, свалившийся с моей груди, доказывает, что это все же имеет значение.

— Нет никакого парня, — говорю я.

Она сердито смотрит на меня, доказывая тем самым, что я прав.

— Есть.

Боже, она такая дерьмовая лгунья. Я люблю это. Я хочу посмотреть, как она лжет обо всем. Хочу посмотреть, как она делает все, что угодно.

— Обрезанный или нет?

Ее рот изумленно открывается. Она закрывает его и затем снова открывает. Ничего не выходит.

— Он... он...

— Он обрезанный.

— Нет! Он на третьем курсе специальности массовые коммуникации. Он президент исторического общества. У него каштановые волосы и... веснушки.

Я фыркаю.

— Я думаю, ты знаешь такого парня, может, ты даже была немного увлечена им. Но ты не встречаешься с ним. И ты, определенно, не трахаешься с ним.

Ее глаза сужаются.

— Не каждый думает о... сам понимаешь.

— Сам понимаешь. Вот как ты называешь секс?

Теперь я уверен, что у нее нет бойфренда. На самом деле... она девственница? Потому что, черт, это довольно невинно. Впервые с ней, волна беспокойства проходит через меня. Что, если она слишком невинна?

Что, если я разрушу ее?

— Будь конкретна, мисс Уинслоу. Как будто ты не думаешь об этом?

Она заливаясь краской от груди до щек.

— Прекрати делать вид, что ты знаешь, о чем я думаю. Ты ни черта обо мне не знаешь!

Я удивлен резкостью ее слов. Я снова смотрю на нее. Вся разрушенная и возбужденная, и грязная, голова покоится на пассажирском окне, волосы запутались вокруг ее плеч, выбившись из аккуратного пучка. Есть что-то естественное в ней, когда она так выглядит.

«Ты ни черта обо мне не знаешь», так она сказала.

Мои вопросы просто заставляют меня жаждать ее. Это ощущается как физический голод, как жажда, как жгучее желание, так глубоко, что я даже не знаю, как погасить его. Я могу только заставить ее говорить, заставить ее кричать, сделать ей больно, и надеюсь, что этого достаточно.

— Ты хорошая девушка. Спокойная. Благодетельная. Чего тут не знать?

Реверсивная психология. Это неловко и глупо, но когда ее глаза встречаются с моими, я думаю, что, возможно, это не так уж и глупо.

— Безупречная мисс Уинслоу, — дразню я.

— Может быть, ты не единственный убийца в этом грузовике. Как насчет этого?

Я фыркаю.

— Ты забыла один раз покормить свою золотую рыбку?

Эбби смотрит на задние фары впереди идущей машины, погрузившись в свои мысли, губы плотно сжаты.

Я снова смотрю на дорогу. Еще в детском доме я один раз забыл покормить двух моих золотых рыбок, и они умерли. Я плакал и неделями чувствовал себя дерьмово.

После того как меня забрали, сидя в подвале, в моем углу возле металлического шкафчика, я ногтем царапал рисунки на полу, в то время как Стоун и старшие парни играли в карты или еще что-то, а я думал о тех рыбах и по-прежнему чувствовал себя дерьмом. Но затем мы слышали шаги возле двери, и, если это было не время еды, то мы знали, что сейчас будут выводить одного или двоих из нас.

Или хуже, звук машины Дормана за окном, означающий, что меня вызовут и все начнется. Тебя заставляют есть конфеты с наркотой, затем одевают в жуткую одежду: костюм моряка, короткие брюки и рубашку. И я думал о тех рыбках, которые не видят и не чувствуют ничего их огромными мертвыми глазами, и я завидовал им. Как долбанный идиот, завидовал каким-то мертвым золотым рыбкам. Плавающим по кругу над этим глупым маленьким замком, купленным мною на мои сбережения, когда я был свободным ребенком.

Я смотрю на часы на приборной панели. Прошел уже час, как мы забрали машину, и я собирался сменить ее к этому моменту, но у Эбби что-то на уме, и она хочет выплеснуть это. Когда она хочет что-нибудь сказать, ее брови немного сдвигаются. Она делала так и в классе. Парни никогда не замечали этого и продолжали разговаривать, когда у нее было такое выражение, но я никогда так не делал. Я интересуюсь тем, что, черт возьми, она должна сказать.

И как раз когда я думаю, что она изменила свое мнение о том, что ей нужно было сказать, она заговорила:

— Я позволила человеку умереть. — Ее голос звучит немного хрипло, и она продолжает: — Я стояла и смотрела на него.

Я должен следить за дорогой, но прикован к ее ненависти, к ее красоте и к полной беспомощности рядом со мной. И сейчас она рассказывает мне секрет.

— У него была передозировка наркотиками, — она продолжает. — Весь в пене. Мама сказала мне позвонить в 9-1-1. Медики могли спасти его. Не было слишком поздно, ты понимаешь?

— Да, — говорю я, но знаю, что она не слышит. Ее взгляд говорит мне, что она не здесь. Этот взгляд, я действительно хорошо его узнал, будучи в тюрьме, в месте, заполненном парнями, которые проводят половину своего времени, мысленно возвращаясь в их прошлое. Теперь мне необходимо чтобы она продолжала говорить, гораздо больше, чем сделать мой

следующий вдох. Я смотрю на темноту за пределами наших фар.

— И ты отказалась?

— Нет. Я схватила телефон как хорошая девочка. — Ее голос звучит как в трансе. — Я так старалась. Я всегда старалась. — Она делает паузу. — Я действительно старалась.

Кажется, она очень хочет, чтобы я в это поверил.

— Конечно. Дети хотят быть хорошими, — говорю я. Я не знаю, откуда это взялось, и верю ли я этому, но я отчаянно хочу, чтобы она продолжала, и она делает это.

— Я ударила по трем цифрам, только не 9-1-1, а 4-1-1. Она заставила меня позвонить, потому что она не хотела, чтобы они знали, что она была там. Она говорила: «Не говори, что я здесь. Здесь только ты, Эб».

«Эб» — это совсем не похоже на имя. Я решаю никогда не называть ее «Эб».

— И я говорила в телефонную трубку.

И она показывает, прикладывая кулак к спутанным волосам, ее глаза дикие.

— Нам нужна скорая помощь, скорее! — она умоляет. — Мой отчим, он не дышит. Что? — ее голос становится немного напуганным. — В 247 Ларкин, скорее! Э-э...у него передозировка наркотиками! На его губах слюна. Как будто бульканье.

Она расширяет глаза, на ее лице появляется выражение паники, чтобы соответствовать голосу, и это вызывает что-то странное в моей груди.

— Он лежит на боку. Нет... он... Я не знаю. Убедиться, что его рот открыт? — Она смотрит на меня и быстро кивает, так как она в тот момент смотрела на свою дерьмовую мать. — Его рот.

Дрожь пробегает вверх-вниз по моей спине.

— Хорошо, — говорит она. А потом: — Он издает странные звуки. Это не нормально. Он все еще не в порядке! — она резко повышает голос. — Подождите. Оставайтесь на линии. Нет, просто поторопитесь!

Она убирает кулак от головы и кладет его на колени, предполагая, что она просто повесила трубку в тот момент. Симулированный вызов 9-1-1, который она никогда не совершала.

Она выпрямляется. Лицо непроницаемо.

— Моя мама была в истерике. Ей нужно было понюхать немного порошка, просто чтобы во второй половине дня выйти через заднюю дверь.

— А ты стояла и смотрела, как он умирает.

— Он медленно умирал. Или я не знаю, может быть, мне просто так казалось. Это было накануне моего одиннадцатого дня рождения. Я помню, потому что думала...

Она не заканчивает фразу. Желание на день рождения, которое никогда не исполнялось.

— Звуки... Его тело просто очень нуждалось в воздухе. Хрипы, но похожие на плач детеныша животного. Я сидела далеко от него, в другом конце комнаты, и было ощущение, что он знал, что я была там, и знал, что я делала, но он не мог добраться до меня. Он просто сидел там и издавал все эти звуки.

— Ты не могла рисковать, оставив его в живых.

Спустя долгое время она говорит, как ни в чем не бывало:

— Он убивал ее.

Я киваю. Избивая ее, пичкая наркотиками, возможно, развращая ее.

— Ты не могла рисковать. Это очевидно.

Она знает, что я делаю.

— Я убила его.

— Ты должна была сделать выбор.

Она фыркает, полная ненависти и насмешек, и я внезапно осознаю, что она никому прежде этого не рассказывала. Но она рассказала мне, и я не знаю, что с этим делать. Как будто она подарила мне что-то хрупкое, и я должен держать это и беречь. Я вижу ее десятилетним ребенком, спешащим в школу, удерживая свой маленький мир целым. Я вижу, как она пытается искупить это. Неся покаяние со своим бойфрендом «Воскресная школа», который даже никогда не прикоснется к ней и не даст ей почувствовать что-то настоящее. Вытягивая истории из парней типа меня, потому что она знает, как они сжигают вас изнутри.

— Эй, — говорю я. — Посмотри на меня.

Наконец она смотрит на меня, лицо, освещенное огнями приборной панели.

— Ты должна была выбрать. Иногда приходится выбирать между одной дерьмовой вещью и другой.

— Это в тебе говорит личный опыт, Грейсон?

Она снова пытается перевести внимание на меня. Она нервничает, когда я вижу ее такой. Именно поэтому я знаю, что это правда. Когда она взволнована и сердита, я вижу ее настоящую.

— Ты спасла свою мать. Вот что важно. Некоторые люди должны умереть.

— Такие, как я? — говорит она резко.

— Смерть еще не ждет тебя, Эбби.

Она отворачивается в сторону, но недостаточно быстро, чтобы успеть скрыть румянец на щеках.

— Я даже не чувствовала себя плохо после этого, — бормочет она, почти про себя. — Я всегда чувствовала себя ужасно из-за того, что не чувствовала себя плохо после случившегося, а не из-за того, что убивала его. Никогда. Это сумасшествие.

— Почему ты должна чувствовать себя плохо из-за того, что спасла мать?

Я становлюсь обозленным, потому что она не должна чувствовать себя плохо из-за этого.

— Для ребенка того возраста, спасение матери — это тоже самое, что спасение себя. Это та же самая чертова вещь.

— Не пытайся заставить меня чувствовать себя лучше, — говорит она.

— Я не пытаюсь. Я прямолинеен с тобой.

Она с ненавистью смотрит на меня, но свирепый взгляд скрывает мучение, утонувшее глубоко в ее глазах, и я чувствую вспышки паники в моем сердце, потому что терплю с ней неудачу.

Я думаю, отчаянно пытаюсь найти что-то хорошее во мне никчемном, чтобы дать это ей. Что-то реальное.

— Иногда, Эбигейл, ты должна проделать чертову дыру в своей душе, чтобы выжить.

Должно быть, я веду машину как сумасшедший. Мы съехали с шоссе, но я все равно еду на высокой скорости. Я тянусь, хватаю ее и тащу через сиденье к себе.

— Большинству людей так и не суждено узнать, на что они на самом деле способны. У большинства людей нет необходимости превращаться в то, что они ненавидят, просто чтобы убедиться, что они могут сделать следующий вдох.

Должно быть, я впиваюсь пальцами в верхнюю часть ее руки, но мне необходимо

почувствовать ее. Ее глаза подобны зеркалам в зеленоватом свете. Я могу видеть себя в них.

— Ты слишком быстро едешь, — шепчет она.

Я немного сбавляю скорость.

— Ты знаешь кого-то, кто не делает этого? Кто не делает плохих вещей?

Теперь она плачет. Я думаю, что это облегчение.

Это то, что я чувствую внутри, когда смотрю, как ее слезы катятся по щекам.

Я отвечаю на свой собственный вопрос.

— Ребенок, который в конечном итоге умирает. Вот кто. — Я ударяю по тормозам. Я чуть не проехал на красный свет. Мы почти пересекли линию. Держи себя в руках. Но я разваливаюсь на части.

— Куда мы едем?

Там впереди город, и я собираюсь туда. Этот грузовик уже почти выработал свое.

— Поменять машину.

Она втягивает воздух. Как-то утонченно. Я далек от утонченности.

— Ты и я, мы выживем, хорошо?

Она смотрит на меня, но, кажется, что не слышит. Темные волосы запутались вокруг ее бледного лица, покрасневшие глаза сияют.

— Ты такая чертовски красивая, — говорю я.

Загорается зеленый.

А затем я целую ее.

19 глава

Эбигейл

Слезы заполняют мои глаза. Я под водой, но все еще дышу.

Я не вижу, чтобы его глаза темнели или голова опускалась. Не вижу признаков приближающегося хищника, особенно, когда он абсолютно не выглядит как хищник. Он выглядит беспокоящимся обо мне, так, как почти никто и никогда не беспокоился. Определенно не такой человек, как он. Мужественный и сильный. Мощный. У меня перехватывает дыхание от одного его взгляда с опущенными веками. Нет времени на страх, когда его губы касаются моих. Они мягче, чем я могла себе представить. Его слова — острые осколки стекла, обвинений и угроз. Лжи. Но его губы рассказывают другую историю.

Они теплые и успокаивающие, вызывающие прилив крови к моим губам. Еще час назад я бы отпрянула от него. Ударила бы его. Но этот поцелуй говорит мне о том, что он понимает. Смерть и поцелуи. Кровь и секс. Они сплетаются вместе в темную тень, которую я прячу глубоко внутри. Он вытаскивает это из меня, вырывает из моего сердца, оставляя мое горло ободраным и сжатым.

Он разделяет мои губы и скользит внутрь. Момент сомнений. Впущу ли я его? Грубый звук нетерпения вибрацией передается от его губ к моим. Его рука сжимается сзади на моей шее. Он не спрашивает. Он берет. Вдыхает мой воздух и выдыхает его обратно в меня.

Он забирает мой контроль, и я могу, наконец, сдаться.

Могу, наконец, отпустить.

Грейсон трется своим языком о мой, и по моим рукам пробегают мурашки. Я не хочу, чтобы он останавливался, и он, как будто слышит мои самые сокровенные желания и

усиливает хватку.

Одна рука сжимает мои волосы, другая рука на моем бедре, притягивает меня ближе.

Я теряю контроль над собой. Мысль охлаждает мой пыл.

Что я сделала? Я рассказала ему о матери. Рассказала о своем прошлом. Я рассказала ему все обо мне, как будто это не имеет никакого значения. Как будто все будет хорошо. Но этого не будет. Он собирается убить меня. Изнасиловать меня. Хотя именно сейчас, когда мой язык танцует с его, это не выглядит, как изнасилование. Смерть будет такой? Заставит ли он меня хотеть того же?

Позади нас раздается звук автомобильного гудка, и я резко отодвигаюсь назад. Его глаза, изумленные от похоти и чего-то более глубокого...

Я отодвигаю эту мысль в сторону. Он ничего не чувствует. Он животное, реагирующее рычанием и укусами. По крайней мере, так я могу понять, что он делает. Никто не любит, когда его сажают в клетку.

По крайней мере, так я могу понять, почему он причиняет мне боль.

Он нажимает на газ, но по-прежнему удерживает меня, его пальцы впиваются мне в руку. Я хнычу.

Кажется, его мысли прояснились. «Ты красивая», — сказал он перед тем, как поцеловать меня. Но сейчас он смотрит на меня так, как будто я не привлекательная. Я как незнакомка, кто-то, кого он не может до конца понять. Удивление и настороженность. Сомнение и надежда.

Самая страшная часть была не тогда, когда он приставил пистолет к моей груди, и мое сердце отбивало бешеный ритм, а именно сейчас, когда я желаю оправдать его надежду. Вера в то, что я могу. Это тот кошмар, который одолевает меня.

Я просыпаюсь от тряски грузовика. Моя щека отскакивает от окна. Сейчас ночь. Я уснула? Оглядываюсь вокруг и вижу, что мы находимся на парковке мотеля. Место темное и пустынное. Неоновые синий и красный цвета от знака «Свободно» отбрасывают призрачное свечение на профиль Грейсона. Мои внутренности холодеют от ужаса. Мотель означает кровать. Я и он на кровати.

— Почему мы остановились? — мой голос звучит хрипло.

— Мне нужно поспать. Ты можешь продолжать наблюдать.

Шутка. Если я увижу, что кто-то приближается к нам, то я скорее позову их на помощь, чем предупрежу Грейсона. По его сухому тону понятно, что он знает это очень хорошо. Но он все же рискует, так что, должно быть, он действительно изможденный.

Это мой шанс сбежать. Я просто должна ждать случая. Он настанет. Должен настать.

— Не задумывай ничего, — говорит он, читая мои мысли.

Слишком поздно.

— Если думаешь, что я буду сотрудничать с тобой, то ты сумасшедший.

Он смеется, низко и немного дико.

— А с чего ты взяла, что я в здравом уме?

Затем он кладет руку на мое запястье. Он тянет меня на половину своего сиденья и хватает за подбородок. Его глаза — темные омуты, бурлящие гневом, чувством вины, но больше всего — решимостью.

— Ты делаешь мне больно, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

Его хватка на моем запястье скручивает мою кожу. Даже его рука на моем подбородке оставит синяк, если он будет продолжать удерживать ее там. Везде, где он касается меня, я горю.

Его хватка не ослабевает.

— Это предупреждение, детка. Ты знаешь, на что я способен. Я уже на исходе. Терпения больше не осталось.

Это было его терпение?

— Отпусти меня.

— Не думаю, что сделаю это. Я буду держать тебя. Даже всю ночь, — он ухмыляется немного дерзко. Я могу представить, как он использует эту ухмылку в баре, и любая женщина оказывается у его ног. Могу представить, как я у его ног, особенно сейчас. Я уже у его ног, только это не мой выбор.

Мое сердце стучит от страха, думая о кровати в номере. Я должна убраться отсюда. Он толкает меня обратно на сиденье.

— Видишь того парня в окне?

Я смотрю через освещенные окна офиса мотеля и вижу кого-то возле стойки регистрации, но больше ничего не могу разобрать. В крошечном офисе больше никого нет. Нет большого количества машин или каких-либо зданий поблизости.

Некому услышать мой крик.

— Да, — говорю я.

— Я знаю, что ты не можешь хорошо его видеть, но это всего лишь ребенок. Семнадцать лет? Восемнадцать? И он рассчитывает на тебя, что ты будешь хорошей. Ты можешь сделать это, не так ли? Ты можешь сидеть здесь мило и тихо, и тогда он не пострадает.

На самом деле, гораздо больше, чем Грейсон, угрожающий мне, меня раздражает снисходительный Грейсон. Я смотрю на него во все глаза.

Он усмехается.

— Итак, мы понимаем друг друга.

Я наблюдаю за его спиной, когда он заходит в крошечный офис мотеля и подходит к стойке. Я не знаю, что он говорит парню, но явно не свое настоящее имя или то, что он только что сбежал из тюрьмы. Находясь внутри, Грейсон должен казаться другим человеком, менее устрашающим, менее пугающим. Голова парня двигается вверх-вниз, он кивает? Смеется от какой-то обычной шутки? Он одурачил парня. Что ж, но он не одурачил меня.

Итак, мы понимает друг друга, сказал он. Но то, чего он не знает, так это то, что я построила свою жизнь вокруг чтения людей. Будучи ребенком — это был способ выжить. Шаг впереди наркоманов, с которыми общалась моя мама. Я выучила, когда надо бороться, а когда затаиться. И я собираюсь использовать те же навыки, чтобы сбежать. Я не могу убежать прямо сейчас, даже несмотря на то, что хочу сделать это больше всего. Но я уже знаю, что происходит, когда я убегаю. Ничем хорошим не закончится. Он догонит меня. Накажет. Или просто снова заставит меня кончить.

К тому же, он действительно мог бы убить того ребенка.

Я должна быть умной и не позволять страху одержать верх надо мной.

Дождусь своего шанса. У меня их не будет много. Позже, когда он будет спать, он будет уязвим.

Он возвращается и садится в машину. Его ухмылка заставляет меня чесаться от желания

причинить ему боль.

— Хорошая девочка, — говорит он.

О, я определенно хочу причинить ему боль.

20 глава

Грейсон

Мне нравится, когда она злится на меня. В тюрьме она всегда казалась какой-то грустной. Сломленной, как некоторые из заключенных, отбывающих пожизненное. Но когда я заставляю ее злиться, ее глаза загораются, как фейерверки. Я смотрю, как она взрывается. Бум. Бум. Бум. Как будто она мое собственное шоу.

Комната такая маленькая и дерьмовая, как я и ожидал. Это хорошо, так как означает, что никто не будет стремиться занять соседние комнаты. Я не могу доверять ей насчет того, что она не вздумает кричать. Это было бы идиотским поступком, но животные в неволе иногда совершают идиотские поступки. Мозг отключается, и затем они полностью погружаются в панику.

Прямо сейчас она задумалась. Внимательно наблюдает за мной. Обычные люди не могут справиться с этим видом стресса. Она не только справляется с ним, она делает это впечатляюще.

Я не могу позволить себе быть под впечатлением от нее.

— Я хочу принять душ, — говорит она аристократичным тоном, как будто является королевой Англии, а я один из ее подданных.

— Ваше желание — закон для меня, — говорю я, только для того, чтобы посмотреть, как ее глаза вспыхивают снова и снова.

Я позволяю ей принять душ. Даже позволяю ей при этом закрыть дверь, что с моей стороны является подарком. Кроме того, это дает мне возможность осмотреться в комнате без ее наблюдения за мной.

Здесь только одна кровать и, к счастью, она с изголовьем, к которому я могу ее привязать.

Входная дверь закрыта на цепочку. Единственный стул как раз проскальзывает под дверную ручку, чтобы не впустить незваных гостей, и не выпустить ее.

Она принимает душ уже достаточно долго. В старом мотеле как этот, к этому времени вода уже холодная.

Я не потрудился постучать; захожу внутрь и нахожу ее свернувшейся калачиком в ванне, колени подтянуты к груди. Она издает какие-то звуки, как будто захлебывается водой. Она не захлебывается, она плачет.

Что-то странное давит на мою грудь. Внезапное и тяжелое. Я не один из тех парней, которые не переносят плачущих женщин. Мне все равно, нравится ли им это, несмотря на то, что обычно это так. Но что-то в ней, свернувшейся клубочком, как мокрый котенок, вызывает во мне желание высушить ее пушистым полотенцем и уложить в кровать.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я ее, хотя и не ожидаю ответа. Она не отвечает.

Вода ледяная, поэтому я закрываю кран. Здесь нет пушистого полотенца, только одно тонкое. Я использую его, что бы ее высушить. Она дрожит от холода и не смотрит на меня. Ее волосы образуют тяжелый, влажный занавес вокруг лица. Это щит, но я покончил с тем,

чтобы позволить ей прятаться.

Я заправляю влажные волосы ей за ухо. Поддавшись импульсу, целую ее в щеку.

Она вздрагивает, как будто я ударил ее.

Я нежно прикасаюсь к ее виску, к тому самому месту, куда приставлял пистолет, угрожая ей. Мы здесь на ночь. Она знает, что случится.

Я путешествую пальцем ниже... ниже... вниз по ее щеке, по губам. Очерчиваю линию ее профиля. Она становится двумя измерениями для меня: очертанием профиля и реальным человеком. Линия ее шеи как край, что-то, обо что я могу порезаться. Когда я достигаю вершин ее груди, она хватается полотенце и отстраняется.

— Правильно, — говорю я одобрительно. — Борись со мной.

Задняя часть шеи — это чувствительное место. Это место, где одно животное захватывает другое, нагибая его в подчинении. То место, куда я кладу свою руку. Я использую это как поводок, чтобы вести ее к кровати. Каждый шаг ощущается вынужденным и именно так мне нравится.

— Ложись, — говорю я.

Она смотрит на меня свирепым взглядом.

— Ложись, и я позволю тебе оставить полотенце.

Она колеблется, затем подчиняется, закрепляя тонкое полотенце на груди.

— Давай проясним, — говорю я, привязывая ее запястья к спинке кровати. — Если я захочу трахнуть тебя — я трахну тебя. Если я захочу, чтобы ты сосала мой член, то ты будешь сосать мой член. И, если я хочу, чтобы ты лежала здесь тихо и засыпала, то ты будешь делать и это тоже. — Но это невозможно, и мы оба это знаем.

Ее запястья крепко связаны, достаточно, чтобы держать ее руки вместе, как будто она молится, и тканью привязаны к спинке кровати. Я перемещаюсь к ее ногам и привязываю ее за лодыжку к металлической раме под матрасом. Лучше всего, если вторая нога будет свободной.

Стою и изучаю проделанную работу в то время, пока она яростно смотрит на меня. И этот рот. Этот хорошенький розовый рот с языком, который выскакивает и увлажняет губы. Даа... я столько мог бы сделать с этим ртом. Она моя, чтобы делать с ней все, что я захочу. И так трудно понять с чего начать.

С раздражением она поворачивается и сворачивается на своей стороне, подальше от меня, во всяком случае, настолько далеко, насколько это возможно со связанными руками и лодыжкой. Я пробегаю пальцем по ее руке. Это вызывает мурашки.

— Ты будешь делать вид, что тебе нравится это? — спрашиваю я.

Ее кулаки сжимаются настолько сильно, насколько это возможно. Я действительно не хочу, чтобы она притворялась. Она мне нравится такой, какая есть. Настоящая. Я думаю о библиотеке, тогда, когда снял ее очки. Насколько настоящей она себя чувствовала. Как будто мы стояли на краю чего-то.

Я хочу, чтобы она говорила, поэтому побуждаю ее.

— Может быть, если ты хорошо меня трахнешь, я отпущу тебя.

Она издает шипящий звук.

— Никогда!

— Даа... — моя улыбка медленно появляется. — Наверное, лучше бы ты осталась со мной.

Она дергает головой, и ее глаза снова делают это. Бум. Бум. Бум.

Внезапно, эти фейерверки кажутся чем-то важным. Как будто я должен сохранить их в ее глазах. Не дать им исчезнуть. Но потом она снова отворачивается от меня и ведет себя очень-очень спокойно. Я сижу на кровати рядом с ней и пробегаю пальцем вниз по жесткому, дешевому полотенцу, пока не дохожу до его конца и скольжу по вершине ее шелковистого бедра. Продолжаю следовать вниз, к ее колену, теперь двумя пальцами, наслаждаясь ее теплой, мягкой кожей, наслаждаясь тем, что она моя. Я всегда знал, что трахну ее, когда получу шанс, но, находясь с ней в этой дерьмовой маленькой комнате, это уже кажется гораздо лучше, чем я себе представлял, а я еще даже не внутри нее. Она тяжело дышит, когда я начинаю двигаться в обратном направлении.

Когда дохожу до края полотенца, скольжу рукой вверх под ним, находя изгиб ее бедра. Перемещаю руку по нему, пальцы находят ее тазовую кость.

Эбби глотает ртом воздух. Как будто ее на самом деле удивило то, что происходит.

Как будто она думала, что я был кем-то другим. Кем-то лучшим. Она надеялась, что ее класс вытащит меня из моей тьмы? Такие люди, как она, хотят видеть хорошее в таких людях, как я, и, возможно, она и дальше будет хотеть этого, но важно, что она не ожидает от меня чего-то лучшего и не надеется, что я кто-то другой. Страдание — это хотеть то, чего ты не имеешь. Страдание — это хотеть то, что имеет кто-то другой. Мне важно, что она видит, что это на самом деле. В глубине души она уже абсолютно точно знает, как мы подходим друг другу, поэтому так нервничала возле меня в классе. Несмотря на то, что мои руки были в наручниках, она знала, что когда-нибудь я ее трахну.

— Перевернись, — говорю я, потянув ее за бедро, ободряя ее перевернуться на спину.

— Не делай этого, — говорит она.

— Давай же.

Она не двигается.

— Сделай это, — говорю я.

— Зачем?

— Ты знаешь зачем, — шепчу я. Я сжимаю сильнее пальцы на ее бедре и тяну, направляя ее. Она пинает меня свободной ногой, но я к этому готов, ловлю ее ногу другой рукой и переворачиваю ее, укладывая как и где хочу.

Она смотрит в потолок. Полотенце только наполовину закрывает ее. Пульс бешено стучит на ее шее. Испуганная. Ее взгляд отсутствующий, она где-то не здесь. Я шлепаю ее по бедру.

— Эй.

Эбби игнорирует меня, как будто она не здесь. И она не здесь. Внезапно я осознаю, что она делает. Она держит какую-то маленькую часть себя подальше от меня. Я знаю все об этом.

— Посмотри на меня.

Она не смотрит.

— Я знаю, что ты делаешь, и это не работает. Это никогда не сработает. На самом деле, это работает против тебя.

— Какого черта тебя это волнует?

Мое сердце стучит как сумасшедшее. Меня это волнует, потому что волнует. Мне нужно, чтобы она слушала.

Я прикасаюсь к ее волосам.

— Ты просто не можешь сделать этого, понимаешь? Мы теперь вместе и есть несколько

вещей, которые ты должна выучить, как например, ты чему-то препятствуешь, и от этого только хуже всем. Тебе. Мне. Это не то, чего ты хочешь.

Нет ответа. Она выглядит измученной и опустошенной. Именно так, как я себя чувствую. Я удерживаю руку на бедре той ноги, которой она отбивалась от меня. Я представляю, как отодвигаю ее в сторону, раздвигаю ее ноги и толкаюсь в нее. И да, она ушла куда-то, отстранилась, но я бы трахнул ее прежде, чем найду ее в том месте, куда она ушла, или прежде, чем найду какую-то недостающую часть себя, которая не пустая, не полая и не неправильная.

И внезапно я представляю что-то еще — я не знаю, то ли это изнеможение в ее глазах, то ли еще что-то, но понимаю, что я могу оказать ей какую-то помощь, которой у меня никогда не было. Это какой-то бред, но теперь я говорю:

— Ты хочешь спать? Это то, чего ты хочешь?

Она вознаграждает меня колким взглядом. Гнев. Она вернулась.

— Ответь.

Ее взгляд темнеет. Я принимаю это как ответ.

— Ты должна дать мне что-то настоящее. Как то, что ты хотела от нас в классе. Но я говорю здесь не о каком-то сочинении. Я хочу что-то от Эбби. Я хочу что-то от тебя.

Она хочет выяснить, что я собираюсь делать с этим.

— Я никогда не буду прикасаться к тебе. Никогда.

— Да, ты будешь, — говорю я мягко. — Ты будешь трогать меня, если я этого захочу.

Она должна это выучить.

— Ты не можешь меня заставить.

— Мне не придется. Ты сама будешь делать это.

Она смотрит на меня с ненавистью, в то время как я встаю, становясь выше нее, больше не находясь на ее уровне.

Я — дьявол, который дышит на нее огнем, поглощает маленькие частицы ее души. Это ощущается дико и хорошо.

— Никогда.

Но она должна понять, что я ответственен, и нет ничего плохого в этом, и мне нужно... Что? Что-то, чтобы залатать мою разбитую душу.

Я даже облегчил ей задачу, пододвигаясь вверх, ближе к изголовью кровати. Положение, которое ставит меня между нею и ночником. Я отбрасываю тень на нее. Это кажется практически правильным. Опираясь рукой о стену, говорю небрежно, как будто я разговариваю с другом:

— Только руками. И я не буду трахать тебя сегодня.

— Делай что хочешь, потому что я сказала, что не собираюсь прикасаться к тебе.

— Но ты будешь, потому что это самый быстрый способ, чтобы мы уснули. Ты подрочишь мне и сделаешь мне хорошо — действительно хорошо. И затем поблаговаришь меня.

Я не могу поверить, что даю ей право выбора, после всего того времени, когда я представлял себе эту возможность, находясь в тюрьме. Я испытываю отвращение к себе, но это то, что я только что сказал.

Она тяжело дышит.

— Нет? Итак, я делаю что хочу? Это то, чего ты хочешь?

Тишина.

— Это твой выбор? Это ограниченное по времени предложение, и время вышло, Эбби.

Я не знаю, что происходит в ее голове, но...

Она закрывает глаза. Она выглядит несчастной.

Так намного лучше.

Я понижаю голос, как будто она дикое животное, которое я должен уговорить поест с моей руки. Как мерзкий ублюдок в подвале. Он был реален, хоть его имя и было вымышленным.

— Это нормально — прогибаться. Ты должна понять, что ты прогнулась давно.

— Я не прикоснусь к тебе, — говорит она, и это пробуждает во мне что-то, потому что я знаю, что она будет прикасаться ко мне, и это будет лучше, чем трахать ее.

— Ты прогнулась еще до того, как это началось. Только руками.

Она связана. Она пленная, и я твердый как камень. Я могу иметь любую ее дырочку, какую только захочу, и она ни черта не может с этим поделаться. Вместо этого, я нахожу дырочку, которую сам придумал, пространство между ее ладонями. Я тянусь вниз и показываю ей, что я ищу, просто чтобы показать ей. Сначала я проскальзываю двумя пальцами вовнутрь, как будто ее сложенные вместе ладони — это киска, которую я должен подготовить.

У нее затрудняется дыхание, когда я так ее касаюсь. Представляю мой член там. Возможно, она даже думала об этом, но, вероятно, не совсем так.

Я смотрю на нее сверху вниз, нежно пробегая пальцами между ее ладонями. Это чувствительное место: ее руки и мои. Теплое от нашего общего жара. Но ничто не сравнится с тем, как мой член будет себя чувствовать.

— Ты не только будешь прикасаться ко мне, поняла? Ты возьмешь меня в руки, и подроочишь мне, — говорю я ей. — И затем будешь благодарить меня.

За то, что я не трахнул ее. Она должна быть благодарна. Это было тем, что я планировал делать. Желание трахнуть ее не убьет меня, но это то, чего я действительно хочу.

— Возьми меня. Сделай мне приятность.

Она зажмуривает глаза. И это как электрическая связь из класса, которая по-прежнему соединяет нас, потому что я чувствую, как она уступает мне сейчас. Я понимаю это с порывом эмоций, которые не могу определить.

Она двигает руки ниже, к моим штанам. Я смотрю, как ее ловкие пальцы расстегивают пуговицу, и затем молнию.

— Приятно, — говорит она.

— Что? — спрашиваю я, сердце колотится.

— Сделай мне приятно. Слово «приятно», ублюдок!

О, боже. Она берет меня в руки, и я почти кончаю на месте. Ее запястья покраснели, но она по-прежнему может сжимать меня обеими руками и надавливать на мой член, и это то, что она делает. Стон вырывается из меня.

Она сжимает оба кулака вокруг моего члена и начинает драть мне по-настоящему. Это немного быстрее, чем нужно, даже учитывая, как я заведен. Вот насколько сильно она хочет покончить с этим. Я понимаю это. Боже, я понимаю это слишком хорошо. То, как она быстро двигает руками, напоминает мне о других руках. Жадные, цепкие руки.

Я хватаю ее за запястья.

— Не торопись.

Ее взгляд встречает мой.

— Я ненавижу тебя, — говорит она сквозь стиснутые зубы, но теперь замедляется, поглаживая, и смотрит на меня. Это чувствуется хорошо, когда я сосредотачиваюсь на ее лице, когда я остаюсь в настоящем времени, вместо прошлого. Звук ее голоса — помогает.

— Даа, дай мне больше этого сладкого разговора.

— Пошел ты! — говорит она, ее руки движутся приятными, крепкими толчками. Я смотрю на ее губы и думаю о том, как наклоняюсь и целую их. Но это было бы слишком. Слишком сладко.

— Сильнее, — я стону. Тени моего прошлого постоянно преследуют меня. И больше всего тогда, когда еще чьи-то руки на мне. Мне нужно что-то, что вернуло бы меня на землю, сюда, в эту дерьмовую комнату мотеля, с этой хорошенькой учительницей, которую мы все мысленно трахали..

— Говори еще.

— Почему бы тебе не пойти и не найти кого-то, кто бы на самом деле хотел тебя?

Я в каком-то смысле люблю, когда она такая упертая, такая сучка, когда она заставляет меня чувствовать себя так чертовски хорошо. Так что я давлю на нее.

— Я думаю, тебе нравится, как я ощущаюсь. Ты любишь это — признай!

Ее руки сжимаются, и я содрогаюсь от боли, удовольствия и внезапного отвращения. Я хочу отстраниться, отгородиться от нее.

Хочу причинить ей боль и хочу защитить ее. Сломить ее и защитить ее.

Решимость наполняет ее глаза, и от этого мой член становится гораздо тверже.

— Почему ты хочешь, чтобы я замедлила темп? — насмехается она. — Немного отчаянный от всего того времени, проведенного в тюрьме? Немного иссохся?

— Черт, — говорю я сквозь стиснутые зубы, так как ее руки движутся еще быстрее. — Даа...

Она мчит меня к финишной прямой, и она выигрывает.

— Или что-то, в конце концов, произошло? — говорит она и ее голос полон яда. — В твоей камере? Или в душе?

Бог мой, у котенка есть когти. Она использует их, и я на краю. Она режет меня в открытую. Я не могу даже сказать правильный ответ. Нет, я никогда не трахал парня. Меня никогда не трахал парень. Поэтому что это неправда, и она поймет это. Хотя меня никогда не трахали в тюрьме.

Она видит всего меня, все обо мне. Она видит мои слабые места и атакует их.

— Верни назад, — мой голос выходит настолько хриплым, что, наверное, она даже не понимает меня. — Причини мне боль, детка. Верни меня обратно.

За все то время, что причинял ей боль, оскорблял ее. За все, что я буду продолжать делать в будущем.

И она делает это, дергает мой член с такой силой, как будто завтра не существует. Это больно, но ощущается слишком чертовски хорошо, чтобы останавливаться. Я наблюдаю, как ее маленькие ручки работают яростно, полные гнева и отчаяния.

Мои яйца натягиваются. Это ощущается как взрыв в нижней части моего позвоночника, и вся лава начинает выплескиваться из моего члена.

В последнюю секунду я срываю влажное полотенце с нее, чтобы кончить в него. Я мог бы кончить ей на лицо, волосы, глаза, и тем самым сделать заявление о том, кто был здесь главным. Но, кончив вместо этого в полотенце, я сделал другое заявление. Полностью противоположное.

Она, кажется, не рассматривает это как слабость, что хорошо. Я вздыхаю с облегчением — облегчение за четыре чертовых года — когда отстраняюсь.

Она выглядит такой же раздраженной, как и в самом начале, может быть, больше, но это к лучшему. По крайней мере, она не забила в душе с широко раскрытыми безучастными глазами, смотрящими в никуда. Я лично знаю, что это означает. До тех пор, пока она продолжает бороться со мной, она будет выживать.

Я обхожу кровать и сворачиваюсь на противоположной стороне. Я так измучен, практически не восприимчив к ее обнаженному телу, вытянутому рядом со мной. И мы заключили сделку. Мое слово должно что-то значить для нее. Я накрываю нас обоих одеялом.

На случай, если у нее есть какие-то идеи о попытке освободиться, я скольжу одной рукой под ее голову. Другую руку кладу на ее талию. И наконец, я скольжу своей ногой, поверх ее привязанной ноги, переплетая нас вместе. Даже если она будет кашлять, я почувствую это.

Нет никакой возможности для побега.

Ее кожа мягкая. Я слушаю звук ее дыхания, надеясь, что она уснет, и хочу ее как сумасшедший.

— Спасибо, — шепчет она в темноте.

21 глава

Эбигейл

Я лежу в его объятиях, обдумывая все способы, которыми я смогу сделать ему больно, как только он уснет, и как только я освобожу свои руки. Выцарапать ему глаза, может быть, ударить костяшками пальцев в его трахею. Нет необходимости забить его до смерти, просто отключить будет достаточно для побега.

Поэтому я лежу, слегка прижата его рукой и ногой. Он думает, что может удержать меня. Он не знает насколько маленькой, насколько тихой я могу быть. Так я ютилась в моей крошечной комнате с моей паршивой кошкой, слушая звук кулаков по ту сторону двери. Быть маленькой и тихой — это своеобразная форма оружия. Он никогда не узнает, откуда придется удар. Кондиционер здесь на два режима: охлаждение и выключение. Сейчас включен режим охлаждения, но мне тепло там, где он прикасается ко мне, я чувствую его теплое дыхание на моей шее.

Мои пальцы на ногах как маленькие кубики льда, и я перемещаю свою ногу под его огромную лодыжку, затем прячу вторую ногу туда же.

Он шевелится, притягивая меня ближе к себе, согревая меня, и это ощущается так хорошо, как будто кто-то на этой заброшенной земле говорит: «Позволь мне согреть тебя».

Раньше никто меня никогда не укачивал. Моя мать была либо сильно избита, либо накачана кокаином, и большинство ночей она вообще меня не узнавала. Но, наверное, именно так это должно было бы ощущаться. Успокаивающе. Как будто кто-то говорит: «Я здесь».

На долю секунды я представляю, как поддаюсь комфорту его веса и теплоте его рук и ног на моем теле, как это было в лесу, но я не делаю этого — я не глупая. Я держусь настолько жестко и отстраненно, насколько это возможно. За исключением моих пальцев на ногах. Просто он такой теплый.

Интересно, у моей матери было так же? Ненавидеть и желать наркотики одновременно. Пока это не убило ее.

Может быть, через секунду, а может, через несколько часов, я резко просыпаюсь. Все, что я знаю, — я проигрываю битву со сном. И мои глаза мокрые от слез. Но он по-прежнему обнимает меня, и его сердцебиение спокойное, как солнечный свет, он зажал мои пальцы ног между своими ногами и они, наконец-то, согрелись. Я как будто вертелась. Падала.

Как я могла смягчиться по отношению к Грейсону даже на секунду?

Медленно и осторожно я освобождаюсь от его захвата. Это как реальная версия компьютерной игры Pick Up Sticks, в которой мне нужно переместить мои конечности, одна за другой, абсолютно не побеспокоив его. Я пальцами развязываю лодыжку. Мои ноги слишком жестко приземляются на тонкий ковер. Боль пронизывает голени, взрыв белого в красной полосе моих мыслей. Беги. Убирайся отсюда.

Только руки остаются привязанными тканью к кровати. Ткань натянута, но не настолько сильно, чтобы мешать циркуляции крови. Я сжимаю запястья, чтобы через них циркулировало больше крови, напрягая мускулы, так же, как делала тогда, когда он связывал меня. Таким образом, у меня было бы больше шансов выскользнуть. Сейчас я расслабляюсь, чтобы запястья стали тоньше. Я сильно тяну их, стараясь не дергать, чтобы не разбудить его, но я безумно хочу освободиться. Он оставил достаточно места в узлах, чтобы я не проснулась с синяками, но теперь они у меня будут.

Выкручиваю руки, чтобы выбраться, стараясь не думать о том, как он промыл мой порез. О том, как он нес меня по ручью. О том, что он мог потребовать чего-то намного хуже, чем подрочить ему.

Он как будто следует какому-то своду правил, какой-то извращенной форме чести, которая мне кажется практически милой.

Но я не нахожу его милым. Не могу думать о том, как он выглядит почти уязвимым, спящий в темноте, как опасный принц, ожидающий, что его разбудят поцелуем.

Я наклоняюсь и зубами пытаюсь ослабить узел, потом тяну и кручу еще немного, морщась, так как ткань врезается мне в кожу. Постепенно я освобождаюсь.

Я практически не могу поверить в то, что мои осторожные движения не будят его, но я уверена, что прошлой ночью в тюрьме он не спал, готовясь к побегу. Он участвовал в том бунте. Он нес меня через ручей, и, может, я и маленькая, но не легкая. Затем он провел за рулем несколько часов без остановки. У него был высокий уровень адреналина на протяжении двадцати часов, и все это закончилось всплеском эндорфинов в оргазме. Он спит.

И, наконец, я освобождаюсь.

Я становлюсь на колени на полу, глядя на мои ободренные, опухшие руки, больше не привязанные к кровати. Я жду, что Грейсон распахнет глаза и засмеется своим темным, хриплым смехом и скажет мне, что это была проверка. Но нет. Он по-прежнему спит. И мое сердце сжимается, когда я смотрю, как его грудь поднимается и опускается. Он ужасный человек, но он все еще человек. Это что-то значит для меня. Это должно что-то значить, или я тоже ужасный человек.

Я нахожу свою одежду в ванной и быстро одеваюсь. Мое тело двигается как поезд, покидающий станцию — сначала медленно, затем набирая скорость. Затем разгон. Я задерживаю дыхание, когда замок щелкает. Петли скрипят еле слышно из-за работающего кондиционера. Я делаю шаг в темноту снаружи, вдыхая непревзойденный аромат ночи и

сосны, и тихо закрываю за собой дверь.

В безопасности. В безопасности. В безопасности.

Мое сердце бешено колотится в груди, ликующе и испуганно. В офисе мотеля свет не горит, но я мчусь вниз и дергаю дверь. Закрыто. Интересно, тот подросток, который работал здесь, остался ли он ночевать в одном из номеров или уехал. В любом случае, я не собираюсь стучать во все двери, чтобы выяснить это. Это даст Грейсону слишком много времени, чтобы проснуться и найти меня.

Дорога длинная и пустая в обоих направлениях. Я выбираю сторону и быстро иду. Если повезет, я найду помощь. Если повезет, я буду свободна.

Я прохожу мимо заброшенного фермерского дома, никаких людей в поле зрения. Грузовик проезжает мимо, но я слишком боюсь, чтобы махать ему. Что, если водитель грузовика такой же злой, как и Грейсон? Я никому не могу доверять. Я остаюсь в тени деревьев, пока красные фонари заднего света не исчезают в темноте. Я здесь одна, оторванная ото всех.

Как будто с каждой пройденной милей, я все дальше и дальше от безопасности, и дальше от себя самой. От своей человечности. Я превращаюсь в другой тип человека, который дрожит преступникам в дерьмовых номерах мотелей, который хочет, чтобы его целовали в машинах для побега. Мне нужно убираться подальше от него, подальше от этого. И не имеет значения, убьет ли он меня. Теперь я понимаю, почему он был вынужден бежать из тюрьмы. Даже угроза смерти не удержит меня взаперти.

Я иду вдоль деревьев, на случай, если мне нужно будет спрятаться, но не захожу глубоко в лес. В прошлый раз лес не смог защитить меня. Он только порежет мне кожу. Он лишь поможет выследить меня. Нет, я собираюсь идти до тех пор, пока не увижу людей. Цивилизацию. Безопасность.

К тому времени как достигаю города, небо над горизонтом окрашивается в синие и фиолетовые полосы. Рассвет. Я бегу, спотыкаясь. Машины припаркованы по диагонали, напротив старых магазинов. Аптека. Адвокатская контора. Кому я могу доверять? Я слышу грохот грузовика. Это может быть кто угодно. Может быть, это он. Я спотыкаюсь на неровном тротуаре и падаю, задыхаясь от удара коленом. С трудом поднимаюсь. Я должна идти дальше.

Мое дыхание, будто взрыв, громко звучит в ушах. А потом я вижу его вниз по улице. Полицейский участок. Возле полицейского участка припаркован только один полицейский автомобиль, но этого достаточно. Если я доберусь туда, то буду в безопасности. Грейсон не сможет достать меня внутри этого здания. Или сможет? Сможет ли коп маленького городка выстоять один на один против Грейсона? Но он моя единственная надежда. И у него будет пистолет и, возможно, напарник. Он будет обученным и у него будет запасной вариант. У Грейсона нет ничего, кроме неистовой силы воли и изобретательности, хотя, должна признать, что эти качества привели его дальше, чем кто-либо ожидал.

Мне кажется, я слышу шорох гравия позади себя и бегу, боясь даже смотреть. Есть только здесь и сейчас. Нет прошлого. Нет будущего. Я больше никогда не смогу быть открытой и честной с кем-то еще.

Мои легкие горят. Ноги ноют от боли. Такое чувство, будто мое собственное тело удерживает меня. Он догоняет меня. Я могу слышать его. Чувствовать его.

Я ныряю между машинами на стоянке, направляясь напрямик к маленькому полицейскому участку, и это как бег через павильон смеха. Бледные облака отражаются в

любовом стекле. Эндорфины искажают мое зрение, пока все не становится каким-то нечетким и странным.

Дверь участка открывается прежде, чем я добегая до него. Синяя рубашка — униформа. Пожилой мужчина, седые волосы. И пистолет. Боже, да. Наконец-то. Он завернут в черную кожу и подвязан под его животом, но это нормально. Этот мужчина... этот пистолет... все будет хорошо.

— Помогите мне, — говорю я запыхавшись. — Пожалуйста, помогите мне.

Рука полицейского опускается к пистолету. Он не вынимает его, просто удерживает руку на нем, отходя в сторону и осматривая меня. Его взгляд скользит вниз, затем обратно вверх по моему телу.

— Мисс? Что случилось? Вы в порядке?

В его голосе слышится какое-то подозрение. Ему не нравится то, что я так подбежала к нему. Это вызывает во мне смех, наполовину свободный, наполовину истерический.

— Он гонится за мной.

Глубоко посаженными темно-кариими глазами он изучает улицу и припаркованные автомобили.

Никого нет.

— Мэм, вы в беде? — спрашивает коп. — Что произошло?

— Это он. Он сбежал из исправительного учреждения «Кингмен». Был бунт и... Его зовут Грейсон — Грейсон Кейн, — говорю я, вспоминая, как гордо и тщательно выводила его имя над фото.

Взгляд копа становится пронизательным.

— Исправительное учреждение «Кингмен»?

— Он в мотеле, но я сбежала. Я думала, что он преследовал меня.

Коп сканирует пустой горизонт и, наконец, его взгляд опускается на мои красные, опухшие запястья.

— Входите.

Облегчение наполняет меня, когда я шагаю в прохладный участок. Запах несвежего кофе смешивается с запахом лимонного средства для мытья полов, скручивая мой желудок. Коп представился, как шериф Данхем.

Он указывает на вращающееся кресло, покрытое жесткой тканью.

— Присаживайтесь, пока я сделаю звонок.

Я следую его указаниям, мои руки трясутся на коленях. Я не уверена почему. Ведь все хорошо. Теперь я вернусь домой в... комнату с голыми стенами? В череду бесконечных уроков? Единственной вещью, которая имела смысл, было ведение газеты «Кингмен», и даже это было испорчено Грейсоном.

Мой взгляд возвращается к двери, и я осознаю, что желудок скручивает от страха. Часть меня думает, что я в безопасности, но другая часть меня помнит, что Грейсон сделал невозможное. Он сбежал из тюрьмы. Он может сделать все что угодно.

Шериф Данхем мычит в ответ на то, что говорит ему человек на том конце провода. Разговор длится долго, и мое нервное напряжение возрастает. Шериф не следит за дверью, разговаривая по телефону, вместо этого он следит за мной.

Он бормочет что-то, что звучит как знак согласия, и холодок пробегает через меня, как холодный звук цепей. Как лязг закрывающихся тяжелых двойных тюремных дверей.

Извинение мелькает в его глазах достаточно слабо, чтобы дать мне понять, что он не

будет колебаться, прежде чем сказать мне то, что собирается.

— Мэм, боюсь, я вынужден арестовать вас.

Мой рот открывается в изумлении.

— Что?

Выражение его лица становится непоколебимым. Его взгляд ожесточается, как будто сожаление никогда не скрывалось глубоко внутри.

— Здесь ордер на ваш арест. Пособничество уголовнику.

Я никогда не думала, что буду смотреть на тюремную решетку, находясь внутри камеры. Самое смешное, что прутья тут выглядят так же, как и снаружи, круглые черные цилиндры, непроходимые, неприступные. В тюрьме они служили напоминанием того, что я не была настолько в безопасности, насколько мне казалось. Их вид в первый день пошатнул мое ощущение безопасности, которое я выстраивала много лет.

И теперь, когда я была заперта в тюрьме этого городишки, они полностью разрушают эту безопасность.

Я отказываюсь сидеть на почерневшей от плесени тюремной койке или проходить мимо туалета без крышки. Он отвратительно воняет, даже если его промыть. Поэтому я стою в единственном оставшемся углу, съежившаяся и жалкая. И злая.

Мою мать арестовывали бесчисленное количество раз. Она рассказывала мне вещи, придуманные специально, чтобы помочь. Не борись, ты только изнуришь себя этим. Будь вежлива с охранниками, и они будут вежливы с тобой. Напряги запястья, когда на тебя надевают наручники, таким образом, у тебя появится шанс освободиться от них. Она предполагала, что я закончу преступницей и сломленной, как она.

Я никогда не думала, что она окажется права.

С улицы доносится шаркающий звук. Телефон звонит, и я слышу низкие тона шерифа. Он, должно быть, разговаривает с копами из «Кингмен», или даже с ФБР. Возможно, они хвалят его за поимку такого опасного преступника, как я.

Истерический смех угрожает вырваться из меня. Я подавляю его, потому что, как только я начну, не смогу остановиться.

Я сообщила им название мотеля, где он был. Они подумали, что я солгала.

Звук приближающихся шагов, медленных и уверенных, от передней части полицейского участка до одиночной камеры, где я жду.

Я с ненавистью смотрю на шерифа, стоящего по ту сторону решетки, держа в руках бутылку воды.

— Хотите пить?

Я смотрю со злостью еще немного. Я ужасно хочу пить, но мысль о том, чтобы принять помощь от этого человека, скручивает мой желудок, хотя я понимаю, что он просто выполняет свою работу.

У него нет права решать кто виновен, а кто нет; он просто сажает их в тюрьму.

— Их не будет здесь еще шесть часов, так что вы могли бы выпить. Подойдите вперед. Вы голодны? Выглядите немного бледной. У вас есть право на обед.

Уже время обеда?

— Я не голодна, — отвечаю резко. Хотя должна бы быть. На самом деле, я чувствую,

как меня немного лихорадит.

— Я не помогала ему, — говорю я. Мои челюсти сжаты настолько плотно, что я едва выговариваю слова. Я знаю, что бесполезно что-то доказывать ему, но ничего не могу с собой поделать. Что-то в моей невиновности, в моем положении несправедливо обвиненной, превращает мою кровь в лаву. Я была под дулом пистолета и меня протащили через весь штат. На моих запястьях синяки. Теперь я та, кого заперли за решеткой.

Он вздыхает.

— Если это правда, то они разберутся.

Думаю, он верит мне, но я по-прежнему должна стоять в этой холодной, сырой камере. Я по-прежнему должна принять эту бутылку воды, как будто это кусок хлеба, а я бездомная собака.

И я хочу верить, что они разберутся, но для начала, как же они вообще смогли запутаться в этом?

— Какие доказательства против меня? — Когда он не отвечает, я давлю на него. — У них должны быть доказательства, чтобы они смогли получить ордер на арест, не так ли? Они не могут просто так арестовать кого-то без всяких доказательств.

Что-то мелькает в его глазах, похожее на беспокойство. Он знает, здесь что-то не так.

— Это не мое дело знать подробности, мисс. Я не участвовал в расследовании.

— Вы кажитесь довольно вовлеченным в это, — выпаливаю я.

Он снова не смотрит мне в глаза. Ставит бутылку на пол и уходит.

— Я вернусь позже, — говорит он, прежде чем вернуться на свой пост.

Как они могут удерживать меня здесь? Я делала правильные вещи годами. Даже когда это больно. Особенно, когда это больно. Я старалась быть хорошей студенткой, хорошей девочкой. Несправедливость поднимается внутри как желчь, острая и кислая. Я думаю об Эстер. Думает ли она, что я помогла ему сбежать?

Как кто-то может думать так? Я едва его знаю.

Но это не совсем верно. Я знаю его.

Темное пятно растекается у основания бутылки с водой, превращая пыльный бетон в черный. Конденсат стекает по бутылке и добавляется к бассейну воды. Я позволяю своему уму плыть по течению, пока наблюдаю, как капли стекают по бутылке и медленно высыхают.

Теперь, когда я перестала бежать, когда нахожусь в безопасности, по крайней мере, в безопасности от него, я чувствую себя сонной. Все напряжение, удерживающее меня, исчезает, и теперь я безвольная. Дрожащая. Тени удлиняются вдоль грязной тюремной койки и испещренному полу. Я не хочу размышлять об использовании туалета, поэтому стараюсь не пить слишком много. Половину бутылки и все.

Но, боже, я так устала. И мне жарко.

Я сворачиваюсь на боку.

Бетон ощущается таким прохладным на моей щеке, и, наверное, он более гигиеничный, чем койка. Я говорю себе, что немного вздремну.

Следующее, что я знаю, я просыпаюсь в испуге от грохота. Я подлетаю с того места, где лежала.

Надо мной темная фигура. Солнечный свет по его контуру придает ему неземное сияние. Звон ключей.

— Я говорил тебе не сбегать.

Грейсон. Он звучит обозленным.

Я отползаю назад и врезаюсь в стену. Он открывает дверь камеры, стоит надо мной, глядя вниз черным взглядом.

— Как ты попал сюда? — Я осматриваюсь вокруг. Пытаюсь вслушаться в признаки жизни. — Где...?

— Не волнуйся, никто не умер. Пока что.

Я не знаю, кому он угрожает. Мне или копу, или, может быть, всему чертовому миру. Он способен на все.

— Вставай. — Что-то блесит в темноте, и я понимаю, что у него в руке пистолет. Я напрягаюсь.

— Вот и правильно, — говорит он с блеском в глазах, кажется, до сих пор отслеживая каждую мою мысль. — Ты готова быть хорошей девочкой?

— Что ты здесь делаешь?

— А на что это похоже?

— У меня были часы на то, чтобы рассказать все, что я знаю. Как выглядит твой друг. Номерной знак.

— И ты рассказала?

— Они пока еще не опрашивали меня, но...

— Не думаю, что так.

— Но ты не знал этого.

Он смотрит на меня спокойно и уверенно. Это, как если бы я была где-то не здесь, избитая дикими океанскими волнами, и он — сильная, твердая, обнаженная скала.

Местами он тоже острый, возможно, прикосновение к нему разрежет меня. Я не знаю, как себя чувствовать.

— Почему? — шепчу я.

Он стоит на коленях, опустившись на мой уровень, и я вижу, как в его глазах мелькает что-то вроде беспокойства.

— Потому, что я должен был вытащить тебя отсюда.

Он сжимает свою руку вокруг моего плеча и тянет меня вверх.

— Я всегда приду за тобой. Ты — моя.

22 глава

Грейсон

Эбби спит, свернувшись калачиком на пассажирском сидении, куда я ее усадил. Моя жизнь стала бы намного легче, если бы она никогда не проснулась, но я не могу перестать смотреть на нее, беспокоясь о ней, как чертова насадка. Боже, ей нужна вода. И еда. Кажется, ее лихорадит, но это может быть от изнеможения. Ее запястья в ссадинах, так как она пыталась освободить связанные руки. Я должен был услышать. Должен был остановить ее.

У меня не особо хорошо получается заботиться о ней. Вряд ли это особо изменится, но есть одно место, куда я могу взять ее. Я сворачиваю на проселочную дорогу, мимо закрытых магазинов и пустых парковок для трейлеров, продолжая внимательно наблюдать за ней. Время от времени касаюсь ее, чтобы убедиться, что она дышит и что есть пульс.

Сейчас ее лицо выглядит таким умиротворенным, но мои внутренности связывает в узел от воспоминаний о ней, закрытой за решеткой, как животное в клетке. Какого черта они арестовали ее?

Я пытался получить ответ от шерифа, но предполагаю, что не дал ему достаточно времени для ответа. Неважно. Я уже знаю, что это губернатор. Он просто продолжает иметь меня — подставив меня, обвинив в убийстве того копа. Теперь он ложно обвиняет Эбби.

Как будто он знает, что она важна для меня.

Я делаю быстрый платный звонок по автомату, когда мы останавливаемся, чтобы заправиться, затем сажусь обратно в машину и продолжаю ехать, несмотря на то, что мои глаза будто наполнены гравием.

Шериф городка ничего не значит для меня, но по этому делу они вызовут ФБР. Я должен был быть сейчас гораздо дальше, но попытка Эбби сбежать отбрасывает меня назад. Я не спал на протяжении сорока восьми часов, за исключением двух-трех часов в мотеле. Это не тот вид усталости, который снимет «Маунтин Дью» (прим. перев. энергетический напиток), это вид усталости, который добьет меня.

И добьет Эбби.

Не знаю, в какой момент она стала что-то значить для меня. Но это так. Она важна мне. Я не смог выстрелить ей в спину, когда она убежала из грузовика, не смог позволить ей задохнуться в этой проклятой тюрьме.

Что-то изменилось внутри меня. Слабость? Я еще не знаю.

Я веду машину, наблюдая за зеркалом заднего вида. Решив, что мне не нравится, что она спит так, что ее шея искривлена, я перемещаю ее, положив щекой на свое бедро, которое больше подходит в качестве подушки. Хотя она заслуживает проснуться с болью в шее.

Прикладываю два пальца к ее шее и только тогда замечаю, что моя рука дрожит, несмотря на то, что здесь не о чем беспокоиться: ее пульс сильный и ровный.

Она будет в порядке.

Все будет хорошо. Я пережил трех парней в душе, которые пытались уложить меня на лопатки. Да, я сломал пару ребер и пробил себе башку, но я выбрался из этого живым. Это моя мантра. Я могу перенести что угодно.

Я глажу ее волосы. Мой голос звучит тягуче:

— Почему ты убежала? Ты могла убить себя. Но, с другой стороны, ты ведь знала это, не так ли?

Конечно же, она не отвечает. Это нормально. Если она сможет слышать меня, если узнает мой голос, может, она будет чувствовать себя в безопасности. Но о чем я думаю? Она всегда будет бояться меня, ассоциируя меня с тьмой.

Так я отношусь к губернатору.

— Как ты выбралась из тех узлов? Либо я был небрежным, либо моя маленькая птичка знала трюк.

Она сдвигается, и ее рука ложится на мое бедро, чуть выше колена. Может, она думает, что это подушка, я не знаю. Я просто знаю, насколько сильно хочу, чтобы она держала ее там. Обвожу пальцем изгиб ее уха, ложбинку на шее. Я должен смотреть на дорогу, но не могу оторвать от нее глаз.

Я представляю, как она ждет, пока я усну, ее дыхание такое, что сумело бы обмануть мой разум. Я представляю ее, вырывающую запястья из оков, сжимая их до боли. Я ничего не могу поделать, но восхищаюсь ей.

— Где ты научилась этому, детка? — шепчу я.

Ее спокойное выражение лица — мой единственный ответ.

Даже дерьмовый мотель чувствовался бы сейчас, как нечто роскошное, но это слишком рискованно. Я заставляю себя ехать дополнительные сто миль.

К ночи мы подъезжаем к дому Нейта. Ворота, ведущие к длинной дороге, открыты, это говорит мне о том, что Стоун получил мое сообщение и дал знать Нейту, что мы приедем. Доктор Нейт обосновался на старой ферме с разбросанными по ней различными амбарами и постройками. Он — ветеринар. Коровы, лошади, свиньи. И парни, как я.

Как только мы въезжаем на гравий, Эбби отталкивается от меня, ошеломленно и взволнованно оглядываясь по сторонам. Ее руки направляются к лицу, движения все еще судорожные и несогласованные.

— Ты в порядке, — говорю я, делая все возможное, чтобы не прикоснуться к ней. Ее не успокоит, если я сейчас стану к ней прикасаться. Она смотрит в окно. Ни черта не видно, кроме света на веранде впереди. Я знаю, что она делает. Оценивает место, может быть, думает о том, чтобы бежать. Я беру ее за руку, так, чтобы не причинить еще больший вред ее запястьям. Она дергается назад, чуть ли не впечатывая себя в дверь машины.

— Не делай этого, — говорю я устало. — Просто не делай этого.

— Где мы? — ее голос звучит невнятно, но, по крайней мере, она проснулась.

— В гостях у друга.

— Где?

— Мичиган.

Она шокировано выдыхает, как будто я привез ее на Марс или что-то в этом роде.

— Как долго мы ехали?

— Долго.

Ее глаза устремляются на часы на приборной панели. В машине-развалюхе, которую я украл из мотеля, есть старомодные часы, и они показывают 22:52.

— Да, они идут правильно, — добавляю я.

Мы достаточно близко к крыльцу, чтобы видеть, как насекомые жужжат вокруг лампы. Внезапно свет внутри дома тоже загорается.

Нейту не понравится, что я привез ее сюда, но он ничего не сможет с этим поделать. Потому что мы давно знакомы. Есть связи, которые нельзя разрушить.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала, — я протягиваю ей полоску ткани, которую откопал на заднем сидении несколько часов назад. — Я не могу позволить тебе увидеть этого парня.

— Я уже видела другого твоего друга.

— Ты хочешь, чтобы я убил тебя? Я до сих пор заботился о том, что тебе видеть, а что нет. Правильно? Может, это должно тебе о чем-то говорить?

— Или, может быть, тебе просто нравится пудрить мне мозги? Я не тупая. Ты не можешь вечно держать меня при себе, но и не можешь отпустить.

Чувство разочарования возрастает во мне. Потому что она права. Потому что это то, что моя команда скажет мне. Потому что мне нужно немного воды, еды и немного проклятого сна.

— Вот твой выбор прямо сейчас: либо ты проводишь следующие несколько часов в багажнике этой машины, либо надеваешь повязку и идешь со мной.

Она бросает повязку мне в лицо:

— Я выбираю багажник!

— В самом деле? Ты не голодна?? Не хочешь пить?? Ты не в настроении для стакана холодного лимонада?

Она сглатывает. Выделяется слюна. Обдумывает, хотя мы оба знаем, что она будет делать. Она протягивает руку.

Я даю ей повязку.

— И ты определенно не хочешь заставить меня снова преследовать тебя.

— Хорошо, — она надевает ее.

Я обхожу машину, открываю пассажирскую дверь, вывожу ее и веду три шага до большого изогнутого крыльца и до входной двери Нейта, которая распахивается.

— Твою мать, — бормочет Нейт, глядя как мы входим.

— Не обращай на меня внимания, — говорит Эбби.

— Никаких разговоров, — рычу я.

Нейт расширяет глаза.

— Все в порядке, — говорю я ему. Затем слегка встряхиваю Эбби, отчасти чтобы привлечь ее внимание и отчасти в наказание.

— Тебе нужно воспользоваться ванной?

Она качает головой, но мне нужно в душ. Мне необходимо, чтобы кто-то присмотрел за ней, пока я приму душ, я не доверяю ее самой себе.

Мое тело требовало отдыха несколько часов назад. Я проигнорировал его. Теперь это давит на меня. Я истратил последние силы на вежливость и терпение. Я завожу Эбби в кухню Нейта и толкаю ее на стул.

— Оставайся здесь, — говорю я ей, сжимая плечи.

Ее мягкий вздох обещает мне, что она так и сделает. Никогда не смогу верить ей.

Я прикладываю руку к ее лбу.

— Мне кажется, или у тебя жар?

— Я в порядке, — говорит она, отдергивая голову.

Нейт чешет рукой свои короткие, кудрявые волосы, глядя на меня с несчастным видом.

— Посмотри, что ты думаешь? — призываю я его. — Давай.

Он вздыхает и прижимает руку к ее лбу.

— Ты голодна? Хочешь пить? — она молчит. — Что-то болит?

— Кроме очевидного?

Он поворачивается и осуждающе смотрит на меня.

— Я предполагаю, что она просто переутомилась.

— Мне нужно несколько минут. Она не ела уже... Ей нужно, по крайней мере, попить.

Затем, я поворачиваюсь к ней. Она сидит прямо. Даже с завязанными глазами и порезом на щеке она лишает мои легкие воздуха.

— Если ты побежишь, он будет стрелять в тебя. Он не такой милый, как я.

Ее губы сжимаются.

Я переглядываюсь с Нейтом, он не выглядит довольным. Он хороший парень, по крайней мере, пытается им быть. Это то, что делает его другим. Но прошлое... это та часть, что объединяет нас. И никто не может убежать от своего прошлого. Ни Нейт. Ни я. Ни даже Эбби.

Эбигейл

Я слушаю шаги Грейсона, идущего в какую-то другую часть дома. Он оставляет меня наедине с другим человеком. Мне стоило подумать о побеге, но в прошлый раз это очень плохо закончилось...

Небольшой стук, затем слабый грохот тяжелого стакана по деревянной поверхности.

— Апельсиновый сок перед тобой, — говорит незнакомец.

Я не обращаю на него внимания. Я хочу, чтобы Грейсон вернулся, как бы неправильно это ни звучало.

— Ты должна пить. Ты не можешь ясно мыслить, когда твой организм обезвожен.

— Почему я должна доверять тебе? — спрашиваю. — Я не знаю тебя.

Я практически слышу, как он пожимает плечами.

— Ты не хочешь сохранить силы, чтобы бороться в любой момент?

У него глубокий, приятный голос.

— Это то, что, по-твоему, я должна делать? Бороться с тобой? Бороться с Грейсоном?

Он не отвечает, и у меня появляется ощущение, что ему не очень комфортно от всего этого.

— Но ты не собираешься помогать мне? — слова выходят с горечью.

Грейсон не привел бы меня сюда, если бы не доверял этому человеку.

— Я не собираюсь помогать тебе, — говорит он.

Мне интересно, как они с Грейсоном встретились. Интересно, что произошло, что сделало этого человека лояльным по отношению к Грейсону и сделало Грейсона человеком, который полностью доверяет ему.

— Как долго ты знаешь его?

Я чувствую себя просителем в секретном тайнике ответов. Я ничего не могу поделать и иду к нему с пустой чашей в руке. Независимо от того, какую правду он мог бы мне рассказать о Грейсоне, это пища для выживания. А я голодаю — умираю.

Молчание. И я думаю что он, скорее всего, не ответит. Но затем он отвечает с ощутимым нежеланием в голосе.

— Давно.

Я чувствую, что каждое его слово наполнено тяжелым смыслом.

— С тех пор, как мы были детьми.

— Вы ходили в одну школу?

— Нет, — говорит он просто.

— Вы были соседями или что-то в этом роде?

— Нет, — он говорит тихо, задумчиво. — Мы... оказались вместе. Вот и все.

Мрачность в его голосе сжимает мой желудок ледяной рукой. Потому что внезапно я думаю о крысе. Подвал. Мы оказались вместе. Я предполагала, что история с мышкой была ложью, чтобы получить информацию. Грейсон рассмеялся и позволил мне думать, что это ложь. Разве нет?

Звук гудящих труб, находящихся в стене, говорит мне о том, что Грейсон заканчивает принимать душ. Мне нужно больше информации, сколько бы минут у меня не оставалось до возвращения Грейсона.

— Я понимаю, — я кладу руки на стол, чтобы он не видел, как они дрожат. — Подвал.

Он быстро выдыхает.

— Он сказал тебе?

Я напрягаюсь. Выходит, это правда? Он не совершал всего этого?

— Конечно, — говорю я настолько естественным тоном, насколько это возможно из-за шока. — Он сказал мне.

Что является правдой. В некотором смысле.

Он подвигает стакан ко мне. Я чувствую его холод возле моего кулака.

Мое сердце колотится, когда я думаю про его рассказ в новом свете. Держали в подвале. Сломали мне руку.

— Просто скажи мне одну вещь, — говорю я тихо. — Как долго? Ты не поможешь мне. Хорошо. Просто скажи мне это.

— Если Грейсон не думал, что говорить тебе...

— Да ладно тебе, — говорю я, пытаюсь придумать, что может поколебать этого странного, связанного честью, друга Грейсона. — Он рассказал мне все это. Даже про мышонка.

Я жду, желая узнать намного больше, желая узнать все. Но я не могу просить слишком много. «Как долго» — это простой вопрос.

— Пожалуйста, — говорю я. — Я не хочу ненавидеть его.

Я сожалею о сказанном, как только слова вылетаю из моего рта. Они ощущаются слишком верными, и я не должна чувствовать себя плохо из-за него. То, что он, будучи ребенком, находился в ловушке в подвале, не дает ему право убивать людей и брать заложников.

После долгого молчания, когда я думаю, что он уже не ответит мне, он говорит:

— Шесть лет.

Мое сердце останавливается, а затем начинает бешено колотиться. Шесть дней — я не была бы в шоке. Шесть недель — имело бы смысл. За это время он бы уже считался пропавшим и его изображения уже бы напечатали на различных коробках и распространили в школах, для других детей, находящихся в безопасности, чтобы они рассматривали их во время ланча. Шесть месяцев... ну, об этом больно думать. Я не могу даже измерить глубину шести лет. Пленник на протяжении шести лет. Никакого телевизора. Никаких игр.

Смех незнакомца хриплый.

— Я шокировал тебя. И теперь думаю, что... Ты позволила мне поверить, что ты знала больше, чем было на самом деле. Умная. Узнаю твоего похитителя.

— Именно такой и есть Грейсон? — говорю я, зная, что зашла слишком далеко.

Воздух вибрирует. Я чувствую, что мужчина отходит от меня.

— Ты должна спросить его, — говорит он.

Потом он уходит. Но нет времени, чтобы рассматривать вариант побега, потому что так же быстро кухня наполняется знакомыми шагами.

И, хотя я с завязанными глазами, я знаю, что это он передо мной.

24 глава

Грейсон

Когда я прохожу мимо Нейта, он даже не смотрит мне в глаза. Он просто выходит из

кухни, проверяя свой телефон. В моем поле зрения, но на расстоянии. Отдельно. Как будто дополнительные полтора метра могут держать его в стороне от того, что я здесь делаю с Эбби. Исходя из его поведения, я уверен, он что-то рассказал обо мне, и это мне не понравится. Но я не беспокоюсь об этом. Мы бы никогда не пошли друг против друга. Мы бы убили друг за друга. Мы уже сделали это.

Эбби сидит там, где я оставил ее, — на кухонном стуле с завязанными глазами. Нетронутый стакан апельсинового сока стоит напротив нее на столе. Она не притронулась к нему.

Мне нужно поспать. Это означает, что ей нужно поспать. Я измельчаю таблетки, которые достал из тайника Нейта. Успокоительное, предназначенное для собак и кошек. Высыпаю их в стакан с соком.

Она сможет распробовать его, но это не будет иметь значения. Я не собираюсь скрывать тот факт, что подмешиваю ей что-то.

— Вот, — бормочу я, взяв ее за руки и показывая, где находится стакан, убедившись, что она держит его.

на делает глоток и кривится. Я хватаю стакан прежде, чем она сможет разбить его.

— Что это? — спрашивает она, отплевываясь.

— Это поможет тебе поспать.

— Ты накачал меня наркотой?

— Пока нет, — говорю я ровно. — От одного глотка ничего не будет. Ты выпьешь весь этот стакан.

— Черта с два!

Ее ругательства возбуждают меня. И это проблема, потому что через час она уснет.

— Ты выпьешь это, иначе тебя ждет альтернативный вариант, включающий в себя клетки и металлические наручники. И тогда я бы, вероятно, всадил тебе лошадиную дозу транквилизатора, чтоб уж наверняка.

Потому что, судя по ее запястьям, она будет готова сломать себе руку, чтобы выйти. Большинство людей думают, что они сделают все, чтобы сбежать. Но они не сделают этого.

Она отличается чем-то. Она неугомонная и немного чокнутая. Это означает, что я не могу доверять ей. Также означает, что я очень, очень хочу ее. Чтобы ощутить всю эту дикость под собой.

— Но почему?

Ее голос писклявый, боязливый. Ей страшно. От этого что-то в моей груди скручивается.

— Это всего лишь легкая доза Эбби. Но правда в том, что я не могу доверять тебе, после того, что случилось в мотеле.

Она вздрагивает, как будто я причиняю ей боль. Наверное, я действительно сделал это. Но я не могу рисковать тем, что она может сбежать от меня, пока я сплю. Я не могу заставить Нейта присматривать за ней.

И прежде всего, я не хочу быть вынужденным связать ее запястья, в то время как они уже изодраны. Я не причиню ей большую боль, чем должен.

— Выпей это, — говорю я более мягко. — Этого достаточно для десятикилограммовой собаки. Они расслабит тебя, но без потери сознания.

Она подчиняется мне. Ее руки дрожат, пока она подносит стакан к губам. Я помогаю ей удерживать его, пока она пьет, почти жадно, после того, как решила сдаться.

Я думаю, она хочет забыться настолько же, насколько я хочу подарить ей это.

Я смотрю, как она пьет, смотрю как маленькие капельки на ее верхней губе блестят, словно звезды, а затем она слизывает их языком.

— Так-то лучше, — говорю я ей. — Ты не предоставишь мне никаких неприятностей этим вечером.

— Да, — говорит она тихо.

Я поднимаю голову и замечаю, как Нейт уставился на нас с выражением, которое я абсолютно не могу прочесть. Мне все равно. Пусть думает все, что он, мать его, хочет. Я заглядываю в его холодильник.

— Ты любишь чернику?

Она кивает.

Достаю миску и беру самую большую ягоду. Сочная и почти фиолетового цвета.

— Вот, — говорю я, прижимая ягоду к ее губам.

Она открывает рот для меня, и я представляю, как сладко-терпкий сок стекает по ее языку. Я так хотел бы видеть ее глаза, как они вспыхивают и блестят. Но есть только мое сердцебиение и тихий звук того, как она глотает. Я представляю, как ее язык становится темно-фиолетовым, окрашенным черничным соком. Мое тело реагирует почти яростно. Изнеможение просачивается в каждую часть моего тела, кроме члена. Эта часть меня готова действовать, готова толкаться в нее, готова тереться о ее темно-фиолетовый язык, изголодавшийся по мягкому, влажному трению.

Годы взаперти, наконец, берут свое. Я так давно не был с женщиной, что даже смотреть на то, как женщина ест ягоду, — это уже порно.

Звонит телефон. Нейт отвечает односложно.

Кто-то на другом конце провода взвинчен. Нейт мастерски научился использовать успокаивающий и авторитетный тон. Он кладет трубку с мрачным выражением лица.

— У меня операция в Бленсвиле. Мне нужно было выехать туда еще пять минут назад. Не знаю, когда смогу вернуться.

— Понял.

Я глажу волосы Эбби, не в состоянии справиться с собой. Она даже не реагирует. Она в изнеможении и под действием лекарства. В ней не осталось сил для борьбы. Ночью она будет моей. Беспомощная. Единственный вопрос, который остается, это что я буду делать с ней. Я по-прежнему не уверен в ответе.

Я провожаю Нейта к входной двери. Мы останавливаемся на крыльце, где я могу держать Эбби в поле зрения через окно.

Нейт выпускает длинный выдох.

— У тебя есть какой-то план? Потому что я тебя не понимаю.

— Добраться до «Брэдфорда». Покончить с губернатором. Это и есть план.

Но он все это знает.

— Девушка, — уточняет он.

— Я знаю.

— Она не виновна.

Вот почему мне нравится Нейт. Стоуну срать на невиновность, но это важно. Это должно быть важно. В противном случае, справедливость ничего не значит.

— Я просто устал, — говорю я наконец. Это лучшее, что я могу сделать. Измотанный до мозга костей.

Он изучает меня обессилившим от жизни взглядом своих карих глаз. Я доверяю Нейту свою жизнь, и он тоже доверяет мне. Мы давно выяснили, что никто не собирается защищать нас.

— Я никогда не видел тебя таким, — говорит он.

Я низко и тяжело смеюсь.

— Ты не помнишь? Чертово лишение сна. Чертово голодание. Весь кошмар.

Он выглядит удивленным, что я упомянул об этом.

— Я про нее. Мы не они. Мы не должны быть такими, как они.

— Это другое. Я не собираюсь причинять ей боль, — я понижаю голос. — Я забочусь о ней, я бы сделал все что угодно для нее, — добавляю я, удивляя даже самого себя.

Не так уж и удивительно, учитывая, что я совершил налет на полицейский участок, несколько часов назад, чтобы вытащить ее. Вероятно, нарушив двадцать законов.

Он бросает на меня странный взгляд.

— Она моя, — говорю я, как будто это все объясняет. — Тебе не нужно понимать.

— О нет, я прекрасно понимаю, — жалит он. — Это не то, что мы делаем, Грейсон.

— Не то, что ты делаешь, — говорю я.

Он одаривает меня мрачным взглядом. Он всегда был порядочным. Для него всегда было важным снова вписаться в общество.

К черту общество.

— Она моя, — говорю я снова.

В его глазах предупреждающий взгляд.

— Она моя, и сейчас это именно так.

— Машина в сарае, — говорит он.

Затем он уходит и теперь есть только я и Эбби. Я возвращаюсь в дом и делаю нам пару тостов. Она не просит снять повязку с глаз, даже несмотря на то, что добрый доктор уже ушел.

Возможно, она догадывается, что я не могу позволить ей увидеть, где она находится — кухня полна подсказок. Или, возможно, лекарства уже делают ее немного послушной.

Это было гениальным, то, что они давали нам тогда, в той дыре подвала. Достаточная доза, чтобы выбить из вас возможность сопротивляться.

Нейт не хочет вспоминать, но я никогда не забуду урок — ты либо сильный, либо слабый, либо борешься, либо прогибаешься.

Не нужно быть ученым, чтобы выяснить, на какой стороне этого уравнения я планирую остаться.

Я снова глажу ее мягкие волосы.

— Ты в порядке, — говорю я. — Мы оба устали. Давай немного поспим.

Она кивает.

Не слишком ли она податлива? Это может быть уловкой. Возможно, замысел, чтобы сбежать, как только я отключусь. Я надеюсь, что одной таблетки было достаточно, но я не хочу больше рисковать.

Нейт мог бы дать мне более конкретное количество таблеток, но я бы не хотел втягивать его в это еще больше. Небольшое количество, достаточное для нескольких кошек. Сейчас она кажется почти кошачьей. Стройная и сдержанная.

А также умная.

Я иду к ящику Нейта, где лежат разные необходимые вещи, и отрезаю полоску ткани и

засовываю ее к себе в карман. На всякий случай.

— Пойдем, — я тяну ее. Она достаточно твердо стоит на ногах, но я могу сказать, что она немного вялая. Хорошо.

Я веду ее вверх по лестнице. Повязка на ее глазах — это удобный предлог, чтобы помочь ей. Я просто хочу, чтобы она чувствовала себя хорошо и уплыла прочь, как будто она не должна заботиться ни о чем. По крайней мере, один из нас должен получить это.

Я отвожу ее в гостевую комнату, где спал после того, как Стоуна подстрелили. Я откидываю одеяло в сторону и укладываю ее на гладкую простынь.

— Ах, — говорит она. Это практически стон и звук рябью пробегает по моей коже. Горячий и чувственный.

— Да, — шепчу я, опуская жалюзи. — Хорошо будет поспать. Я включаю ночник и выключаю яркий верхний свет.

Я стягиваю футболку и штаны, раздеваясь вплоть до боксеров. Сев в ноги на кровати, я начинаю расшнуровывать ее маленькие аккуратные сапожки в засохшей грязи. Я оставляю остальную ее одежду. Она не хотела бы, чтобы я раздел ее.

На ней по-прежнему нет трусиков, факт, в курсе которого я был с того самого момента, как заставил ее снять их у ручья. Это был поступок мудака, но именно им я сейчас и являюсь. Мудак, который накачивает лекарствами милых девушек. Который тащит их через весь штат и подчиняет их с помощью металла и химических веществ. Эй, могло быть и хуже.

Она поворачивается на бок, положив обе руки под щеку.

— Чувствую себя так хорошо, — бормочет она.

Моя рука удерживает ее нежную ногу. Я скатываю носок вниз по ноге, кулаки слегка касаются небольшой ложбинки между ее лодыжкой и щиколоткой. Я никогда не был из тех парней с «фут-фетишем», никогда не ощущал тяги к этому, но если бы я стал, то ее ноги стали бы моей одержимостью, потому что они гладкие как шелк и прекрасно сложены. У меня появился новообретенный фетиш относительно ее ног, ее рук... даже ее глаз с их великолепным, мудрым, мягким обаянием.

Жаль, что Нейт не увидел ее без повязки, но, может быть, это и к лучшему. Мне нравится, когда она полностью моя. Никто не может забрать ее у меня.

Осторожно я снимаю другой носок и потираю рукой ее кожу, говоря себе, что я просто должен проверить, что она достаточно теплая, но на самом деле мне, бл*дь, нужно прикоснуться к ней хоть немного, и черт возьми, это только ее ноги.

Насколько неправильным это может быть? Я был разрушен в каждой части тела, испытывал боль в каждой клетке. И все, что я делаю, так это растираю ей ноги.

— Грейсон, — шепчет она.

Ей нравится это. Она хочет этого. Это все иллюзия, но этого может быть достаточно для меня. Мой член набухает от ее ленивого, хриплого голоса.

Я прижимаю руки по обе стороны от ее холодных пальцев на ногах, растирая их между ладонями. Я хочу поглотить ее.

— Тебе достаточно тепло, малышка?

Я как хороший, гребанный самаритянин, просто нуждающийся в том, чтобы убедиться, что девушка в тепле.

Мне нужно перестать прикасаться к ней, но я этого не делаю. Мне нужно оставить ее в покое, но я не сделаю этого. Мои руки на ее ступнях, на ее лодыжках, и это только начало.

Мое тело хочет большего. Она хочет большего.

Иллюзия.

Вместо того чтобы убрать ногу в сторону, она толкает ее ко мне, прижимая к моим рукам. Как будто она на самом деле хочет моего прикосновения.

Я знаю, что это седативное действие лекарства заставляет ее искать теплоту и мягкость. Знаю это из личного опыта.

Я по-прежнему растираю ее пальцы, понимая, что это ей понравится.

— Ммм, — говорит она.

Я передвигаюсь к другой ее ноге, массируя ее.

— Ммм, — снова говорит она.

Я могу сказать, что сейчас она находится в таком месте, где даже те вещи, которые ты не хочешь, ощущаются хорошо, пока они сопровождаются теплотой и мягкостью.

Я провел в таком месте много времени.

Если бы я трахал ее сейчас, это бы не причинило ей боли. Я всегда собирался трахнуть ее — может ли быть более подходящее время, чем сейчас? Бывали дни, когда я отдал бы все что угодно ради дозы обезболивающих, но я вынужден был существовать без них. Успокоительное — это подарок.

Воспоминания об этом разжигают искры белой ярости внутри меня. В ярости на себя, на губернатора и на его приспешников. На людей, работавших в том доме. Упрямо злюсь даже на нее, из-за того, что она заставляет меня хотеть ее так сильно.

Вместо того чтобы забраться на нее и развести в стороны ее ноги, я отталкиваю ее ногу в сторону и достаю из кармана полоску ткани. Одна мягкая петля вокруг ее лодыжки и одна вокруг моей. Теперь мы соединены. Она даже не будет ощущать повязку, если не попытается встать.

Я должен заботиться о ней. Это важно. Она моя, и я должен присматривать за ней.

Я залезаю в постель рядом с ней и снимаю повязку с ее глаз. Затем накрываю нас простынями, подтягивая ее ближе к себе и укутывая, как в защитный кокон. Я думаю о том, как она выглядела в той камере.

Губернатор, вероятно, получил ее имя как соучастника. Может он полагает, что это такой способ добраться до меня. Злость вспыхивает во мне. Затолкали ее в эту грязную камеру, черт побери.

Она лежит на животе, положив голову на одну руку, волосы, как темный нимб, разбросаны по подушке. Я сильнее оборачиваю одеяло вокруг нее, но это слишком. Слишком туго, и она шевелится.

— Грейсон, — шепчет она. Затем она прокладывает себе путь из кокона и находит меня, прижимаясь головой к моей груди. Мои руки обвивают ее, и она прижимается ко мне. — Не отпускай меня, — шепчет она, и мое сердце начинает биться сильнее.

— Не буду, — шепчу я, притягивая ее ближе и целуя в лоб.

Она прижимается всем телом ко мне, и я упиваюсь ею, мой член как сталь.

— Грейсон, — говорит она и целует мою шею.

На самом деле она не хочет этого. Это лекарство делает ее мягкой и безрассудной.

Но когда я смотрю на это, иногда мне кажется, что она на самом деле хочет меня.

Это как стодолларовая купюра с чернильной голограммой на ней. Когда наклоняешь ее в одну сторону, то видна просто уродливая чернильница, а если наклонить в другую, то в середине чернильницы виден Колокол Свободы, как будто здесь есть что-то сияющее и особенное, когда знаешь, что на самом деле там ничего нет.

Вот как я сейчас себя чувствую. Потому что я всего лишь кусок дерьма, похитивший и накачавший ее. И я знаю единственную причину, по которой ей нравится находиться в моих объятиях, — она находится под действием лекарств и раскована, поддается животным потребностям для комфорта и тепла. Но это, как чертов Колокол Свободы, который появляется внутри меня, когда она прижимается ко мне. И внезапно я хочу иллюзию. Я люблю иллюзию. Поэтому, я просто, мать его, принимаю это. Я захватываю в плен ее рот и пробую ее на вкус. И я запускаю руку под ее блузку, находя края ее кружевного лифчика, ощущая выпуклости ее груди под ним.

Она издает мягкий звук удовольствия, и гребаный Колокол Свободы звонит, как сумасшедший.

25 глава

Эбигейл

Сначала он кормит меня черникой. В следующее мгновение уже тащит меня вверх по лестнице. Или, может быть, это только ощущается так, как будто меня тащат, потому что мои ноги не функционируют, возможно, из-за того, что я ничего не вижу.

Кровать. Мягкая. Замечательная. Простыни более гладкие и прохладные, чем они вообще имеют право ощущаться. Все вокруг немного кружится. Я так устала.

Мои ноги уже без обуви. Им так тепло и свободно, они как желе. Так хорошо. Так устала.

Я моргаю, но он просто как нечеткая тень в тусклом освещении комнаты. Я не могу разглядеть темные глаза Грейсона и его дерзкую улыбку. Но хочу смотреть на него. На него так приятно смотреть, но все, что я могу сделать — это закрыть глаза и погрузиться в его прикосновения.

Я вздыхаю, так как его мускусный аромат окружает меня, а руки держат меня в целости и сохранности, но в одеялах мне слишком тесно, и я сбрасываю их с себя, хотя сделать это не так просто, мои конечности ощущаются тяжелыми и неспособными двигаться, но я освобождаюсь и нахожу его.

Он — мягкая трава и влажная земля, и я хочу лежать на этой земле и глубоко вдыхать, но не могу двигаться. Его рука — тяжелый обруч вокруг моей талии. Поймана в ловушку. По какой-то причине это кажется нормальным.

Терпкий привкус ягод задерживается на моем языке.

Я расслабленная и теплая, и как будто уплываю куда-то. Думаю, я всегда должна чувствовать себя именно так.

Он накачал меня чем-то.

— Не отпускай, — шепчу я.

— Не отпущу, — говорит он, и я погружаюсь в него, просто хочу заползти внутрь него... И внезапно я не могу дышать.

Сначала я не уверена, что происходит. Что-то теплое и мягкое у меня во рту, но затем я осознаю, что он целует меня. Я не уверена, нравится ли мне это, но потом понимаю, что да, потому что ощущения переполняют меня.

Его руки как гири на моей коже, под моей блузкой, тянут мой лифчик.

Я двигаюсь напротив него. Наши тела — двое животных, скользящих друг по другу в

идеальном ритме.

Что-то немного грубо трется о мою голень. У меня занимает целую вечность осознание того, что это его нога на моей, и есть что-то магическое в его коже, его тепле. Я произношу его имя.

— Я владею тобой, — шепчет он. Я ощущаю эту странную прохладу на груди, обнажение, мои руки переплетены между собой, а лицо теплое. Я пытаюсь освободиться, но мои руки по-прежнему не функционируют, и затем это перестает иметь значение, потому что они свободны, и это новое ощущение еще более восхитительное, весь этот холод, все это тепло, все вместе.

Я знаю, что моя грудь обнажена, но это замечательно в темноте. Я смутно осознаю, что он целует ее, прикасается ко мне.

Грубые руки на моем бедре заставляют меня двигаться и сжимать ноги вместе. И я думаю о том, как потрясающе получать такие замечательные ощущения. Стараюсь находиться в сознании, не хочу, чтобы он думал, что я не обращаю внимания, но я словно куда-то уплываю, и когда возвращаюсь к нему, понимаю, что я совершенно голая, и я могу двигаться и чувствовать, быть с ним.

Я вздыхаю от внезапного ощущения между ног, как будто искры разносятся от его пальцев. Целую кожу, которая находится рядом, и ощущения в моем животе уносятся к звездам, я двигаюсь как змея по его теплу.

Его дыхание звучит прерывисто, что кажется смешным, когда все остальное так медленно и легко.

Он произносит мое имя и целует все мое лицо. Я чувствую себя хорошо и смеюсь.

— Что такое, детка? — шепчет он.

— Я не знаю, — говорю. Потому что, откуда я могу знать? И, возможно, я только представляла себе, что смеюсь, потому что мое внимание рассредоточено, и я осознаю, что его пальцы, на самом деле, уже внутри меня, и затем понимаю, что вся Вселенная взрывается ослепительными цветами.

Я уплываю дальше, снова и снова, и затем, все, что я чувствую, — это то, что он раздвигает мои ноги в стороны и мне не нравится это, потому что он далеко от меня, но как по волшебству, он возвращается, он внутри, толкается в меня.

— Да, — шепчу я.

Он во мне, проходит сквозь меня. Как будто он свет, а я воздух. Мой мозг раскололся на стены на моем пути. Я брожу по лабиринту в своей собственной голове. Здесь ответ. Где-то здесь. Что происходит? Но все, что я могу видеть, — это кирпичная стена прямо передо мной, вокруг меня, между моими ногами, которая толкает меня в забвение, держа меня, как будто умоляя остаться.

26 глава

Грейсон

Она такая нежная подо мной. Как гребаное облако, если, конечно, облако может плотно и влажно сжиматься вокруг моего члена. В тусклом свете я вижу изгибы ее груди, ложбинку на ее шее. Выражение ее лица полубессознательное. Потому что она находится под действием лекарств.

— Это так нездорово, — я бормочу как мантру. Она запуталась, и я запутался, но я не останавливаюсь. Я никогда прежде не был так возбужден, и она почти без сознания.

Эбби, Эбби. Она больше не мисс Уинслоу. Мисс Уинслоу застегнута на все пуговицы и осторожна. Мисс Уинслоу — это безопасность, но я даже не уверен, существовала ли та девушка на самом деле.

Девушка в моих руках двигает бедрами напротив моих и стонет, пока я двигаюсь, рыча возле ее шеи.

Я мог бы уехать прочь со Стоуном. Мог бы пустить чертову пулю ей в лоб. Вместо этого я толкаюсь в ее влажную киску и надеюсь, что это никогда не закончится.

— Пожалуйста.

Мой член дергается внутри, услышав, как она просит. Но я останавливаюсь и выхожу из нее. Я роюсь в ящике стола, пока не нахожу то, что ищу.

— Пожалуйста, — бормочет она, жадно цепляясь руками. Имеет ли она хоть малейшее представление о том, чего хочет?

Ярываю упаковку презерватива и быстро надеваю его. Это часть моей заботы о ней. Часть владения ею. Затем я толкаюсь обратно в нее — мой путь на небо. Ее губы раскрываются, а веки опускаются. Сознание практически покидает ее, спящую, пульсирующую вокруг моего члена. Я сильнее сжимаю ее бедра и врезаюсь в нее достаточно сильно, чтобы снова разбудить. Ее глаза широко открыты, когда она хнычет. Затем они закатываются, но на этот раз это не из-за лекарства.

Это удовольствие.

Я нашел место внутри нее, которое заставляет ее тело вздрагивать, и ее бедра дрожат. Она бессильна против этого. Я погружаю свой член в нее снова и снова, находя это местечко и вбиваясь в него. Вот так. Вот так. Вот так. Ее рот открывается в приглушенном крике. Я не думаю, чтобы она могла сформулировать слова, если бы захотела. Она не может попросить меня остановиться, и это хорошо, потому что я не останавлиюсь.

Ее глаза наполняются тревогой. Даже в затуманенном состоянии она знает, что оргазм приближается. Я почти чувствую себя плохо из-за ее состояния.

Почти.

Я знаю, каково это: чувствовать, что твое тело предает тебя. Знаю, каково это: приближаться к кульминации, когда ты разорван на части. Знаю, каково это: ненавидеть себя. Затаив дыхание, я нависаю над ней, кончиком члена раздвигая ее плоть.

Ее глаза сосредоточены на моих.

— Не останавливайся, — говорит она невнятно и настойчиво.

Ярываюсь на две части. Ту, которая хочет эту девушку и ту, которая берет ее. Затем врезаюсь в нее и нахожу дом, нахожу освобождение в очертании теней и света. Когда кончаю, я остаюсь в ней, опираясь на нее, в одно и то же время не сильно, чтобы не раздавить, но ощутимо, так как ей, похоже, не понравилось, когда я отстранился прежде.

Вот как это работает. Она моя, и я буду заботиться о ней. Она принадлежит мне. Нейт слишком хорошо все это понял. Ее дыхание выравнивается. Она на самом деле спит. Я убираю прядь волос с ее глаз. У нее на лбу что-то вроде глубокой морщины, может быть, снится плохой сон или что-то вроде этого.

— Шшш, — шепчу я. — Я не позволю никому причинить тебе боль.

То есть, еще кому-нибудь.

Та морщина по-прежнему остается. Плохой сон? Я провожу пальцами по ее лбу,

разглаживая кожу, показывая, как я хочу этого, и, похоже, ей это нравится, потому что она ерзает и, затем, морщина исчезает.

Интересно, смог ли я прогнать прочь ее дерьмовый сон? Я становлюсь твердым из-за того, что мог сделать это. В буквальном смысле. Я до сих пор в ней, и с каким-то усталым удивлением понимаю, что я мог бы трахнуть ее снова. А как насчет этой девушки? Я двигаюсь в ней, немного выпуская пар, проверяя это.

Затем я выхожу из нее. Все дело в том, что нужно немного отдохнуть. Мне нужен отдых. Ей нужен отдых.

Я просыпаюсь с пульсирующей головной болью... и легким подергиванием в лодыжке. С усилием пытаюсь удерживать свое тело расслабленным, стараясь выглядеть естественно. Трюк, чтобы сделать вид, что я сплю. Я узнал это на раннем этапе, еще будучи ребенком, и не то, чтобы это принесло мне много хорошего. Кровать слегка смещается, когда Эбби садится. Она отталкивает одеяло в сторону. Малейший рывок и легкое движение воздуха говорят мне о том, что она пытается снять повязку. Я лежу очень тихо и позволяю ей сделать это. Повязка щекочет мне кожу, когда ее конец падает на кровать. Эбби направляется к двери, прежде чем я вскакиваю и толкаю ее сзади, прижимая к стене своим телом, не слишком сильно, чтобы не причинить ей боль. Достаточно, чтобы передать ей мое послание. Я сжимаю в кулак ее волосы и тяну назад.

Оборачиваю другую руку вокруг ее шеи и осторожно сжимаю, чтобы привлечь ее внимание.

— Доброе утро, — шепчу я ей на ухо.

27 глава

Эбигейл

Мой разум, как одна из старых катушек пленки: черно-белые кадры, мигающие передо мной, не синхронизированные с музыкой. И неподвижность. В моей голове все перемешано, и это меня пугает. У меня галлюцинации? Но под натиском образов один факт все же фиксируется: я голая.

— Отвали от меня.

Его кулак стягивает мои волосы. Другая рука сжимает мою шею. Я чувствую теплое дуновение на моей коже.

— Я думаю, мне нравится, где я нахожусь.

Я отбиваюсь, ударяя ногами о стену, дергая головой в его захвате. Он не ослабляет свою хватку. Нет, он опирается на меня, используя свой вес, чтобы прижать меня к стене. Моя щека прижата к гладкой, прохладной поверхности. Я тяжело дышу, и он тоже, но, думаю, по разным причинам. Его дыхание затрудненное и... возбужденное.

Затем я осознаю кое-что еще: он тоже голый.

Его член твердый на моих ягодицах. Эта картина наполняет меня нестерпимым жаром, огнем, вылизывающим мое тело изнутри. И гневом. Он не просто коснулся меня членом. И я не помню, как осталась без одежды. На самом деле, я уверена, что не согласилась бы на это.

Я бы вышла из себя.

— Что случилось прошлой ночью? — слезы подступают, но я борюсь с ними. Сейчас я не могу выглядеть слабой.

Он использует только язык силы, и дрожь в моем голосе — это уже недостаток. Одинокая слеза сказала бы о моем поражении. Он вздыхает, как будто я слишком остро реагирую. Я хочу ударить его по яйцам.

— Что ты сделал со мной? — требую я громче снова.

Почти в истерике. На самом деле, я ненавижу то, что звучу как моя мать в ее сумасшедшие моменты.

— Я не причинил тебе зла, — говорит он.

Холодок пробегает по моей спине. Он прикасался ко мне, когда раздевал меня? Затем меня осеняет. Конечно, он трогал меня. Я не хочу думать, что случилось после этого.

Не сложно догадаться, особенно когда мои бедра касаются друг друга, и они немного липкие. Немного влажные. Я более влажная, чем когда-либо была, занимаясь сексом.

Это вздор, что я была возбуждена. Также было бы бессмысленно, если бы я до сих пор была возбуждена, проспав несколько часов.

Но я знаю, что это то, что случилось.

Унижение протекает сквозь меня как река, заполняя каждое пустое пространство внутри меня, отражая свет в тех местах, которым лучше оставаться в темноте.

Как он мог возбудить меня? Смущение перетекает в бешенство. И я яростно мотаю головой.

Он отпускает меня, и я впиваюсь в него зубами. Я хотела бы иметь клыки, чтобы вонзить их ему в шею.

Он смеется.

— Ты немного дикая. Я не позволю тебе приблизиться к моему члену с таким ртом.

Я схожу с ума, нападая как маньяк. Мне кажется, я причиняю больший вред себе, чем ему. Все болит, но я не могу остановиться. Остановка будет означать мое согласие с произошедшим, означать, что мне понравилось.

— Ты чертов пещерный человек! Ты даже едва человек!

Он подхватывает меня, и внезапно я вращаюсь, проплывая по воздуху. Я приземляюсь на кровать, подпрыгивая. Откатываюсь в сторону и пытаюсь встать, но простыни запутались вокруг моей лодыжки, и я снова падаю на кровать, движения конечностей не согласованы.

Вчера, по пути к дому, я слышала лошадей. Вот как они себя чувствуют, только родившись и пытаясь сразу встать на ноги.

Грейсон на мне, дергает мои руки за запястья, помещая их вверх над головой и удерживая их своей рукой.

Он накрывает мою грудь. Я беспомощна, и он нависает надо мной. Своего рода удовольствие прокатывается глубоко в животе, и мое тело предает меня.

— Ненавижу тебя, — говорю я, и горячая слеза скользит вниз по моей щеке. Капитуляция. Теперь он знает, насколько я напугана, и я немного ненавижу себя за то, что даю ему такую возможность.

Кровать скрипит, когда он наклоняется. Он собирается сделать это снова? Заняться сексом со мной? Конечно, он собирается сделать это снова. Но он всего лишь оставляет поцелуй у меня на лбу, целомудренный и почти сладкий.

— Успокойся, — бормочет он.

Я не знаю, как успокоиться. Я голая и рыдаю, и с Грейсоном происходит почти то же самое — мы оба уязвимы и сломлены.

Он ласкает мои руки, гладит мое тело.

— Шшш, никто не собирается причинить тебе вред. До тех пор, пока я с тобой.

— Не лги мне, — я огрызаюсь.

Я предпочла бы, чтобы он снова угрожал убить меня. Я хочу, чтобы он был монстром.

— Я лгу? — он звучит довольным. — Тебе плохо прямо сейчас?

— Да! — говорю я, потому что теперь я спокойна и могу чувствовать приступ боли глубоко внутри себя, легкая боль, означающая, что у него был секс со мной.

Он проводит двумя пальцами вниз от моей шеи, по моей груди, к моему животу.

— Хорошо. Я прикасался к тебе. Я трахал тебя. Ты думала, что я не стану делать этого?

Нет, я знала, что он сделал бы это. Я знала это еще до того, как он сбежал из тюрьмы. Все во мне указывало на него.

— Вот как это работает, детка, — добавляет он устало. — Такова жизнь.

Я напрягаюсь. Такова жизнь?

Я замолкаю на секунду из-за того, насколько откровенным он был всего в одном предложении. Он слишком хорошо понимает происходящее. Это то, что он узнал, когда другие дети учились играть в бейсбол.

Заключительная часть головоломки складывается воедино. Подвал. Другие мальчики. Все эти годы. Это не был какой-то спор об опеке, из-за чего его фото оказалось на коробке с молоком. Я знаю наверняка, что с ним произошло, когда я чувствую его руку, сжимающую мои запястья вместе. Я переполнена ощущением мрачного триумфа.

— Что бы ты сделал, — шепчу я, — если бы я не выбрала твою историю для газеты «Кингмен»?

Он усмехается.

— Я знал, что ты выберешь.

— Почему? — спрашиваю я.

Его брови взлетают вверх. Он удивлен, что я по-прежнему не теряю контроль. Но за моими плечами длинная история борьбы с насильственными ситуациями.

— Потому что с тобой просто, — говорит он.

Мое раздражение лишь вызывает у него улыбку, немного самодовольную.

— Я знал, если дам тебе слезливую историю, то ты попадешься на эту удочку. И ты попалась.

— Это было довольно гениально, — говорю я. — Сосредотачивая внимание на второстепенных деталях, ты можешь предоставить основной кошмар фантазии читателя.

— Благодарю за вашу оценку, мисс Уинслоу, — говорит он насмешливо.

— Тебе просто нужно было правильно расставить эти детали, а читатель додумает их за тебя. Лучший способ солгать. Солгать правдой. Ничто не будет столь эффективным, как правда, не так ли?

Грейсон застывает. Заинтересованный тем, что я знаю.

— Это то, что сделал Хемингуэй. Сначала один проблеск истины, затем другой.

Его руки сжимаются на моих запястьях.

— А теперь я свободен.

Но я еще не закончила с ним.

— Каково это? — спрашиваю я. — Быть на другой стороне?

— Не надо.

Из-за ярости в его голосе, дрожь пробегает по моему телу. Но когда ты заключена в кольцо с обезумевшим животным, ты будешь использовать имеющееся оружие. Мне нужны его эмоции. Те, что нельзя увидеть сразу.

— Шесть лет. Это долгий срок. Ты достаточно силен и достаточно плох, чтобы они не смогли прикоснуться к тебе когда-нибудь снова?

Выражение его лица говорит мне, что я нанесла прямой удар. И я знаю, что могу ударить его настолько сильно, насколько хочу, и он не причинит мне боли — не физически. В каком-то извращенном виде, но я уверена, что могу доверять ему из-за того, что он помешан на моей защите. Его кодекс. Этот трахнутый на голову кодекс, но это все равно кодекс.

Я хмурюсь.

— Нет? Не совсем?

Он презрительно ухмыляется.

— Ты думаешь, что знаешь меня?

— Я знаю, каково это, когда твой желудок болит, как будто он пытается съесть себя. Я знаю, каково это: бороться со взрослым и проигрывать.

— Он опускает губы так близко к моему уху, что мне щекотно.

— Как ты делаешь сейчас? Борешься со взрослым и проигрываешь?

— Да, — шепчу я, зная, что мы соединены темной и мощной связью. — Я знаю, каково это: ненавидеть то, что происходит. И ненавидеть то, что тебе это нравится.

Я чувствую, как он смягчается. Он по-прежнему держит мои запястья, но уже слабее. Мои слова сильные. Мощные. Я могу использовать правду как оружие, точно так же, как делал он.

— Я знаю, каково это, когда тебе хочется чего-то настолько неправильного. Когда ты жаждешь этого, — говорю я.

— Это нормально, — говорит он тихо, будто успокаивая меня, смотря на меня нежно. — Это нормально, чувствовать себя так. Это не твоя вина.

Все меняется, и я знаю, он собирается поцеловать меня.

Я смотрю в его глаза так близко, что вижу темную линию изгиба его ресниц на коже. У него нет никакого права смотреть так сексуально и сладко. Он не имеет никакого права опускаться на меня сверху, но Боже, он делает это.

Его губы мягкие и теплые, с моих срывается вздох. И, несмотря на то, что он широкий и тяжелый, особенно из-за этого, это ощущается как ласка.

Все его тело обнимает мое, его рот на моем, руки на моих, ноги накрывают мои бедра. Я завернута в кокон из одного только Грейсона, где пахнет мускусом, и на вкус он как мужчина, который стирает из головы все мысли, которые у меня должны быть.

Как уйти? Как бороться с ним? У меня был план — усыпить его ощущением комфорта и связи. Связи, в которой он так сильно нуждается.

Но на самом деле это палка о двух концах. Потому что я жажду его, тяжесть его тела на мне, поцелуи. Я не хочу, чтобы он останавливался.

И, так или иначе, его слова заставили меня чувствовать себя лучше. Или, по крайней мере, менее одинокой.

Его язык проникает в мой открытый рот, и я позволяю ему это. Это то, что он делал со мной в классе, обращая особое внимание, поворачиваясь при каждом задании. Он думает,

что я хочу этот поцелуй, и это на самом деле так. Лучший способ солгать — сделать это правдой.

— Что случилось прошлой ночью? — шепчу я. Это тот же вопрос, что я задавала ему ранее, только сейчас он звучит по-другому. По-другому, потому что я знаю ответ.

Его голос грубый, когда он отвечает.

— Я не обидел тебя, я не обидел тебя.

Он накачал меня... трахал меня... и он знал, что это не навредит. В этом какой-то больной вид нежности. Испорченный вид заботы. Мое сердце немного разбивается, потому что я думаю, это единственный известный ему способ, как быть добрым. И это то, что заставляет меня тянуться к нему.

Он не спрашивает, почему я изменила свое мнение. Может быть, ему все равно. Он просто достает презерватив из ящика и надевает его. Переворачивает меня, подтягивает мои бедра вверх и толкает под них подушку. Это единственное предупреждение, которое у меня есть до того, как горячая, твердая головка его члена врезается в меня сзади. Мое тело открывается ему. Мягкое, мокрое и послушное. Мозг понимает его, почему он такой, какой есть. Но мое сердце болит за него, желая любые осколки любви, которые он может дать мне, даже если я знаю, что порежусь о них.

— Ты хочешь этого, — говорит он, затаив дыхание.

Это не вопрос, но я все равно отвечаю ему.

— Сильнее.

Его кулак скручивает мои волосы, как раньше, только сексуальнее, потому что он прижимает мое лицо в прохладные простыни.

Влажные простыни, смоченные моими слезами.

— Это не больно, — я успеваю сказать. Я не могу перестать плакать, но мне нужно, чтобы он знал, что он не причиняет мне боль. Это важно для него — не причинить мне боль. Я даже не знаю, почему я плачу, но это не из-за его члена, не из-за его кулака и не из-за его теплого тела, накрывающего мою спину.

— Почему? — его голос звучит резко, грубый взрыв воздуха возле моей щеки. Он держит меня полностью. Каждая его часть охватывает каждую часть меня.

Почему я плачу? Почему хочу этого? Я не знаю в чем точно вопрос, но я дотягиваюсь и держу его за запястье. Я использую это как якорь от его бури.

Его член вколачивается в меня, неумолимо, на грани с болью, но никогда не переходя ее.

Он осторожный даже в своей ярости, почти нежный, когда вздрагивает на мне и стонет от освобождения.

Затем мое тело сжимается вокруг его, внезапно и дико, и я совсем не могу дышать. Это не имеет значения. Я могла бы так умереть, теплая и влажная, защищенная, как никогда прежде, соль моих слез на его губах, когда он наклоняется и целует меня в щеку.

И теперь я знаю, почему плачу: потому, что я проигрываю, так как он и говорил, потому что я хочу быть в его тюрьме, заключенной в него, объектом его особого внимания, и я знаю, что это неправильно — это не то, что должно нравиться. Может быть, я сама проигрываю. Может быть, это мой здравый смысл.

Я просто знаю, что должна уйти.

Грейсон

Телефон звонит, пугая меня. Я понимаю, что мы уснули после того, как я трахал ее этим утром. Это было неосторожно. Я не могу поверить, что совершил такую ошибку. Я отстраняюсь от ее теплого тела, ненавидя каждый сантиметр, которым разделяю нас. Тянусь к тумбочке, шаря вокруг, веря, что она будет лежать здесь, ожидающая. Жаждающая. Покорная. Все между нами ощущается новым. И правильным. Поэтому я уверен, что это закончится плохо.

Нейт на том конце провода звучит обеспокоенно.

— Парни на хороших внедорожниках разъезжают по городу, — говорит он. — И несколько парней в закусочной задают вопросы.

— Как давно?

Его тон настойчивый.

— Прямо сейчас.

— Мы уезжаем.

— Возьми внедорожник, он в заднем гараже. Он не мой. Красный брелок на крючке. Деньги в сейфе.

Он называет мне комбинацию, и телефон замолкает. Я тру лицо рукой. Мне нужно было выехать в путь раньше. Я должен был уже иметь поддельные документы. И я потратил в мотеле всю наличку, которая у меня была. На это больше нет времени.

Я поворачиваюсь к ней лицом. Может быть, нормальный парень был бы тронут, увидев ее покрасневшие глаза. Хотя я не нормальный. Ее разбитый вид не вызывает во мне желания помочь ей. Он вызывает во мне желание трахать ее снова и снова.

— Одевайся, — говорю я, и по какой-то причине, возможно, потому что она такая слабая и хорошенько оттраханная, она подчиняется. Она просит зайти в ванную, и я тащу ее в ванную в комнате Нейта. Я слышу, как она открывает ящик. Берет бритву, возможно, ножницы. Не очень подходящее оружие. Я позволяю. Отдвигаю вещи в шкафу в сторону, чтобы добраться до сейфа. Я кручу ручку в комбинации, которую дал мне Нейт, но дверца не открывается. Он дал мне верные цифры? Я пробую еще раз. Ничего. Твою мать. Третья попытка тоже безуспешна. К черту это! Я хватаю футболку и возвращаю все на свои места как раз к тому моменту, как она выходит.

Я должен был завязать ей глаза, но на это нет времени, если парни уже расспрашивают по всему городу. Возможно, кто-то видел, как мы проезжаем, в любом случае, они будут расширять круг поиска здесь.

Я беру ее за руку и тащу вниз на кухню, где хватаю с крючка ключ на красном брелоке, затем сую коробку с хлопьями и полупустой пакет апельсинового сока в сумку.

— Идем, — говорю ей.

— Что происходит?

— Проблема.

Я веду ее к заднему выходу. Солнце уже высоко, говоря мне о том, что приближается время обеда. Я дергаю старые, деревянные двери сарая, одни из тех старомодных шуток, которые открываются вовнутрь и вверх.

Развалюха, которую я украл из мотеля, стоит здесь, рядом с внедорожником. Я не удивлен. Нейт, возможно, возвращался в промежутке между ветеринарными выездами,

чтобы переставить его. В этом весь он. Часть того, что делает его классным целителем.

Я жду, пока она заберется в грузовик и пристегнет ремень, после чего приставляю пистолет к ее шее, позволяя ей почувствовать его холодный, твердый конец. Она застывает и наклоняется в сторону. Я продолжаю удерживать металл на ее коже. Она должна знать, что тот секс ничего не изменил. Мы собираемся выехать на дорогу. Я должен знать, что она со мной. Это не гребаная сказка. Я не собираюсь превращаться в хорошего парня только из-за того, что ее влагалище сделано из бархата и радуг.

— Все понятно? — спрашиваю.

Ее губы беззвучно шевелятся. Она получает сообщение, и, даже если это чувствуется, будто ножи протыкают меня, это важно.

Она переходит на шепот:

— Да.

Иногда ты должен реально пригрозить человеку пистолетом. И это для ее же блага, я не хочу, чтобы она сбежала. Она указала бы на Стоуна и, возможно, даже на Нейта, и губернатор стал бы и их проблемой тоже. Они были бы счастливы пришить всех.

Поэтому я просто должен убедиться, что она не убежит — все просто. Я обхожу машину и подхожу к водительской двери, запускаю двигатель. Выезжаю, ставлю машину на режим «парковки», выпрыгиваю из машины, чтобы закрыть двери гаража, и мы уезжаем. Дышится легче, когда мы очищаем Нейту подъездной путь, и становится намного лучше, когда мы выезжаем на шоссе без какой-либо нити, соединяющей нас. Я догадываюсь, что машина украдена, но все же попытаю удачу на границе штатов.

— Тебе просто нужно было убить меня, — говорит она через десять минут после нашего отъезда. Ее голос звучит глухо. — Было бы лучше.

Мои внутренности скручивает от осознания того, как хорошо я знаю этот тон.

Твою мать.

— Не глупи. Ты никогда не хотела умереть вместо того, чтобы жить.

Она сидит настолько далеко от меня, насколько это возможно. На грани плача.

— Так было бы лучше.

— Прекрати это, — говорю я сквозь зубы. Я хочу, чтобы умная мисс Уинслоу вернулась. Боец, женщина, которая провела меня, которой я рассказал больше, чем хотел. Женщина, которая понимает вещи, которые не дано понять другим. Я не хочу, чтобы она себя так чувствовала. И не хочу быть тем, кто заставляет ее плакать. Все это потому, что ее оттрахали?

— Ты должна достигнуть места внутри себя, найти маленький уголок, где ты знаешь, что все в порядке. Ту часть тебя, которую никто не в силах у тебя отнять.

— Даже ты? — ее голос тихий.

Даже я. Я хочу сказать. Но мое внимание привлекает кое-что другое. Прямо под знаком «стоп» стоит машина и никаких других машин поблизости. Может быть, кто-то, кто набирает текстовое сообщение или рассматривает карту. Кто-то безвредный.

Или же кто-то наблюдает. Выжидает.

— Я даже не понимаю, о чем ты говоришь, — бормочет она.

— Чувшь собачья! Ты понимаешь!

Она разговаривает со мной. Общается. Нужно беспокоиться о тихонях. Они склонны проглотить лезвие бритвы, пока вы не смотрите.

Боже, кровотечение. Кровотечение никогда не останавливалось. Я заталкиваю

воспоминания обратно, вглубь, где им и место.

Она свирепо смотрит на меня.

— Это ты даешь мне советы о том, как выжить такому парню, как ты? Потому что это немного хреново, даже для тебя.

Я рад видеть ее отпор. Даже если это направленно на меня, я рад этому.

Машина по-прежнему там. Я слишком далеко, чтобы увидеть, сколько людей в салоне и слишком далеко, чтобы увидеть, тонированы ли окна. Я мог бы сделать разворот и поехать в обратном направлении, чтобы посмотреть, будут ли они преследовать. Но это как помахать красной тряпкой у них перед носом, если это парни губернатора. Я хватаю бейсболку и натягиваю ее на голову.

— Пригнись!

Она смотрит по сторонам и видит только солнечное голубое небо и поля, и синий седан на расстоянии.

Я хватаю ее за шею и толкаю вниз. Они не знают эту машину. Много парней ездит в бейсболках. Я замедляюсь на остановке. Тонированные окна. Дерьмо! Я жду, затем еду.

Блестящий синий автомобиль двигается следом. Это по-прежнему может ничего не значить. Или, возможно, они подозревают и вызывают подмогу.

Я знал, что ФБР могут отслеживать меня, и я достаточно доверял своим навыкам уклонения от преследования, чтобы уйти. Черт, они всегда срабатывали раньше. Только однажды я был пойман, и это было из-за губернатора. Губернатор, чьи парни сейчас преследуют меня. Это должно быть они. Это плохо.

Мои руки сжимаются на руле.

— Если запахнет жареным, то ты будешь бежать как одержимая, все поняла?

— Что?? — она звучит недоверчиво.

Мои губы растягиваются в слабой улыбке. Она думает, что я самый большой и самый опасный парень в округе, что довольно мило. Но она ошибается.

— Если что-то случится, ты бежишь. И не доверяй никому в большой блестящей машине или на внедорожнике. Также не доверяй знакам этого городишки. Возвращайся в большой город. Позвони в ФБР. Скажи им, что ты была взята в заложники, и тебе удалось освободиться. Они приедут забрать тебя.

— Что происходит?

— Я говорил тебе, детка. Проблема.

Ее глаза сверкают в неверии, и я знаю, что в этом есть какая-та ирония. У меня неприятности. Но я не хочу, чтобы она ушла на дно вместе со мной. Это важно. Она важна мне.

Машина по-прежнему здесь, на хвосте, теперь ближе. Я резко дергаю руль в сторону и съезжаю на обочину. Автомобиль проезжает мимо, затем останавливается на стоянке, на середине улицы впереди.

Выходит, что они следовали за мной. Игра началась.

Я делаю резкий разворот и с визгом въезжаю на дорогу, двигаясь в противоположном направлении, вниз по дороге. Внедорожник ускоряется, синий автомобиль двигается за нами.

Эбби вскидывает голову вверх и заглядывает через спинку сиденья. Как раз в тот момент, когда снаружи слышится выстрел.

— Иисус! — Я поворачиваю машину в сторону, чтобы сбросить их. Она возвращается

вниз, съезжившись на сидении. Я пробегаю рукой по ее волосам, чтобы успокоить себя. Они не попали в нас, не попали в нее, но теперь я зол. Никто не стреляет в Эбби.

Другой выстрел — и моя крыша проколота. И затем еще один, и что-то ломается. Я теряю управление. Ударяю по тормозам и резко поворачиваю. Я тянусь и хватаю ее, чтобы держать в безопасности, чтобы она не ударилась головой, стараясь при этом контролировать эту кусок-дерьма-машину. Сокрушительный удар и все останавливается. Мир останавливается.

Передняя часть машины врезалась в дерево.

— Ты в порядке?

Она смотрит на меня ошеломленно. Ее глаза широко раскрыты. Напугана. Как же она впуталась во все это? Но это жизнь, она утянет тебя на дно независимо от того, насколько ты милый и невинный человек. Я хватаю свой пистолет. Вижу синий седан в кювете на другой стороне дороги.

Я выскакиваю. Все тихо.

Выстрел разрывает тишину. Я ныряю за нашу машину. Он позади своей машины, за блоком двигателя. Только один из нас скоро получит подкрепление, и это не я. Для меня все резко ухудшается, поэтому я атакую его машину, стреляя прямо через дорогу. Отстреливай свой путь. Это отчаянно и смело. Это то, чего он не будет ожидать.

Бегу вперед, один ботинок приземляется на середину капота, и я спрыгиваю прямо перед ним вперед ногами. Парень ожидал, что я нападу сбоку, поэтому перемещается и не попадает в меня. Теперь он подо мной, как растоптанный мешок картошки. Я сгребая его голову и врезаюсь своим лбом ему в нос, прочный удар, который разбивает его лицо и моментально вырубает его.

Он оседает в грязь. Я вытираю его кровь с моих глаз.

Наша машина раздолбана, поэтому я запрыгиваю в его и с визгом делаю разворот, выезжая на трассу прямо возле внедорожника. Я выхожу и карабкаюсь через все еще открытую водительскую дверь. Она там, съезжилась у пассажирской двери. Она не побежала, как я ей сказал. Наверное, в шоке.

— Пойдем, — говорю я.

То, как Эбби смотрит на меня, говорит мне о том, что мое лицо прилично запачкано кровью. Она ощупывает рукой дверь, чтобы открыть ее. Я тянусь к ее запястью, но она слишком пуглива. Срывается с места и бежит вниз по дороге.

Теперь она бежит.

У меня есть работающая машина. Я мог бы вытащить нас обоих. Но парни губернатора уже в пути. Если они поймают ее, и она расскажет им свою историю, то проблемы будут не только у Стоуна и Нейта. Они выяснят, что она что-то значит для меня, раз я не убил ее, полагая, что я трахал ее.

И вскоре ее отрубленные пальцы будут появляться в таких местах, где я вероятнее всего получу сообщение.

Я смотрю на пустынный пейзаж, который в скором времени будет кишить машинами губернатора и грязных полицейских.

Я возвращаюсь к стратегии, потому что она не подводит меня. Что лучше всего сделать? Самая разумная вещь? Пристрелить ее.

Вместо этого срываюсь и бегу за ней по дороге, которая едва шире, чем одна полоса. Догнать ее не проблема. Долгие часы физических упражнений в тюремном дворе или в

камере означают, что я в отличной физической форме. Но оттащить сопротивляющуюся девушку обратно к машине, прежде чем появятся люди губернатора? Придется потрудиться.

Блестящий городской автомобиль появляется вдалеке на дороге. Она бежит, размахивая руками о помощи.

— Нет, Эбби!!!

Она продолжает бежать, и я следую за ней, даже если это безумие. Я мог бы еще успеть вернуться обратно в синий седан.

— НЕЕТ! — ору я. — Не верь им, Эбби!

Она ускоряется, думая, что впереди ее ждет спасение.

Твою мать. Все как раз наоборот.

Машина в нескольких десятках ярдов впереди.

Парень в костюме. Я узнаю его рыжую стрижку и розоватый цвет лица с последнего раза, когда парни губернатора загнали меня в угол. Я не знаю его имени, но это не имеет никакого долбанного значения.

История повторяется, и самое страшное то, что Эбби здесь. Он скрывается за дверь своей машины, пистолет блестит в руке.

— Убирайся отсюда! — кричу я. Она все еще может уйти, это меня он хочет убить.

Пули свистят вокруг моих ног. Я ныряю в канаву и перекатываюсь, отстреливаясь. Он ныряет за дверь машины.

Эбби как олень, застывший на обочине дороги, не совсем между нами, но слишком близко, чтобы это было безопасно.

— Эбби, доберись до синей машины и уезжай, я прикрою тебя. Давай же, ты же хочешь быть свободной, правильно? Уезжай отсюда! Я разберусь с ним.

Таким образом, Рыжая Стрижка поймет ее значимость для меня, но он в любом случае поймет это.

— Беги!

Она просто стоит, вероятно, более шокированная от сказанного мною, чем от стрельбы.

Черт, мне нужно развернуться и самому бежать к седану в то время, пока Эбби стоит там, создавая путаницу.

— Убирайся отсюда! — кричу я.

Именно в этот момент, я полагаю, он понимает, что к чему.

— Это уловка, Эбби, — говорит он.

Когда он произносит ее имя, это ощущается как шипы в моей спине.

— Я позабочусь о тебе.

— Эбби, — кричу я.

Она оглядывается на меня, глаза полные сожаления. Там присутствует и страх, так как она понимает, что это не нормально для парня в костюме — останавливать машину для того, чтобы развязывать стрельбу. Он не представился сотрудником полиции, потому что таковым не является. Ее инстинкт самосохранения говорит ей, что она не в безопасности, но разум отрицает это. Это все из-за меня. Из-за того, что я сделал с ней.

— Мы отправим Грейсона назад, туда, где он должен быть, — говорит человек губернатора, голос спокойный и властный. — Иди сюда, где ты будешь в безопасности.

— Он лжет, Эбби!

Я представляю ее облегчение, когда они возьмут ее под стражу. Она будет думать, что все закончилось. А потом ее ужас, когда они начнут причинять ей боль.

— Ты не должен был делать этого, — говорит она срывающимся голосом, отступая к машине того парня. Она делает шаг по направлению к нему. Затем еще один. Эбби в полутора метрах от машины.

Мое гребаное наказание. Это все, о чем я могу думать сейчас. Ее мягкая плоть втягивает меня. Ее стоны наполняют воздух, как чертова музыка.

Я взял то, что не было моим. И это мое наказание: видеть, как она разрушается.

— Эбби, — я умоляю хриплым голосом.

— В конце концов, ты должен был убить меня, — говорит она, так грустно, что моя грудь болит. Слезы на ее щеке блестят белым на солнце. — Вот как это должно было закончиться.

Беспомощно я стою и наблюдаю, как она поворачивается и бежит к машине, к открытой двери, за которой скрывается парень с короткой стрижкой. Он выскакивает и хватается за шею, прислоняя дуло пистолета к щеке так сильно, что это искажает ее прекрасные черты. Ярость пронзает меня.

Она кашляет и борется, потому что этот трус прикрывается ею как щитом.

Стратегия. Пристрели ее.

Ее крик хриплый.

— Грейсон! — Ее ужас ослепляет меня. Это все, что я могу видеть — он причиняет ей боль, душа ее.

Застрели их обоих. Уничтожь их.

Если бы это была уловка, чтобы привлечь его, то это было бы великолепно. Потому что вот он, как на ладони, только прикрывается ею.

Она царапается в его руках. Он душит ее, и чертова фигня состоит в том, что я почти не могу дышать, и мой пульс стучит так громко, что я не могу думать.

Рыжий говорит:

— Бросай оружие и выходи, руки за головой. Тогда я отпущу девушку.

Он не позволит ей уйти. Он убьет ее по той самой причине, по которой я должен был. Но боль от того, как он медленно душит ее, просто невыносима.

— Помоги мне! — она задыхается, и я не в силах противостоять.

29 глава

Эбигейл

Я тяну его за пальцы, пытаюсь получить доступ к воздуху, царапая его руки, ладони, но ему плевать, он просто сжимает крепче, пока не возникает чувство, будто мои сухожилия отделяются от кости. Даже волоча меня через лес, даже трахая меня, Грейсон не причинял мне такую сильную боль. Дуло его пистолета так сильно вжимается в мою щеку, что я ощущаю во рту привкус крови.

— Грейсон! — мой крик звучит, как шепот на ветру.

«Иди сюда, где ты будешь в безопасности», — сказал мужчина. Ложь.

На этот раз Грейсон говорил правду. Но, выходит, он все время говорил правду.

Сквозь слезы я вижу, как что-то сверкает на солнце в кювете, где укрылся Грейсон. Я смотрю на пистолет, который с громким лязгом скользит по дороге и останавливается в полуметре от нарисованной белой линии.

— Другой, — парень в костюме трясет меня, как будто это легко и просто для него. Он большой парень, почти такой же большой, как и Грейсон, поэтому, думаю, это действительно легко и просто.

В моей голове ужасно гудит, когда он усиливает хватку. Мне не хватает воздуха, я царапаю его пальцы. Еще один пистолет вылетает из кювета на дорогу.

— Все, хватит, — говорит Грейсон. — Она не может дышать, ослабь хватку!

Парень ослабляет хватку на моей шее, и я глотаю воздух. Парикмахерские ножницы, которые я взяла из ванной, лежат на земле у моих ног. Он не видел, как они упали. Я пытаюсь выкрутиться из его рук, но они как камень. Если бы я только могла добраться до ножниц...

Мое сердце сжимается, когда Грейсон поднимается из сорняков, держа руки за головой. Его поза широкая и гордая. И затем он начинает идти к нам.

Он идет за мной. Так же, как он делал раньше.

Мое сердце пропускает удар и все замедляется. Я забыла о руках вокруг моего горла, жжении в моих легких. Я вижу только его. Заимствованная серая футболка демонстрирует его худое, мускулистое тело. У него свирепый вид.

Мужчина снова усиливает хватку на моем горле, и я слышу ухмылку в его голосе.

— Подумать только, какая встреча.

Даже издали я вижу, как меняется взгляд Грейсона: его глаза — сталь. Он пожимает плечами.

— Я сказал, что в следующий раз, когда тебя увижу, убью тебя.

Мужчина тычет пистолет глубже в мою щеку.

— Да, ты сказал это прямо перед тем, как они запихнули тебя в багажник патрульной машины.

Грейсон улыбается, и холод пробегает по моей спине.

— Достаточно близко, — говорит мужчина.

Грейсон не останавливается.

— Я убью ее, — говорит мужчина.

— О, я сам собирался убить ее, — говорит Грейсон, неуклонно продолжая приближаться к нам, как грозовая туча или броненосец.

Я чувствую, как пальцы мужчины сжимаются на моем горле, сдавливая его. Я брызжу слюной.

— Если бы ты собирался убить ее, она была бы мертва, — рычит мужчина.

Я кашляю, но Грейсон не отступает. Я прямо посередине между ними — двумя мужчинами, которые хотят убить друг друга.

— Любой ребенок, который вырос на ферме, знает, — говорит Грейсон, продолжая приближаться. — Ты не должен давать клички животным, иначе их потом трудно убивать. Но ты идешь напролом.

Давать клички животным? Я кручусь и пинаюсь, одной ногой попадаю мужчине по голени.

В один миг руки Грейсона скользят из-за головы, и он держит пистолет, направленный на нас. Я полагаю, он воспользовался тем, что я отвлекла мужчину.

— Насколько я вижу, у тебя есть один выстрел, прежде чем я снесу тебе башку. Как насчет того, что ты пристрелишь ее, я пристрелю тебя, и мы все отправимся на тот свет.

Мужчина начинает тянуть меня обратно к открытой двери машины, но затем, Грейсон

начинает считать.

— Один. Два... — и я знаю, что мы не станем делать этого. — Три.

Пистолет отрывается от моей щеки, и я слышу оглушительный звук выстрела.

В тот момент, когда он отпускает меня, я пчусь назад, держась руками за горло, хватая ртом воздух. Я теряю равновесие и падаю на землю. Затем звучит еще один выстрел, и еще один. Я ожидаю боль, но она не приходит. Кто стрелял?

Встаю на ноги и вижу, что Грейсон лежит, свернувшись на боку и, хватаясь за камни вокруг него, пытается добраться до своего пистолета, который слишком далеко.

Мужчина, душивший меня, стоит на четвереньках, как корова. Он поднимается на ноги и, шатаясь и держась за живот, идет к Грейсону.

Он собирается убить его. А потом он убьет меня.

Выпавшие ножницы блестят на солнце. Я поворачиваюсь и хватаю их. Не думая дважды, я бегу к парню, запрыгиваю ему на спину и втыкаю ножницы ему в шею. Они проникают с тошнотворной легкостью.

Испугавшись, я вытаскиваю их. Мой кулак влажный. Теплый. Он поднимает руку и его пистолет выпадает, затем мы вместе оседаем на землю, но я не отпускаю, он ползет, волоча себя по земле. У меня возникает мысль, что я должна держаться за него, находиться за ним, на его спине, иначе, если он сможет видеть меня, то убьет.

Я едва могу держаться, одна моя рука сильно окровавлена. Замедляясь, а затем ускоряясь, мимо проезжает автомобиль, боковым зрением вижу расплывчатое пятно из металла и стекла, но я не отпускаю. Вот как я убью эту сволочь. Не физической силой. Не боевыми навыками. А никогда не сдаваясь. Вот как я всегда выигрываю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он стоит на четвереньках, а потом просто падает. Я отпрыгиваю от него, руки пропитаны кровью. Кажется, он мертв. Потом я смотрю на Грейсона. Он не двигается.

Что-то пошатнулось у меня внутри. Я знаю, что должна сделать — взять одну из машин. Взять машину и убратсья отсюда, как сказал Грейсон. Добраться до ФБР.

Он стонет.

Прежде, чем успеваю все лучше обдумать, я оказываюсь возле него. Он быстро моргает.

— Черт, — шепчет Грейсон.

— Грейсон, — вся его футболка в крови, лицо залито кровью, но он был в крови еще до того, как в него стреляли. На расстоянии слышен звук сирен. — Ты можешь идти?

Он пытается встать.

— Нет. Иди. Возьми машину. Нет времени.

Синяя машина далеко, но не черный шикарный автомобиль. Если я чему-то и научилась за время, проведенное с Грейсоном, то это брать то, что хочешь. Сейчас он ранен. Я главная.

Я бегу к машине и сажусь в нее. Ключи все еще в замке зажигания. Завожу мотор и проезжаю несколько ярдов к тому месту, где находится Грейсон, проезжаю так, чтобы мои колеса не переехали тело того мужчины... мужчины, которого я убила. Мне, наверное, следует оставить Грейсона здесь. Я должна это сделать. Я выхожу из машины, открываю пассажирскую дверь и подхожу к Грейсону.

— Вставай. — Тяну его за руку, и он хрипит от боли.

— Нет! Другую, — он использует левую руку, чтобы оттолкнуться от земли.

Я хватаю его за левое плечо и помогаю ему, хотя он поднимается почти самостоятельно. До двери всего лишь полметра. Он плюхается на сидение, и я закрываю дверь. Потом я

оббегаю машину, прыгаю за руль и отъезжаю.

Сидение находится так низко, что мне нужно сидеть выше, чтобы смотреть в окно. Я давлю на педаль газа, увеличивая скорость, используя руль не только для того, чтобы рулить, но и для того, чтобы вести меня вперед. Без очков я не лучший водитель, но могу разобрать дорогу: красное пятно — знак «стоп», другие машины.

Он свернулся калачиком на левом боку на пассажирском сидении, макушкой касаясь моего бедра. Такое согнутое положение, кажется, облегчает его боль.

— Черт, детка, — шепчет он. — Ты так красива!

Он бредит.

— Я отвезу тебя в больницу.

— Нет.

— У тебя нет выбора.

Потому что у меня есть сила, хоть я и не чувствую себя сильной. Я просто напугана. Больше, чем когда Грейсон приставил ко мне дуло пистолета и заставил меня помочь ему сбежать. Больше, чем когда-либо.

— Нет...просто... — он затихает. Мое сердце бешено стучит.

— Просто что? — я настаиваю. Есть ли у него план игры на случай, когда он ранен? — Я отвезу тебя в больницу.

— Отель «Брэдфорд», — говорит он резко. — Езжай по федеральной автомагистрали между штатами.

— Ты сумасшедший? А как же твой друг?

— Нет. Нельзя возвращаться туда.

Я смотрю на него. Кажется, он надавливает на плечо. Белый шрам на его широком предплечье блестит от пота и крови. Насколько сильно ему плохо?

— Грейсон?

Единственный звук — звук сирены на расстоянии. Я еду еще какое-то время и снова зову его.

— Грейсон? — он снова не отвечает.

Не оставляй меня одну.

— Не давать имена своим фермерским животным? — спрашиваю я. — Что это за хрень? Выходит, я фермерское животное, которому не нужно было давать имя?

Он издает хриплый звук. Наверное, это смех. Это не успокаивает меня.

— Вот кличка фермерского животного. Как насчет: «Тебе повезло, что я вытащила твою жалкую задницу из всего этого дерьма, после того, что ты сделал» Как тебе такое имя?

Я смотрю вниз. Он улыбается. Возможно, морщась. В любом случае, это лучше, чем когда он теряет сознание. Я хочу, чтобы он был со мной. Мне нужно знать, что он в порядке.

Дорога извивается. Деревья отбрасывают тень на все, на расстоянии трех метров.

— Где федеральная автомагистраль? Я выеду на нее, если ты скажешь мне, где она.

Он тяжело выдыхает, как будто это грандиозная задача.

— В какую сторону мы сейчас едем?

— В какую сторону?

Я смотрю по сторонам на направление солнца. Оно прямо над нами, но я не знаю, какое сейчас время суток. Полдень? Да, полдень. Солнце садится на западе.

— Ээ, мы едем на восток.

— Хорошо, — говорит он, голос тонкий и слабый. — Это то, что нам нужно.

Федеральная на восток отсюда.

— Стоит ли мне увеличить скорость и рискнуть, ты знаешь...

— Нарваться на штраф? Да, твою мать!

— Держись там. Я еду девяносто миль.

Он не отвечает.

— Если в какой-то момент я подумаю, что ты без сознания, то закину тебя в больницу.

Нет ответа.

Не оставляй меня одну.

— Или, я просто передам тебя назад в тюрьму. Заеду в клинику и зарегистрирую.

Я протягиваю руку и касаюсь его темных волос, прилипших ко лбу, в нескольких миллиметрах от моего бедра.

— Понял? Так что оставайся со мной.

— Да, мисс Уинслоу, — слова еле слышны, но они никогда не звучали слаще.

Моя грудь расширяется от облегчения. По своей сути он боец. Воин.

И он боролся за меня.

Никто и никогда раньше не приходил за мной, не боролся за меня. А он это сделал.

Я подъезжаю к перекрестку и убираю ногу с педали газа.

Он ворчит в знак протеста, как будто может сказать, что я замедлилась.

— Хорошо, хорошо.

Проверяю все направления, вокруг никого. Потом я прорываюсь вперед. Пульс стучит в висках.

Сирены не звучат. Ни один полицейский автомобиль не несется ко мне. Вообще ничего не происходит, когда я еду по пустой полосе.

— Я только что проехала знак «стоп».

Приятное возбуждение пульсирует во мне. Я чувствую себя такой живой.

Снова кладу руку на его лоб. Я должна спасти его, потому что мы связаны.

Уголок его рта приподнимается в улыбке. Он осознает... едва ли... Мои губы сжимаются в линию.

Его кожа мертвенно-бледная. И, боже, то, как он свернулся на сидении... в моем горле ком размером с бейсбольный мяч.

Мысленно возвращаюсь в день, когда у моей матери случилась передозировка наркотиками. Я на самом деле звонила в 9-1-1 и делала искусственное дыхание ее безжизненному телу до приезда медиков. Я не смогла спасти ее.

— Грейсон, — слова как шепот. Когда он не отвечает сразу же, его имя монотонно звучит в моей голове. Грейсон. Грейсон. Грейсон. Когда он стал так много значить для меня? Почему я забочусь о нем?

— На север по федеральной автомагистрали. Не останавливайся, — наконец говорит он. Его глаза по-прежнему закрыты, но я знаю, что он имеет в виду машину. Уезжать отсюда. Держаться в безопасности. Продолжать двигаться.

Я цепляюсь обеими руками за руль и увеличиваю скорость. Мои воспоминания возвращаются к прошлой ночи.

Говорила ли я ему остановиться? Я помню вспышки страха и облегчения. Я не уверена, что это значит, кроме того, что он был надо мной. Во мне. Хуже всего то, что я не могу вспомнить, говорила ли ему «нет».

Мои глаза щиплют непролитые слезы, потому что я могла бы заботиться о нем. Уже

забочусь.

— Я говорила «нет»? — шепчу я, это незнание съедает меня.

Он ранен и сейчас находится в полубессознательном состоянии. Это не подходящее время задавать такие важные вопросы. А, возможно, самое подходящее.

Он точно знает, о чем я говорю. Он знает, что здесь важно.

— Не имеет значения, — отрезает он.

Тепло, раскаленное добела, начинает разливаться по моему телу.

Я думаю, это гнев. Или, может быть, возбуждение.

— Конечно, это имеет значение!

Рычащий звук исходит из его горла.

— Это была не твоя вина, понимаешь? Не имеет значения, сказала ли ты «нет». Не важно, что правильно, а что нет. Ты делаешь все для выживания. Только это имеет значение.

Он говорит все на одном выдохе, рукой надавливая себе на плечо. Другая его рука поднимается, как будто он мог бы дотянуться до меня.

До прошлой ночи он мог бы держать мою шею в этом собственническом, контролирующем захвате, который он использует, чтобы направить меня. И я думаю, мало что изменилось. Секс не гарантия нежности. Может быть, я не хочу, чтобы было так. По крайней мере, когда он холодный, жестокий и сильный, — он живой.

Я сжимаю руль.

— Куда мы едем? Куда я везу тебя?

— Отель «Брэдфорд»... конспиративный дом... в двух часах отсюда. Доберись до федеральной и езжай на север.

Мне действительно нужно будет прищуриваться, чтобы разглядеть знаки.

Он сильно прижимает кулак к дверце бардачка, костяшки пальцев побелели. Я чувствую ответную реакцию в моем желудке.

— Южный Франклин-Сити. Гедни-стрит 176.

Проживешь ли ты так долго? Я не могу задать этот вопрос.

Мне кажется, он все равно услышал его.

— Что бы ни случилось, не останавливайся. Просто оставь меня там и уезжай.

— Отель — это твой конспиративный дом? Грейсон?

Его состояние ухудшается. Думаю, если он умрет, то я буду продолжать двигаться дальше постоянно. На север, мимо их отеля. Мимо канадской границы. Я буду ехать напрямик в Северный Ледовитый океан, потому что я не могу иметь дело с еще одним мертвым телом рядом со мной.

Но, благодаря дневному свету, освещающему его тело через окно, я вижу, как его широкая грудь вздымается и опадает. Я вижу это даже краем глаза. Он жив... пока.

Боже, мы отличная пара... оба, спотыкаясь, бежим от своего прошлого. Но нам это не удастся. Вот что я выясняю, пока еду в роскошной машине рядом с этим безумным мужчиной.

Я не могу убежать от своего прошлого. Я застряла в том фильме «День сурка», где обречена повторять свои ошибки снова и снова, пока не сделаю все правильно. Это означает поддерживать в нем жизнь.

И после этого? Я не знаю. Я никогда не продвигалась так далеко.

Мы едем в течение часа. Когда я сытая и отдохнувшая, двухчасовая езда — ерунда. Может, мои ноги немного затекают или что-то в этом роде. Но сейчас в моей спине чувствуется какое-то мышечное уплотнение. Руки фактически дрожат на руле. Глаза устали из-за того, что я без очков. Все, что меня окружает, становится размытым. И нам нужно заправиться бензином. Это то, что, в конце концов, заставляет меня остановиться. Я подъезжаю к заправке. Этого достаточно, чтобы разбудить Грейсона.

— Мы уже на месте? — бормочет он, и звучит так, как сердитый ребенок, которому я должна улыбнуться.

— Не совсем. Что собой представляет конспиративный дом, отель «Брэдфорд»?

— Забрось меня туда и уезжай. Не оставайся.

Какое-то время он то приходил в сознание, то снова его терял. Он объяснял короткий путь. Мне удалось найти Гедни-стрит на карте, хотя я не знаю, могу ли доверять его бормотанию по поводу адреса. Отсюда я могу видеть автоматы с содовой и банкоматы, находящиеся в центре магазина. Он не выглядит приветливым. На самом деле, это именно то место, которого я бы избегала в пользу более чистых и ярких магазинов. Но либо это место, либо мы останемся без бензина.

— Тебе что-нибудь нужно? — спрашиваю я.

— Возможно, нужен бензин, — ворчит он.

— Спасибо, Эйнштейн, — говорю я. — У тебя есть деньги?

— Не достаточно, — шепчет он.

Мы не очень далеко уедем с половиной галлона. Я прищуриваюсь возле окна, пытаюсь прочесть парня внутри. Не так много могу сказать. Это наполовину деревенская заправка. У меня есть некоторый опыт закладывания вещей, когда денег недостаточно.

Я кладу руку себе на шею.

— У меня есть это. Он чего-то стоит.

Его взгляд устремляется в зеркало заднего вида. Он двигается, как будто хочет сесть, потом вздрагивает.

— Лежи, — ругаю я. — Но он не смог бы встать, даже если бы хотел. — У меня все под контролем.

— Где мы?

— Кэппелсвилль.

— Нет, — шепчет он.

— Бриллиант. Это универсальный язык.

Я приглаживаю волосы, пытаюсь придать себе более цивилизованный вид.

— Возьми пистолет.

— И вот именно в этом разница между тобой и мной. Я не веду себя как пещерный человек.

Больше не веду, во всяком случае.

Он протестует, но я не должна слушать. Выбираюсь из машины и закрываю дверь.

— Я отношусь к людям так, как я бы хотела, чтобы относились ко мне.

Я бросаю на него взгляд. Он точно знает, о чем я говорю.

Грейсон нащупывает пистолет на сидении рядом со своей головой. Твою мать, он едва может двигаться. Острая боль страха пронзает меня.

Я оборачиваюсь и иду в тусклую маленькую заправку, злясь на себя.

Как я попала сюда? Я выплатила свои долги. Поступила в колледж. Я не та девушка, которая притворялась, что звонит в 9-1-1 и смотрела, как человек умирает. Я не та девушка, которая крада еду из магазина на углу или выуживала банкноты из кошельков друзей-наркоманов своей мамы.

Это больше не мой мир. Черт возьми.

В центре магазина парень просматривает порно журнал. Он большой и бородатый, будто не может толково побриться, и носит толстые очки в проволочной оправе, также не делает никаких попыток, чтобы скрыть пикантную обложку от меня. На самом деле, он бросает на меня быстрый изучающий взгляд, не оставляющий сомнений относительно его мыслей.

Прекрасно.

Я принимаю деловой вид.

— У меня, кажется, заканчивается бензин. И наличные. — Я поднимаю маленький кулон с бриллиантом на цепочке. — Вы были бы готовы поторговаться?

— Я был бы готов. Но не за кулон.

— Он стоит несколько сотен долларов. — Я снимаю его. — Вы бы выручили приличную сумму.

Он смотрит на меня как паук, который присматривается к мухе. Я понимаю, что он видит: одинокая женщина на пустынном участке шоссе. Грязная. Отчаявшаяся.

— Это то, что я предлагаю. Вам не нравится... — я пожимаю плечами. — Кто-нибудь другой увидит, что это выгодная сделка.

— Я больше никого не вижу вокруг, в том-то и дело, — настаивает он. Он намного больше меня. — На протяжении миль вы не найдете другой заправки. Как насчет тебя на коленях здесь? Пятнадцать минут, — добавляет он, как будто этого было не достаточно. — Пятнадцать минут за весь бензин, который мы сможем залить в твой маленький бак.

Этот парень отвратительный. И я говорю не только о запахе, исходящем от него.

— Бриллиант или ничего.

Его глаза перемещаются в сторону. Я следую за его взглядом, и вижу то, что может быть незаметным для большинства людей. Кое-что из полированного дерева. Я точно знаю, что это. Ружью. Любимое оружие продавцов повсюду, отличная сила останавливать и бить. Может быть, он думает, что может получить и бриллиант, и свои пятнадцать минут.

Но без сделки.

Странное чувство вспыхивает во мне — тепло, растекающееся по шее и заполняющее глаза. Это не гнев, что-то другое. Как же мне надоели люди, которые думают, будто я слабая маленькая девочка. Помыкающие мной люди.

Я не боюсь его. Я зла.

Разворачиваюсь и бегу к машине, оббегаю ее и тянусь за пистолетом через открытое окно, хватаю его как раз в тот момент, когда парень появляется в дверях магазина. Грейсон свернулся на боку, глаза закрыты. Без сознания? По крайней мере, он вне поля зрения.

Я присаживаюсь позади машины и жду. Я раньше никогда не стреляла из такого пистолета, но знаю как. Парень с заправки выкатывается вместе со своим ружьем. Я позволяю ему подойти ближе, затем спускаю курок.

Промазываю, как и намеревалась. Он останавливается. Мое сердце ускоряется... Я чувствую себя в какой-то степени хорошо.

— Не двигайся! — говорю я, удивляясь, насколько спокойно звучит мой голос.

Он поворачивается и бежит обратно к магазину.

Я стреляю снова, разбивая окно.

— Стоять!

Он замирает.

— Брось его вниз! — Конечно, он не слушает. Это было бы слишком просто. — Я клянусь, я пристрелю тебя, ты думаешь, нет?

— Хорошо, сучка.

Он отбрасывает ружье в сторону и поднимает руки вверх.

Меня трясет от страха, гнева и чего-то еще. Чего-то, что ощущается дико и неконтролируемо. Власть. Это то, что чувствовал Грейсон, когда сбежал из тюрьмы?

— Теперь ты собирался заправить мою машину.

— Мне следовало бы вернуться и ввести код разблокировки, — кричит он. — Код разблокировки!

Дерьмо. Это выглядит как какой-то трюк. Я решаю, что не могу ему позволить вернуться туда. Но что делать? Что бы Грейсон сделал?

Я отхожу на несколько шагов от насосной зоны и черчу Х ногой на открытом гравии.

— Ложись вниз, прямо сюда, руки и ноги в стороны, иначе я тебя убью!

Я немного отодвигаюсь от Х, расставляю ноги в стороны и целюсь ему в голову, при этом трясусь как сумасшедшая. Не знаю, была ли я убедительна, но он идет слишком медленно, тратя время. Он чувствует мой страх.

— Ты хочешь, чтобы я убила тебя, мистер Пятнадцать минут? Ты идешь вперед и извиняешься.

Это ускоряет его.

И тут меня осеняет как я веду себя. Будто это всегда сидело где-то внутри меня.

Уверенный приказ, напускная храбрость, чтобы не подпускать их близко. Таким способом моя мама однажды осадила большого дилера.

Он падает на землю, прямо на мою букву Х, как я и говорила ему, смотрит на меня полным ненависти взглядом через толстые линзы. Возможно, он тоже просто ждет своего шанса.

— Дай мне свои очки, — говорю я.

Он хмурится. Я чувствую, как повторяю поведение Грейсона. Я не забыла, насколько уязвимой я себя чувствовала, когда он забрал мои очки.

Мне также нужно видеть его кассовый аппарат.

Он снимает их и бросает мне.

Кирпич подпирает открытую дверь. Я подхожу, хватаю его и бросаю в другое окно с зеркальным стеклом.

— Это чтобы пуля не замедлялась, когда я выстрелю в твою жалкую задницу, если ты двинешься с места.

Я залетаю внутрь, за кассовый аппарат. Здесь видеосъемка. Дерьмо! Но потом я вижу, что лампочка записи даже не включена. Хорошо. Дыши.

Его очки слишком сильно увеличивают, от этого у меня почти кружится голова, но они увеличивают слова, когда я наклоняю их определенным образом, а это все, что мне нужно. Я ударяю по кнопке no sale на кассовом аппарате, но он не открывается. Я колочу по ней.

Ничего.

Выглядываю наружу. Он все еще там, на моей Х. Я почти не могу поверить в то, что он остается там, где я ему сказала. Должно быть, я более убедительна, чем думала.

— Ни одного движения! — кричу, просто, чтобы быть уверенной.

Наконец-то я вижу его — код, приклеенный к окну — 356. Я ввожу цифры, ударяю по кнопке по sale, и кассовый аппарат открывается. Я забираю деньги, рассматриваю панель с кнопками, выступающую из консоли, нахожу вторую колонку и устанавливаю ее на тридцать галлонов. Свет продолжает гореть. Я убираю очки с лица, подбегаю к машине и жду, пока заполнится бак, сердце колотится в груди.

Бегу обратно и упаковываю сумку с водой и всем необходимым для оказания первой помощи. Рассматриваю моток веревки, покрытой пластиком, на одной из витрин, думая связать ею парня, но не смогу сделать это сама. Я должна буду опустить пистолет, и тогда он точно меня одолеет. Но он вызовет полицию, как только мы уедем. Если только не решит самостоятельно преследовать нас.

Колени дрожат, мой взгляд задерживается на цепочке для ключей. Там старый «Форд», припаркованный сбоку здания. Его? Должно быть! Я хватаю ключи и устремляюсь на улицу. Ключи подходят. Я открываю багажник. Он полон инструментов, которые я бросаю на землю.

— Иди сюда, залезай в багажник или умрешь.

Я смотрю, как он перебирает в голове возможные варианты. Это прохладный весенний день. Он будет в порядке в этом багажнике, пока кто-нибудь не придет за ним. Или он может рискнуть и связаться с сумасшедшей.

Парень выбирает багажник.

— Сука! — бормочет он, когда затаскивает свою задницу внутрь.

Он впивается в меня взглядом, и я наблюдаю себя его глазами. Это как будто какой-то опыт выхода из собственного тела.

Это действительно я закрываю кого-то в багажнике? Я снимаю его очки со своей головы. Смотрю, как он наблюдает за ними. Они, вероятно, особые, и потребовалось много времени, чтобы их изготовили. Он нуждается в них. Возможно, Грейсон бы разбил их, просто, чтобы держать парня слабым. Грейсон думает, что в жизни есть только два варианта: слабые и сильные.

К черту это! Я бросаю очки. Он ловит их, и я закрываю багажник.

Именно сейчас я знаю, что никогда бы не зашла так далеко, как Грейсон.

Две минуты спустя я выезжаю на дорогу. Грейсон все еще без сознания.

Время принятия решения. Больше никакого страха или адреналина. Больше никаких побегов, если за мной кто-то гонится. Больше никаких реакций. Я просто должна решить, чего хочу. Я должна решить, действительно ли я везу его в конспиративный дом.

Ведь почему бы мне не оставить его в больнице? Почему бы мне не отвезти в ближайший офис ФБР? Он сам говорил мне, что убил копа. Он трахал меня, когда я не контролировала ситуацию. Он заслуживает быть за решёткой, даже больше, чем я.

Но когда я представляю, как высаживаю его, это ощущается, как своего рода потеря.

Я думаю об острой потребности в его голосе, когда он прижимал меня к стене в спальне. О желании, когда он говорил мне, что я совсем его не знаю, хотя имел в виду противоположное. Думаю о том, как он пришел, чтобы забрать меня из участка. Я должен был вытащить тебя отсюда, сказал он.

Я тоже чувствую это — связь между нами безжалостная, как колючая проволока.

Я прикасаюсь к его мягким, темным волосам. У него плохой цвет лица, но он все еще дышит, и я думаю, возможно, кровотечение остановилось, потому что кусок ткани, которым он зажимал рану на груди, не полностью пропитался, хотя он держал его там какое-то время.

— Грейсон?

Долгая тишина, и я едва могу дышать. Я кладу руку ему на плечо. Он ворчит.

Мое сердце парит, потому что он все еще борется.

— Я везу тебя домой.

Уже стемнело, когда мы въезжаем во Франклин-сити. Когда-то это был развивающийся промышленный мегаполис, а теперь, всякий раз, когда его показывают в новостях, то говорят о том, насколько он разрушен, о покидающих его людях и отсутствии финансирования. Мы проезжаем по центру города, который кажется таким блестящим и современным, но потом, когда я поворачиваю на юг, к Гедни-стрит, пейзаж меняется на постапокалиптический.

Большинство фонарей перегорели или сломаны. А те, которые все еще работают, освещают заброшенные дома, окруженные забором из цепей, у многих из них заколочены окна первых этажей. У некоторых целые этажи заложены цементными блоками. Некоторые наполовину осыпались вниз, а их окружают и прорастают в них деревья и кустарники. Много из этого выглядит просто размытыми темными пятнами.

Я начинаю задаваться вопросом, правильный ли адрес назвал мне Грейсон. Это не то место, где кто-то когда-то держал бы отель. Хорошо ли я вижу знаки? Иногда семерки выглядят как единицы.

Я проезжаю мимо темных фигур, столпившихся возле костра из мусорного бака.

Блокирую двери.

Я устала. Устала настолько, что даже не осознаю прямо ли я еду, но не могу остановиться. Мне нужно, чтобы Грейсон очнулся, и чтобы с ним все было в порядке.

И, наконец, я подъезжаю к Гедни-стрит. Понятно, что раньше это была большая улица. Теперь здания заколочены и наполовину обвиты виноградной лозой.

На самом деле, эта улица выглядит намного страшнее, чем другие. Так или иначе, здесь много свободного пространства между домами, заросшего деревьями и заполненного металлоломом — возможно, старыми машинами. Я не могу сказать. Даже луна, кажется, светит здесь менее ярко.

Я замечаю адрес: 345. Уже близко. Или это 845?

Кладу пистолет себе на колени. Не могу поверить, что веду себя таким образом — всего пару дней назад я бы не прикоснулась к пистолету. Пару дней назад я отвергала все, что связано с таким образом жизни, отвергла все, что касалось его.

Наконец, добираюсь до Гедни 176. Это пятиэтажное каменное здание на углу, окруженное забором из цепей. Окна и двери вдоль первого этажа заколочены и разрисованы граффити, как и большинство зданий здесь, но верхушка этого богато украшена. Здесь даже есть башня, как у замка. Архитектура старого стиля. Когда-то это место было прекрасным. Здесь есть старинный, на вид винтажный, знак, находящийся над некогда величественным арочным входом. Большинство букв отвалилось, а те несколько, что остались, предположительно формируют надпись «Брэдфорд» и что-то там еще... Отель, наверное?

Отель «Брэдфорд».

Я замедляю автомобиль. Понятно, что здесь никто не живет. Место выглядит заброшенным, как и все в радиусе десяти миль вокруг. Я знаю, адрес правильный, он большими цифрами обозначен на фасаде.

— Грейсон, — когда он не отвечает, меня охватывает паника. — Грейсон!

По-прежнему ничего. Я сжимаю руль. У нас все еще половина бака, но больше некуда ехать.

Я заворачиваю за угол здания и глажу его по щеке.

— Грейсон!

Он бормочет.

— Я на Гедни-стрит 176, и это неверно. Здесь ничего нет!

— Все верно. «Вход воспрещен», — говорит он. — Найди надпись «Вход воспрещен». Громко постучи и оставь меня там.

Это бессмысленно. Я объезжаю здание сзади, через аллею. Дрожь ползет вверх по моему позвоночнику. У меня такое чувство, будто за мной наблюдают, но вокруг никого нет. Нет машин, которые проезжают мимо.

— Здесь ничего нет, — говорю я. — Ничего.

— «Вход воспрещен», — говорит он.

Я нервно смотрю по сторонам, представляя полчища полудиких людей, которые спускаются сверху на нашу красивую, блестящую машину, как в «Безумном Максе».

Я должна вытащить нас отсюда! Я как раз думаю о том, чтобы вернуться в обитаемую часть города, как вдруг мои фары освещают металлическую надпись.

При прошлой жизни она гласила: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!», но временем некоторые буквы отпали, и осталось «ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Я останавливаюсь. Это то, что он имел в виду? «Вход воспрещен». Может быть, они незаконно занимают это здание, и это их конспиративный дом. Люди поступают так, не правда ли? Преступники поступают так. Хотя я не представляю, как кто-то мог бы войти. Машина в нескольких метрах от ворот. Он сказал громко стучать.

Я нервно осматриваюсь и на дрожащих ногах выбираюсь из машины, тарабаню в дверь и затем бегу обратно в автомобиль, запрыгиваю в салон и блокирую двери.

Ничего.

Я должна вернуться назад. Но куда?

Склоняю голову на руль — я так измотана и боюсь за Грейсона.

Мне нужно принять какое-то хорошее решение для него, но все мои варианты имеют плохие последствия.

Тук. Я рывком поднимаю голову и смотрю, как кто-то пытается разбить окно машины со стороны Грейсона. Одной рукой я достаю пистолет.

Тук. Тук. Он стучит в окно.

— Эбби!

Я смотрю пристальнее. Мужчина наклоняет лицо ближе. Это мужчина, которого мы встретили после побега, — Стоун. Короткие, черные как смоль волосы и ярко-зеленые глаза. Шея толстая, как ствол дерева, и чертовски мрачный взгляд. Тот, кто хотел, чтобы я умерла.

Он громко стучит в окно, и я открываю дверь, тяжело сглотнув. Он не будет по-прежнему желать моей смерти, или будет? Но у меня нет выбора, Грейсону нужна помощь.

Парень рывком открывает дверь и приседает рядом с Грейсоном, заталкивая свой

пистолет за пояс.

— Какого черта произошло?

— В него стреляли.

— Черт!

Он прикасается к горлу Грейсона.

— Дружище? Эй! — он свистит через плечо, и другой парень появляется рядом с ним, проверяя Грейсона. Этот парень-блондин, мускулистый как Стоун и Грейсон, но волосы длиннее. Он делает короткий звонок, затем они вытаскивают Грейсона из машины и подпирают его между собой, Стоун зажимает рану.

Темная фигура тянется к забору из цепей.

— Нужно убрать эту машину нахрен отсюда. Звони Нейту. Пусть доберется по воздуху!

Другой парень подходит и дергает открытую дверь со стороны водителя.

— На выход!

Их слишком много. Какую-то часть моего страха за Грейсона отталкивает в сторону страх за себя.

— Мне нужна эта машина, — говорю я.

— Следуй за ними. Шевелись!

Парень указывает пистолетом. Следовать за ними кажется мне не многим лучше, чем оказаться самой на темной улице, поэтому я следую за Стоуном и блондином. Машина отъезжает назад, туда, где они, должно быть, ее припаркуют.

— Как давно? — рывкает Стоун, пока я следую за ними через щель в заборе.

— Чуть более двух часов.

— Иисус!

— Он не хотел ехать в больницу.

— Твою ж мать, — рычит он.

Я следую за ними, стараясь не споткнуться о куски бетона — отвалившиеся части архитектуры. Мы направляемся через какой-то толстый плющ, и кто-то отодвигает в сторону деревянную доску и толкает, открывая дверь из кованого железа.

Кругом темно. Кто-то переставляет доску на место и светит фонариком.

Я замечаю куски оторванных обоев, мускулистых предплечий, пистолетов, толстых шей, поношенной обуви, рядом с которыми мы проходим. По близости гремят цепи.

— Вы не могли нам позвонить? — мрачно бурчит Стоун, закипая.

— Нет, — я огрызаюсь. — Мы спасались бегством, я не знаю твой номер, и он бредит. Нет.

Трое из них объединили усилия вместе, чтобы протащить его через темное пространство.

Кто-то открывает дверь, и я следую за ними в более освещенное и обжитое помещение.

Эти ребята примерно одного возраста с Грейсоном, если не старше.

Они не тот вид парней, которых я знаю в обычной жизни. Как измученные боями варвары или что-то в этом роде. В них присутствуют солдатские качества. Средневековые. Пещерных людей. Но они обращаются с Грейсоном заботливо и осторожно. Я чувствую себя благодарной им за это.

Блондин проходит мимо решеток и ведет нас вверх по ступеням. Мы проходим два лестничных пролета вверх. Я съеживаюсь от того, как они, должно быть, задевают рану Грейсона. Не то чтобы я могу возражать.

Мы попадаем в комнату, тускло освещенную лампой в углу. Помещение выглядит лучше: вокруг мрамор, изделия из дерева. Здесь даже уютно, есть мебель и ковры. Затем я вижу, как что-то блестит в дальней стороне, и я ловлю взглядом ряд автоматического оружия. Есть раковина с одной стороны — металл выглядит блестящим и отполированным. Возможно ли, что здесь функционирует водопровод? Хотя, по видимому, здесь есть электричество, потому что в дальнем углу я вижу множество компьютеров и другой техники, светящиеся синие и зеленые неоновые технологии, несочетаемые с винтажным пространством.

Парни опускают шторы и закрывают окна. Трое мужчин укладывают Грейсона на стол. Блондин приносит пару ламп и закрепляет их чем-то на потолке. Я улавливаю вспышку белого на его предплечье. Пугающая метка Грейсона. И ни у кого из них нет татуировок, так же как и у Грейсона. Он регулирует свет, делая неподвижного Грейсона центром внимания, его лицо наполовину ослепленное, наполовину спрятано в тень.

— Дружище, — Стоун хлопает его по щеке. — Грейсон, эй.

Хватает не раненое плечо Грейсона, встряхивая его.

Грейсон бормочет.

— Один? — спрашивает блондин. — Выстрел был один? — рывкает он.

— Думаю да, — говорю я. — Это произошло быстро. Это был один из парней губернатора, так сказал Грейсон. Когда он еще был в сознании.

Лицо блондина мрачнеет, его ноздри трепещут так, будто он вдыхает в себя ненависть, как будто хочет убить кого-то голыми руками, что он мог бы легко сделать, судя по их размеру. Потом он становится на колени рядом со Стоуном и кладет руку на лоб Грейсона, и это самый нежный жест, который я когда-либо видела.

— Нейт на подходе, Грей, хорошо? — говорит он. — Эй, — он мягко шлепает по щеке Грейсона, побуждая его прийти в себя.

Я рада видеть, что Грейсон реагирует. Все еще в сознании, хоть и с трудом. Я оглядываюсь по сторонам, обнимая себя. Вещи в комнате старые, простые, но чистые. Это на грани фантастики — красивое место посреди городской зоны войны.

Как дом для потерянного племени парней.

Стоун и блондин находятся возле Грейсона, очищая рану. Он называет блондина Колдером, и, кажется, они знают, что делают. Я не хочу оставлять его, но мне начинает становиться страшно. В конце концов, Стоун хочет, чтобы я была мертва, я с трудом могу забыть то, что он сказал на стоянке, и Грейсон не совсем в состоянии помочь мне сейчас. И он знает, где найти меня, если я смогу вернуться.

— Он холодный, — рывкает Стоун, и кто-то уходит, по-видимому, чтобы найти еще одно одеяло. Прошло некоторое время с того момента, как они вызвали Нейта, чтобы он добрался по воздуху.

У него есть вертолет? Все ветеринары такие?

— Где машина? — спрашиваю я.

— Спрятана, — говорит Колдер.

Я медленно двигаюсь назад, тем путем, которым мы пришли сюда. Мне не нравится идея выходить в тот страшный и темный район, но я думаю, лучше встретить людей, которые могли бы убить меня, чем оставаться с кем-то, кто абсолютно точно хочет меня убить.

У меня есть пистолет, но что-то подсказывает мне, что одного пистолета и напуганной девушки недостаточно, чтобы превзойти эту группу.

Колдер потирает руки над своими светлыми волосами и смотрит на меня. Я прекращаю двигаться и пытаюсь выглядеть невинно, а не так, как будто пытаюсь что-то сделать тайком. Приходит высокий парень и заправляет одеяло вокруг Грейсона. Я незаметно продвигаюсь к лестнице, собираясь прорваться. Затем Стоун оборачивается и спрашивает меня, как выглядел этот парень. Как выглядел пистолет. Я рассказываю ему.

Колдер тянет его в сторону и говорит с ним шепотом. Он отвлекается. Я бросаю взгляд на выход. Теперь мой шанс?

Стоун бросает на меня мрачный взгляд. Мое сердце трепещет от инстинктивной тревоги.

— Куда-то собралась?

— Мне нужно воспользоваться уборной, — говорю я, пытаюсь выглядеть обычно. — Где она? Если ты просто скажешь мне...

Стоун и Колдер обмениваются взглядами.

— Я покажу тебе.

Наблюдая за мной, Стоун толкает меня вглубь зала, в небольшую маленькую ванную комнату без окон, выложенную старомодной плиткой, которая блестит в тусклом свете. И он остается там, я могу сказать это, судя по тени от его ботинок под дверью. Он думает, я буду искать спасения бегством. Я видела его, и также видела блондина — Колдера.

И двоих других парней. Я знаю, что отель «Брэдфорд» — это их конспиративный дом. Они не позволят мне жить.

Я брызгаю водой на лицо и пью немного из крана.

Стоун даже не утруждает себя отойти в сторону, когда я выхожу. Он загораживает мне путь:

— Пистолет, — он протягивает руку.

— Прости?

— Отдай его, или я возьму его сам.

— Он мой.

Он хватается меня за запястья, закручивает мне руки за спину и толкает лицом к стене, как полицейский.

— Эй! — кричу я. Он собирается убить меня прямо сейчас? Мой пульс бешено стучит. Внутри я дрожу, но я тоже зла.

— Если ты беспокоишься насчет меня, то, смотри: это я привезла Грейсона сюда, я содействовала и помогала беглецу в каждом шаге, так же, как и вы. Я, возможно, нарушила даже больше законов, чем вы. Ты не должен беспокоиться по поводу меня, хорошо? Ваш секрет в безопасности со мной, клянусь.

Мой голос звучит громко. Испуганно.

Стоун практически вырывает пистолет из-за моего пояса.

— Прости, но ты — угроза. Ты ничего не можешь с этим поделать.

— Что?

— Ты ничего не можешь с этим поделать, — повторяет он.

Он удерживает оба моих запястья за спиной одной рукой. И я чувствую, как что-то твердое прижимается к моему затылку.

— Мы совершим небольшую прогулку.

Я пытаюсь вырваться, но он готов к этому.

— Нет! Я спасла ему жизнь! Грейсон хочет оставить меня в живых!

— Вот почему я должен убить тебя, — бормочет он.

Я дергаюсь и дергаюсь, но он силен, как скала. Слезы заполняют мои глаза.

— Я спасла ему жизнь!

Он наклоняется ближе к моему уху.

— Как его подстрелили?

— Парень губернатора собирался застрелить меня, а Грейсон пытался остановить его. Он не хотел, чтобы меня застрелили! Он хотел, чтобы я жила.

— Именно! Если бы не ты, он не лежал бы сейчас полуживой на столе.

Мое сердце ухает в желудок. У меня нет никакой защиты от этого. Если бы это не было из-за меня, если бы меня там не было, то Грейсона бы не подстрелили.

— Ты угроза. Ты делаешь его слабым. Поэтому, делаешь слабыми нас всех. Я не хочу убивать тебя. Я не убиваю ради удовольствия. Но ты запудрила ему мозги.

Он дергает меня от стены и тянет к темной лестнице.

— Нет! — я пинаю его и пытаюсь вырваться. — Нет! — Мне никак не удастся оторваться от него. Он делал это раньше. — Грейсон хочет, чтобы я жила.

— Да, да, да, но позже он мне скажет спасибо.

Поблагодарит ли?

Когда я думаю о смерти, то я думаю о том, что больше не увижу Грейсона. Как будто я только что пересекла границу и каким-то образом оказалась в волшебной стране, темной и замечательной, и я не хочу терять это сейчас. Я не хочу терять мою связь с Грейсоном.

— Мы вместе. Я принадлежу ему! — я не осознавала, насколько это правдиво, пока не произнесла это вслух. — Я принадлежу ему, а он мне.

— Нет, дорогая, — Стоун рычит мне в ухо. — Он принадлежит нам. Мы его команда. Не ты. Просто то, что он трахал тебя, не делает тебя его.

Он тащит меня вниз по лестнице. Зона парковки, я так понимаю. Здесь тусклый свет и я могу разобрать примерно около дюжины машин, которые накрыты какой-то тканью. Интересно, машина, на которой я приехала, тоже здесь? Даже если это так, у меня больше нет ключа. Плюс ко всему, Стоун держит меня нерушимой хваткой. Единственное оружие, которое у меня осталось, — это мой голос. Я оглядываюсь вокруг, отчаянно пытаюсь задержать его. Я узнаю одну из эмблем на бежевой ткани, которой покрыты машины. Это маленький щит. Я даже не помню марку машины, но она дорогая. Машина, которая не по карману этим парням.

— Это твои? — я ловлю ртом воздух.

Стоун замирает.

— Не заговаривай мне зубы...

— Что это за место?

Автомобили выглядят дорогими. Разной формы, некоторые как крошечные с низкой посадкой. Другие массивные и квадратные. И все, о чем я могу думать, как заставить его продолжать разговор. Что угодно, лишь бы не дать ему пустить мне пулю в голову.

— Вы продаете их?

Он фыркает.

— Они наши. Так же как и это место, и все, что ты видишь.

— Но вы не ездите на них.

Шины, которые выглядывают из-под покрывал, сверкающе черные, с глубокими протекторами. Не использованные.

— Мы не можем водить их. Они привлекают слишком много внимания.

— Так почему вы купили их?

— Для красоты, — он огрызается. Затем его голос смягчается. — Это не сработает дорогая. Твой отвлекающий маневр.

Слеза стекает по моей щеке.

— Я могу быть чем-то таким для Грейсона. Чем-то, что он может держать у себя.

Может, это жалко, сравнивать себя с машиной. Когда ты сталкиваешься со смертью, достоинство значит не так уж и много.

Он качает головой. Вздыхает. Поднимает свой пистолет, и я пытаюсь вывернуться. Я должна была умчаться. Должна была уехать прочь, когда у меня был шанс.

— Он спас мне жизнь. Он не хочет, чтобы я умерла.

— Стой! — говорит холодный голос. Появляется Колдер. Он выглядит так, как будто собирается на бой. Злобный Викинг. — Ты не можешь.

— Она заложница, — говорит Стоун. Я ударяю Стоуна, но он каким-то образом удерживает меня. — Мы не держим заложников.

Выражение лица Колдера невозмутимое.

— Нейт хочет, чтобы она помогала.

— Он здесь?

— Да, и он спрашивал о... — Колдер указывает головой на меня.

— Я буду чертовым помощником, — говорит Стоун.

— Твои пальцы слишком большие. Так же как и мои. Он говорит, что пуля была холостая. Все осталось внутри. Ему нужны маленькие пальцы. Там тонкая работа.

Стоун ругается.

— Он будет в порядке? — спрашиваю я.

— Заткнись! — рявкает Стоун.

— Пойдем, — говорит Колдер. — Он хочет ее продезинфицировать. Мы убьем ее позже.

Стоун просто меняет направление, увлекая меня обратно, вверх по лестнице.

Я стараюсь отстраниться.

— Пошел ты! Я помогу, хорошо? Отпусти меня.

Он отпускает меня и целится оружием мне в голову.

— Если он умрет, ты умрешь. Медленно.

— Пошел ты, — говорю я. Я в любом случае умру. Его маленькая демонстрация в гараже хорошо это доказывает.

Я достигаю ярко освещенной главной комнаты. Сердце колотится.

Они разорвали футболку Грейсона. Его грудь залита кровью. Некоторые участки блестящие и липкие. Долговязый черный человек прикрепляет еще одну лампу к люстре, и когда он поворачивает ее, становится видно, насколько бледное у Грейсона лицо.

— С ним все будет в порядке? — спрашиваю я.

— Увидим, — говорит мужчина, и я узнаю голос — это Нейт. — Ты пила или что-нибудь в этом роде? Подвержена тошноте? Или слишком расстроена? — спрашивает он.

Я смотрю на Грейсона. Его глаза полуоткрыты, как будто он сражается за то, чтобы остаться в сознании.

— Я в порядке. Я могу сделать это.

— Если он умрет, тебе крышка, — говорит Стоун из-за моей спины.

— Заткнись! — Нейт рявкает на Стоуна.

Он снова поворачивается ко мне.

— Ты в состоянии помочь? Я серьезно. Если ты слишком эмоциональна, то ты мне не помощник.

— Я в порядке, — говорю я, вытирая слезы. — Просто переживаю. Стоун фыркает, как будто мне не верит.

— Эй, хватит, мне нужно, чтобы она сфокусировалась. Ты можешь вынести вид крови, верно?

Стоун приблизился ко мне.

— Не облажайся.

Я поворачиваюсь к нему, обозленная, поверженная и испуганная за Грейсона, как будто все беспокойства последних часов накатываются на меня.

— Ты не знаешь меня. У тебя нет никакого чертового представления об этом.

— Нет, это ты не имеешь гребаного представления.

Мудак.

Я оставляю его стоять там. Возле стола, под кругом света, Нейт говорит мне надеть перчатки и держать зажим над веной. Я помогаю ему, пораженная тем, что мои руки не трясутся. Я чувствую, как дрожу внутри, или, по крайней мере, в своей голове. Я дышу, сосредотачиваясь, выполняя его указания, благодарная детству, проведенному в латании ран матери, после того, как ее избивали.

Я не напугана насилием, кровью или даже иглами. Колдер стоит напротив нас с кипой супер впитывающих салфеток. Его работа — впитывать кровь по мере необходимости, которая, кажется, возникает очень часто.

— Он будет жить? — спрашивает Стоун.

Нейт не отвечает. Его длинные, тонкие пальцы двигаются быстро и уверенно, и он оперирует фактами.

— Он потерял много крови. Жизненно важные органы не задеты. Следующие пять часов — решающие.

У меня впечатление, что его манера общения со Стоуном, — это результат того, что, возможно, было время в прошлом, когда он дал радужный прогноз, а ситуация только ухудшилась. Стоун — сторожевой пес на стероидах, преданный и злобный, скалит белые зубы, готовый наброситься.

Операция ужасающая и кровавая. Нейт говорит мне класть кусочки ткани в середину раны Грейсона, пока он извлекает осколки пули, один за другим, с помощью какого-то магнита, прерываясь, чтобы сделать пару крошечных стежков — боевых швов, как он их называет.

Я могу понять, почему ему нужны мои маленькие пальцы — не только потому, что я могу более точно выполнить необходимое, но и потому что я не заражаю его видимость. Он говорит Стоуну держать впитывающую салфетку на месте, где он зашивает разорванную рану. Я сдираю перчатку и кладу руку на небритую щеку Грейсона. Он без сознания. Мне нужно, чтобы он пришел в себя, чтобы с ним все было в порядке. Я хочу слышать его голос. Боже, я не знаю, как попала в это место, настолько нуждаясь в Грейсоне.

Не только чтобы оставить меня живой и невредимой от парней, хотя да, это тоже, но я нуждаюсь быть окруженной им, нуждаюсь в нем со мною в этом мире.

Нуждаюсь в нем в моем мире.

Один из парней появляется с пакетом донорской крови. Нейт говорит ему повесить его

под потолком и все начинается снова.

Операция идет уже час, затем второй. Грейсон без сознания от того, что Нейт дал ему. Его глаза закрыты, рот слегка приоткрыт. По крайней мере, он не может чувствовать боль.

— Хорошая работа, — говорит Нейт время от времени. — Отлично. Прямо здесь... над... да, хорошо. — Вдруг Нейт заканчивает. — Показатели Грейсона хорошие, — говорит мне Нейт. — Его плечо повреждено и выглядит неаккуратно, вот и все.

Вот как он говорит это — неаккуратно.

Операция закончилась, и вместе с ней их стимул для поддержания меня в живых.

— Когда он проснется?

— Некоторое время поспит, надеюсь, — говорит Нейт. — Ему нужно поспать.

Облегчение не долговечно. Я должна спасти себя. Отчаянные планы атакуют мой мозг. Как например, взять кого-то в заложники с помощью скальпеля.

Я украдкой смотрю на часы, которые Нейт положил на стул, и вижу, что уже три часа ночи.

— Давай.

Нейт говорит мне помочь ему с последним швом. Стоун, который следил за часами из соседнего кресла, стоит возле стола. Колдер подходит, чтобы присоединиться к ним. Нейт объясняет дальнейшие действия. Они должны дать ему отдохнуть. Следить, чтобы он оставался лежать на спине. Проверять его температуру с интервалами.

Они не замечают, когда я отступаю назад. Я поворачиваюсь и бегу по лестнице. Шаги за спиной. Огромные руки хватают меня.

— О нет, ты не сделаешь этого.

Стоун.

Рука сжимается вокруг моей шеи, душит меня, тянет назад.

Нейт подходит.

— Оставь ее, твою мать, — говорит он, снимая перчатки испачканные кровью. — Она по-прежнему может понадобиться мне.

— Глупо держать ее здесь, — рычит Стоун. — Она видела нас.

— Мой приоритет, чтобы Грейсон пережил эту ночь, — говорит Нейт. — Мне нужно, чтобы она была рядом, если мне снова понадобится проникнуть в рану.

Рука расслабляется, и он отпускает меня. Меня шатает секунду, прежде чем я могу стоять. Я не могу читать Нейта или даже поймать его взгляд. Я не знаю, действительно ли он не хочет меня убивать, или это все только из-за Грейсона. В любом случае, я узнаю это.

Трое из них перекладывают Грейсона на какую-то каталку и перевозят по коридору в комнату, освещенную лишь луной, проникающей сквозь высокие окна. Один из парней тянет вниз плотные шторы, полностью закрывая окно, и Колдер включает лампу. Это старый номер отеля с маленькой кроватью и письменным столом. Небольшая стопка книг лежит на полу рядом с кроватью. Компьютер здесь выглядит как аномалия. Я никогда не видела ничего подобного этому месту.

Но для этих парней оно явно является домом.

Они перекладывают Грейсона на кровать. С внешней стороны оконные ставни полностью блокируют свет.

Вы бы никогда не подумали, что здесь кто-то живет, если бы смотрели с улицы, так это выглядело, когда я приехала. Стоун, Колдер, Нейт, и еще несколько парней входят и выходят. Здесь, кажется, семь из них, все хорошо вооружены, все с той же звериной энергией, как

потерянное племя. У них у всех одинаковый белый шрам-татуировка и никаких обычных татуировок, за исключением одного парня — он покрыт ими.

Теперь, когда Нейт вышел из образа врача, становится довольно ясно, что он один из них. Они, кажется, настолько связаны, и впервые я задаюсь вопросом, стали ли они такими из-за подвала.

В тот момент, когда я думаю об этом, глубоко внутри знаю, что это правда. Они не похожи на других мужчин. Это другая порода парней, которые выросли по-другому. Ужасным образом.

Теперь я наедине с Грейсоном, нет ребят с пистолетами, блуждающих туда-сюда. Я беру его руку, желая его разбудить, но он выглядит таким слабым, лежащий здесь, как подстреленный зверь. Простынь обернута вокруг его ног и бедер, мускулистая грудь, перевязанная окровавленными бинтами.

— Малыш, — шепчу я, сжав его руку. — Мне нужно, чтобы ты проснулся, мне нужно, чтобы ты помог мне.

Мой голос надламывается на последнем слове.

Его губы двигаются. Я не могу сказать, пытается ли он что-то говорить. Его губы формируют слова «мисс Уинслоу», но это может быть мое воображение. Может, я принимаю желаемое за действительное.

Нейт подходит и встает рядом со мной.

— Пусть он спит.

— Его цвет лица улучшается, — говорю я с надеждой. — И его дыхание...

— Он вернется в свое угрюмое состояние в кратчайшие сроки, — говорит Нейт, прикладывая два пальца к шее Грейсона. — Какое-то время у него будут проблемы с плечом, но он будет жить.

Это значит, что они больше не будут нуждаться во мне. Мой взгляд скользит к двери. Стоит ли Стоун с той стороны, ожидая, что я побегу? Нейт защищал меня от Стоуна, но я не знаю, насколько далеко его защита будет распространяться. Позовет ли он их, если я побегу? Или он сам догонит меня?

Он скользит своими карими глазами, чтобы встретиться со мной взглядом, и я понимаю, что он знает, о чем я думаю.

— Ты остаешься, — говорит он просто. Я не знаю, угроза это или обещание.

Эти парни не могут бодрствовать вечно. У меня по-прежнему есть деньги от грабежа. Я могу убраться отсюда. Я пережила уже слишком много. Могу пережить и это.

Но, боже, я так устала. Я сворачиваюсь рядом с Грейсоном и уплываю прочь. Я ощущаю на себе легкое одеяло, прежде чем засыпаю.

30 глава

Грейсон

Я просыпаюсь, в моей голове туман. Едва могу пошевелиться. Как будто меня переехал поезд, оставив часть колеса торчать из моего плеча, которое плотно забинтовано, даже моя левая рука обездвижена какой-то повязкой. Но, что хуже всего, у меня был кошмар, как команда убивает Эбби, и я не могу добраться до нее. Я сказал Колдеру, что убью их, если они прикоснутся к ней, но не был уверен, что он меня слышал. Я также не был уверен, сон ли

это.

Стоун спит в кресле рядом со мной. Никого больше нет вокруг, и я паникую. Интересно, где Эбби? Но потом замечаю ее, свернувшуюся в углу, кто-то приковал ее к батарее.

Она спит, но выглядит так, как будто ей некомфортно.

Тепло поднимается к моему лицу, и я чувствую запредельное желание кого-то убить.

Никто не касается Эбби кроме меня. Никто не знает, как уберечь ее от испуга, или с том, что ей нравится, что ей нужно.

Я единственный, кто должен был держать ее в безопасности, и один из этих парней сковал ее? У нее должен быть матрас. Она голодна? Хочет пить?

Но это середина ночи. Правильно определять время, не видя при этом ничего за окном, — это один из удобных навыков, которому вы учитесь в тюрьме.

Я толкаю пальцами шею Стоуна. Он ворчит и открывает глаза.

— Эй, — шепчет он.

— Кто, мать твою, приковал ее? — сержусь я.

— Я, — Стоун кладет руку мне на голову, как будто может определить мою температуру. — Как ты себя чувствуешь?

Я ворчу. Конечно, это сделал он.

Он одет во все черное, словно был на улице — добывал припасы, возможно. Его девятикалиберный находится в кобуре на плече, под его рукой.

— Нейт говорит, ты выкарабкаешься, если продержишься ночь.

Даже моя здоровая рука ощущается, как свинец. Я жестом указываю в сторону, где она спит.

— Ты, мать его, не трогаешь ее, понял?

Он выглядит мрачным.

— Не трогать ее.

Он долгое время смотрит не меня и говорит:

— Ты не можешь оставить ее себе.

Все мое тело воспаляется, метая гневные молнии.

— Что это должно значить?

— Это означает, что она видела нас. Она знает, где мы находимся. Ты ничего не можешь с этим поделать. Нейту нужны были ее маленькие пальцы, иначе я бы прикончил ее прошлой ночью.

Я резко подскакиваю вверх, даже не подумав. Он хватает меня за запястья, прежде чем я могу его задушить.

— Черта с два, я не могу оставить ее, — рычу я. — Она моя, понял?!!

— Ты должен был убить заложника, а не таскать ее за собой за волосы, — говорит Стоун, прижав меня к кровати. Проклятые лекарства делают из меня жалкого котенка.

— Нет, — говорю я.

— Ты ничего не сможешь сделать, — говорит он низким голосом. — Я делаю это ради тебя, братишка.

Я снова пытаюсь подняться, но он держит меня. Я слишком слаб.

— Твою мать, я убью тебя! — говорю, но не могу бороться с ним, не с тем, чем Нейт накачал меня.

Я изо всех сил пытаюсь снова, но он тяжелый как танк, а я ранен и под действием лекарств.

— Ты хочешь разорвать рану и снова отправиться под нож?

— Она не заговорит, — рычу я. — И она — моя!

Он смотрит мне прямо в глаза.

— Я разбужу ее, так что ты сможешь попрощаться.

Я пристально смотрю ему в лицо.

Мне нужно, чтобы он видел мое лицо, когда я собираюсь что-то сказать и пообещать.

Тишина нарастает между нами. Кажется, он знает, к чему все идет.

Я произношу:

— Причинишь ей боль, и ты мертвец.

Он ничего не говорит в ответ. Выражение его лица даже не меняется, но я знаю, что внутри него землетрясение.

То, что я сказал, — существенно. Стоун всегда был главным, и меня это не напрягало, но мне нужно, что бы он понял, насколько я серьезен.

Он отпускает меня, достает свой пистолет и потирает его вдоль рукоятки.

— Ты меня понимаешь? — спрашиваю я после слишком долгого молчания.

— Именно из-за твоих слов я должен убить ее.

Чувство поднимается во мне, такое древнее, что я практически не распознаю его. Страх. Я боюсь так, как не боялся уже очень долгое время.

Если бы я был в форме, никто бы не прикоснулся к ней. Никто бы и никогда.

Но прямо сейчас я слишком слаб, и Стоун знает меня очень хорошо.

Борьба между нами будет угрожающей, и я не могу быть уверенным, что для нее все закончится хорошо.

Было время, когда мне бы и в голову не пришло поднять руку на Стоуна — моего друга, кровного брата, но вот он я.

Я смотрю на нее, такую уязвимую, прикованную, свернувшуюся калачиком. И тогда я осознаю, что ее уязвимость — самая властная вещь над моей жизнью — абсолютная власть, но не опасная.

Затем осознаю кое-что еще.

— Дело в тебе.

— О чем ты?

— Она чертовски опасна для тебя, не для меня.

Он приближает свое лицо к моему.

— Нет. Это для твоего блага и блага команды.

— Тебе просто не нравится, что это я взял ее, — шепчу я. — Вот, что тебе не нравится. Тебе не нравится, что я взял ее себе.

Я заглядываю через плечо, чтобы убедиться, что она по-прежнему спит, и понижаю голос.

— Кто-то, за кого я отдал жизнь, и кто теперь моя. Не твоя.

Он хватает меня за шею и наклоняется достаточно близко, чтобы поцеловать меня. Я ощущаю пистолет на своей челюсти.

— Ты собираешься убить меня сейчас? — скрежещу зубами.

— Мы достаточно давно сказали «нет» этому, — говорит он. — Мы сказали, что не будем делать этого. Никаких женщин. Только, чтобы потрахаться. И, безусловно, не брать их. И ты притаскиваешь гребаную заложницу прямо нам под нос. Я собираюсь убить ее ради тебя, и ты ничего не сможешь с этим сделать.

Он удерживает меня близко, рукой сжимая мою шею. Я смотрю в его глаза.

Прикованная, беспомощная, сейчас я вижу угрозу в нее.

Она — опасный путь, от которого мы все пытаемся держаться подальше.

— Я оставлю ее. Надолго.

Шок отражается в его взгляде. Очень сложно заставить Стоуна выглядеть шокированным, но сейчас он выглядит именно так.

Он жестко дергает мою голову.

— Что, твою мать, с тобой не так?

— Ты знаешь, что не так со мной. Ты знаешь, что ИМЕННО не так со мной. Единственное отличие состоит в том, что я больше не притворяюсь.

— Мы — не они, — говорит он.

— Это другое.

Он крутит пистолет на моем подбородке. Теплый и твердый. Ее пребывание здесь убивает его. Но я не могу позволить ей уйти, даже ради него. Моего брата по духу.

Я шепчу:

— Ты не знаешь, каково это, когда она твоя, и ты можешь сделать что угодно с ней.

Я знаю, что он представлял это. На что это было бы похоже.

— Вот поэтому я и должен ее убить, — говорит он, его горячее дыхание на моих губах.

— Все девушки, которых я когда-либо имел, трахал одну ночь — ничто, по сравнению... — я киваю в ее сторону. — Это все черно-белое. А это имеет цвет. Когда ты находишь кого-то, и ты понимаешь.

— Нет.

— Когда ты знаешь, что она твоя, Стоун... вся твоя.

Он замирает, сжимая мою шею, с пистолетом в другой руке. Он не хочет слышать это, но он на самом деле, на самом деле слышит. Я знаю, что то, что я делаю, — несправедливо, это как описывать шот отменного скотча алкоголику, который сдерживал себя на протяжении долгих лет, но он должен понять.

— Каждый раз, когда я думал убить ее или отпустить, я не мог сделать этого, потому что это чувствуется так чертовски правильно. И когда человек губернатора хотел пристрелить ее? Я был готов умереть за нее. И когда она голодна, или ей холодно...

— Прекрати это, — говорит Стоун.

Он сильный. Всегда таким был. Как и его имя (прим. ред. Stone с англ. — камень).

Нерушимый.

— Когда ей холодно, я тот, кто согреет ее. А когда она голодна? Когда мы были у Нейта, и я завязал ей глаза, я кормил ее черникой, выбирая лучшие из ягод... ты не знаешь каково это...

— Я знаю.

— Это не так, как с ними. То, что мы делали.

Он бросает на меня мрачный взгляд. Это еще одна вещь, которую мы не должны делать: говорить о том кровавом дне, когда мы восстали против наших похитителей. Жестокости этого.

— Это так же, как с ними, — говорит он. — Ты думаешь, это по-другому, потому что ты не держишь ее прикованной в подвале?

— Это другое.

— Я убью ее ради тебя. Это самая гуманная вещь.

— Помнишь, как ты совершил тот угон машины? — спрашиваю я. Он много раз совершал угон, но только один имеет значение, и он знает это. Тот, где горячая блондинка не успела быстро выбраться из машины, и он продолжал удерживать ее в заложниках достаточно долго, чтобы увезти на расстояние в часе езды от города, для встречи с Колдером.

Я знал, каково это было, из его рассказов об этом позже. Он не трогал ее, но и не дал ей уйти. Он кормил ее и заботился о ней.

— Каково это?

— Пошел ты!

Я давлЮ на него.

— Каково это?

Он молчит так долго, и мне кажется, что уже не ответит. Затем Стоун опускает пистолет.

— Ты знаешь, каково это, — шепчет он, наконец. — Хорошо, вот как это ощущается.

— И вот как было, когда ты взял ее в поездку.

— Твою мать, Грейсон!

— Мы не такие, как они. Она спасла мне жизнь, верно? Это показывает, что я не такой, как они. Я никогда бы не спас никого из них.

— Иисус, к черту!

Он отпускает мою шею и трет ладонью свое лицо.

— Она должна умереть. Разбуди ее и попросайся.

Он указывает на свой девятиколиберный. Я не продумал до конца, как сильно ему нужно будет убить ее, как алкоголику, которому необходимо вылить бутылку в раковину. Необходимость поджечь и смотреть, как жидкость горит.

До сих пор так дерьмово от того, что те ублюдки сделали с нами. Чем бы Нейт не накачал меня, это усыпляет, и я не знаю, как долго еще смогу оставаться в сознании.

— Не делай этого, Стоун, не позволяй им выиграть.

— Не позволять им выиграть? Это ты только что сказал? Пошел ты!

Он приставляет пистолет к своему лбу и закрывает глаза.

— Мне просто нужно убить ее, когда она умрет, все станет так, как прежде.

Я дотягиваюсь и хватаю его за руку.

— Иди сюда.

Стоун шумно вдыхает, но он должен видеть, что я не ушел далеко. Ему нужно видеть, что я — это по-прежнему я, даже если у меня есть она.

— Они не выиграют, — говорю я. — Они, бл*дь, мертвы.

Я двигаюсь и освобождаю место для него, несмотря на то, что это причиняет мне адскую боль.

— Иди сюда.

Он падает возле меня. Он всегда был рядом, когда я нуждался в нем. Мы всегда поддерживали друг друга. Это наш кодекс.

Я проскальзываю рукой под его футболку, кладу ладонь ему на грудь, так, как мы привыкли делать это, чувствуя сердцебиение друг друга, как этот дурацкий клочок человечности, которую мы давали друг другу там, в подвале.

Мы не знали, как обычно вести себя там. Все тесно и близко, и странно сексуально, даже тогда, когда не должно быть таким. Прикосновение к нему причиняет мне адскую

боль, но это ради Эбби.

— Скажи мне о планах. Я хочу знать, каковы они сейчас. Если ты поменял их.

— Я знаю, что ты делаешь, — говорит Стоун. — Отвлекаешь меня, но это не сработает.

Но, на самом деле, это работает.

Некоторые дети, когда расстроены, получают вкусное угощение или особенную игрушку, или любящие руки родителей. Друг у друга были только мы, разговаривающие о том, что мы сделаем с главным виновником, если доберемся до него. Мы знали, что наши похитители работали на кого-то. Лежать вместе, обсуждая, как бы мы пытали и убивали его, было как плюшевый медведь для нормального ребенка.

— Колдер по-прежнему хочет выколоть ему глаза?

— Нет, он поменял свое мнение, пока ты сидел. Он хочет выпотрошить его.

— Кто выковыривает глаза губернатора?

— Никто. Мы решили, что хотим, чтобы он видел все, что мы с ним сделаем. Мы заставим его смотреть фильмы, которые они снимали с нами, пока будем издеваться над ним. Еще Нейт сказал, что он слишком быстро умрет, если мы выколем ему глаза с очень большим энтузиазмом.

Я киваю, зная, что он использовал бы именно это слово — с энтузиазмом. Это слово Нейта.

— Ты по-прежнему отрезаешь ему яйца?

Он наконец-то смягчается.

— И запихиваю их ему в рот.

— Это что-то новенькое, — говорю я. Я могу только представлять, как они сидят, обсуждая это, может быть за пиццей и двадцатиднолетним виски «Макаллан».

Когда мы впервые ворвались в это место, то нашли его спрятанным в отсеке в стене, и семеро из нас напились им. Он имел вкус свободы. Все еще имеет, когда мы пьем его.

— Ты по-прежнему убиваешь его, — говорит Стоун. — Это неизменно. Ты заслужил это право.

Я чувствую, как его сердцебиение замедляется. Он успокаивается. Хорошо. Стоун всегда был одним из тех парней, которым нужно подготовить себя к убийству, он не может убить хладнокровно. Не так, как Колдер.

— Он умрет героем, конечно, — рубит Стоун.

Наши похитители были отображены в средствах массовой информации невинными жертвами случайной расправы, и затем они получили любовь и хорошие похороны, и никто никогда не знал, что они сделали с нами.

«Кровавая бойня в мирном обществе», гласил один заголовок. Как будто наши похитители были жертвами или что-то в этом роде.

Мы были глупы — предполагали, что когда их тела будут найдены, то станет очевидным, кем они были до этого.

Но кто-то добрался туда раньше, очистил место, забрал все записи, убрал все доказательства того, что мы когда-либо были там. Может быть, губернатор или его приспешники.

Хотя, на тот момент он не был губернатором. Просто неким извращенцем-бизнесменом, которого мы знали только в лицо.

У нас никогда не было возможности найти его после того, как мы сбежали из этого ада, затем он появился на телевидении, когда баллотировался. Я чуть не обделался, когда увидел

его по телевизору в первый раз.

Стоун чешет нос дулом пистолета.

— Проблема в особняке губернатора. Мы знали, что ты будешь на свободе рано или поздно, но, в то же время, мы пытались разработать стратегию вторжения. Это место — гребаная крепость.

— Это просто старый особняк, — говорю я.

— Нет, серьезно. Это крепость. Охрана. Металлодетекторы. Мы пытались прорваться через его людей. Пытались подкупить их, но никто не уступил. Пытались проникнуть уже два раза, просто чтобы осмотреться на месте.

— Долбанный Форт-Нокс со всеми этими лазерными заграждениями из проволоки.

— У тебя есть план здания?

— Мы обнаружили, что оно было реконструировано в семидесятые годы, но не смогли получить никакого доступа к этому. Нет никакого нормального документального следа.

— Мы найдем способ, как проникнуть туда, — говорю я, чувствуя себя одурманенным. Мои веки тяжелеют. Как долго я смогу не отключаться?

Голос с противоположного конца комнаты:

— Вы пробовали искать в библиотеке?

Стоун вздрагивает.

Эбби.

Мое сердце раздувается, услышав ее голос из того конца комнаты. Как давно она проснулась?

— Ты в порядке?

— Если это историческое место, то есть архитектурные записи, — говорит она. — Это особняк губернатора?

После колебания Стоун говорит:

— Конечно.

Он по-прежнему не смотрит на нее.

— Чертежи, вероятно, общедоступны. Они могут храниться в архиве вашей главной библиотеки, или, если у вас есть исторический центр. Вы можете много узнать о старых зданиях, если знать, где искать.

Она такая красивая и умная, и напуганная здесь.

— Детка.

— Многие из них были перестроены дюжину раз. Но если заглянуть в оригиналы, то вы будете удивлены, как много окон и дверей были скрыты. Там могут быть скрытые точки для входа.

Она тянет свои наручники. Мне интересно, как много из нашего разговора она слышала. Эбби закидывает удочку, я вижу это. Я даже не знаю, что это, но горжусь ею. Она такая чертовски сильная. Борец.

Стоун фыркает:

— Ты думаешь, что я могу пойти в библиотеку и проверить? Что? План правительственного здания, который показывает скрытые пути проникновения?

— Заткнись и слушай, — говорю я. — Она работала в библиотеке. Она знает.

Она встречается со мной глазами. Эбби сводит меня с ума, когда говорит такое.

— Это не будет зарегистрировано именно так. Абсолютно другой раздел. Вам бы следовало смотреть в исторических записях. Будет разделение по номерам участков, и вы не

можете проверить это или даже скопировать. Если бы вы могли протащить маленькую камеру...

— Ты думаешь, у них есть записи по этому дому? — спрашивает Стоун.

— Определенно. Они могут храниться в секции библиотеки, которая закрыта для публики, но они там есть.

Я ухмыляюсь.

— О, мы проберемся туда. Не беспокойся, я доставлю нас туда.

Тревога плескается в ее взгляде.

— Ты имеешь в виду взлом?

— Это зависит от кое-чего. Ты собираешься помочь нам? — спрашиваю я.

Стоун бросает на меня мрачный взгляд. Может быть, нас обманывают. А может, и нет. Она поимела нас. Она чертовски удивительна.

— Может быть, — говорит она.

— Нет, не «может быть», ты помогаешь нам, — говорю я.

Стоун пялится на меня во все глаза.

— Она просто хочет свалить и сдать нас. Она думает, что может уйти.

Я поворачиваюсь к Эбби, и что-то вроде понимания возникает между нами.

Может, она попытается уйти. Может, и нет. Я больше ни черта не знаю. Все, что я знаю, — она моя.

— Она поможет.

— Она не часть этого.

Я тот, кто отбывал срок. Я был любимцем внизу, в той дыре. И никто не захочет быть таким любимцем.

— Я хочу, чтобы стала частью.

Конечно, ребята со мной, но с ней это по-другому, и внезапно, я хочу ее в деле, она нужна мне. Я смотрю в ее карие глаза, но обращаюсь к Стоуну:

— Она идет. Ты сказал, что он — мой. Что работа — моя. Это означает, что правила — мои.

31 глава

Грейсон

Мы находимся в главной комнате, внося последние штрихи в наш план.

Это забавно. Мы так давно хотели отомстить, но сейчас время расплаты приближается, а я не чувствую себя счастливым. Оглядываюсь на парней, с которыми мы так много прошли вместе, и за которых я бы отдал жизнь, и знаю, что никто из них не чувствует себя счастливым.

Эбби сидит в углу, читает. Я приглаживаю рукой выбившуюся из прически прядь ее волос, чувствуя себя от этого счастливым.

Я потратил последние несколько дней, восстанавливая силы, и много спал. Я сказал ребятам пойти купить Эбби хорошую одежду и нижнее белье, которые она выбрала из каталога, и кучу книг, и она почти все время была рядом со мной, за исключением того времени, когда мы с парнями замыслили что-то.

Стоун полирует пули за столом. Он уже предвкушает смерть губернатора, слыша, как

тот кричит от боли. Стоун причинит ему боль, а затем я исполню главную обязанность.

Много значит — то, что он отдал это мне, потому что я знаю, он очень хочет этого сам.

— Пойдем, — тяну Эбби за руку.

— Секунду, — говорит она. Всегда хочет дочитать главу. Всегда еще глава.

Я беру ее за руки и закидываю к себе на спину.

— Эй! — Она сопротивляется, и книга с глухим стуком падает на пол. Я всегда делаю это — лишаю ее места. Она на моем здоровом плече, но это все равно убивает мое больное плечо.

— Мы уходим отсюда, — я рычу так, как она помнит. Первобытно. Так, как лев-самец будет умирять свою самку.

Вижу, как парни смотрят на меня, когда разворачиваюсь с ней и ухожу.

Она вырывается, но сейчас это только для вида.

— Грейсон.

Слышу возбуждение в ее голосе, и как она задыхается. Она получает удовольствие от подобного обращения, так же как и я.

Иду по коридору, позволяя ей сопротивляться. Захожу в свою комнату и кладу ее на кровать. Она поднимает взгляд, ожидая. Моя. Настолько моя, что меня это пугает.

— Какие вы неразлучные, — говорит она, смотря напряженным взглядом. — Это восхитительно. То, как вы выжили и провели друг друга через все это.

Я не знаю, что с этим делать, поэтому подталкиваю ее и удобно устраиваюсь рядом.

Она смотрит на мое лицо, затем укладывается ближе ко мне, прослеживая пальцами контуры символа шрама на моей руке. Мы лежим, как два растения, впитывая тьму, как солнечный свет.

Каким-то образом я могу понимать ход ее мыслей. И я знаю, о чем она хочет спросить еще до того, как она делает это.

— У вас у всех есть это? — говорит она, прослеживая его пальцами вверх и вниз.

— Да, — шепчу я.

— Двусторонние оси, образующие «X». Вы сами сделали это?

Другой рукой я откидываю прядь волос с ее лица.

— Что ты можешь сказать об этом?

Слабая улыбка появляется на ее губах. Потому что топоры сделаны довольно грубо.

— Алебарды, — говорю я. — Мы нашли изображение в одной из заплесневевших энциклопедий, которые привыкли читать в подвале.

Она кивает.

— На протяжении долгих лет, когда мы пытались давать отпор, они замаскировывали наши синяки и не давали нам есть. Мы хотели получить массу царапин или кровоподтеков, чтобы, знаешь, «испортить товар». У них было множество способов контролировать нас, но мы нанесли друг другу этот символ за несколько дней до того, как все закончилось. Выцарапали глубоко в наших руках заостренными гвоздями. Мы были старше, Стоуну было пятнадцать, и он был чертовски сильным. В тот момент мы собирались выбраться или умереть.

— Так вот что это такое? Своего рода боевая раскраска?

Я замолкаю, потому что это не то, что мы рассказываем за пределами нашей группы, но затем понимаю, что она не «за пределами». Для меня она внутри, среди нас.

— Это часть клятвы, которую мы дали: один клинок, чтобы защитить моих братьев,

другой, чтобы отомстить.

— Это твоя клятва?

— Это наша клятва.

Она проводит пальцем по линиям топорков.

— Если я посмотрю газетные статьи пятнадцатилетней давности, найду ли я там кровавое нераскрытое преступление?

— Да, — говорю я.

Эбби просто ищет зацепки. Я задерживаю дыхание, задаваясь вопросом, что она собирается сказать.

Потоки лунного света проникают через высокое окно, добавляя блеска ее темным волосам, заколотым на голове, и скулам, таким выделяющимся и в то же время хрупким.

— Я думаю, это прекрасно, — говорит она, наконец.

Я выдыхаю с облегчением. Может быть, я даже чувствую своего рода покой.

Эбби прищуривается.

— Ты жил в этом отеле пятнадцать лет?

— Приблизительно. Мы заняли его сразу после того, как выбрались. Кроме Нейта. Он купил документы какого-то парня и попытался построить нормальную жизнь. Я думаю, ему это удалось.

Она указывает вверх на грязный, щербатый потолок, где лампочка висит на шнуре.

— Вы провели этот свет?

— Ага. Это место не особо функционировало тогда, но... это было сразу после того, как мы сбежали. Мне нужно было занять себя чем-то. Нам всем. Поэтому мы превратили это место в наш дом.

Она кивает, как будто это имеет смысл.

Хотя мы не могли все сделать сами. Мы забрали с собой из подвала много денег и много заплатили на черном рынке, чтобы подключить это место к городской электросети. Парень, наверное, уволился после той суммы, что мы заплатили ему, но место все еще не особо облагороженное.

— На светильнике по-прежнему висит ценник.

— Ну и что? Это просто свет. Он освещает вещи.

Я смотрю на нее и внезапно вижу «Брэдфорд» ее глазами, и мои внутренности скручивает. Это место не такое темное и холодное, как подвал, но до этого не так уж далеко. В моей комнате старая мебель. На стенах яркие прямоугольники от фотографий, висевших до того, как мы попали сюда. Толстый слой пыли покрывает деревянные предметы. Конечно, у нас есть много хорошего дерьма. Техника, машины, старый скотч. Может, это не так уж много значит для нее.

— Это наше место. Хорошее место, — я поворачиваюсь, лежа на здоровом плече. — Здесь мы в безопасности ото всех, — шепчу я, убирая прядь волос с ее лба, хотя не должен двигать рукой.

— Голая лампа с ценником пятнадцатилетней давности.

Я наклоняю голову к ее уху.

— Ты знаешь, я не могу позволить тебе уйти.

Она скользит по мне хитрым взглядом. Все совсем по-другому, когда я говорю это сейчас, но это по-прежнему правда. Я не могу позволить ей уйти. Мое сердце бешено стучит, когда она снова смотрит на потолок.

— Ты заслужил хорошее место, вот и все, — говорит она. — Я имею в виду, что здесь есть красивая мебель, но оно по-прежнему выглядит каким-то заброшенным. Временным.

— Никто никуда не собирается, — я раздражаюсь.

Она поворачивается ко мне.

— Правильно, но ты можешь украсить его красивыми вещами?

— Украсить его?

Она фыркает.

— Типичный парень.

Эбби хочет сделать дом красивым. Странное чувство накрывает меня, как например, когда кто-то отдает тебе последний бургер, когда ты был придурком весь вечер.

— Это будет не трудно, — говорит она. — Хорошая отделка. Какие-то краски для потолка или что-то такое. Картины на стене. Ты не хотел бы этого?

Мое дыхание ощущается каким-то странным, своего рода мягкой тяжестью, потому что где-то, в затянутой паутиной части моих мыслей, куда я никогда не заглядываю, я помню кого-то, приемную маму, возможно, беспокоящуюся о том, что висело на потолке. Подвешивание игрушек к потолку. Как будто имело какое-то чертово значение то, что я вижу.

Эбби изучает мое лицо.

— Ты мог бы иметь что-то красивое, что захочешь. У тебя могла бы быть люстра стоимостью в тысячу долларов.

Я смотрю в сторону, чувствуя себя слишком уязвимым.

— Люстра стоимостью в тысячу долларов в комнате в заколоченном отеле.

Теперь она поворачивается на бок, продолжая:

— Ты заслуживаешь красивые вещи.

И внезапно я задаюсь вопросом, возможно, Стоун был отчасти прав? Что, если она действительно сильно опасна для меня? Потому что я чувствую себя полностью разбитым на части, когда она говорит это.

И это чертово место никогда не сможет быть красивым. Эбби не принадлежит этому месту. И один этот факт разрушает меня.

Я тяну ее за воротник.

— Сними свою футболку.

— Грейсон, — говорит она.

Я поглаживаю пряжку моего ремня.

— Сядь и сними свою футболку.

Она бросает на меня взгляд. Я возвращаю его ей. Она знает, что это означает. Она взберется на мой твердый как камень член, оседлав меня.

— Сними это, — говорю я. — Медленно.

Я вижу нерешительность в ее взгляде и толкаю. Не знаю почему, я просто делаю это, потому что боль от ее доброты слишком сильна.

— Раздевайся.

Эбби тянет свою футболку, медленно и застенчиво, не осознавая, насколько горячо ее нежелание. Она такая чертовски чопорная. Это делает меня твердым. Она стягивает ее через голову. Я тянусь и хватаю ее за футболку, прежде чем она успевает освободить свои запястья, и скручиваю их очень крепко, дергая ее руки вперед, перед ней. Затем расстегиваю ее ширинку и прижимаю палец к клитору, удерживая и поглаживая ее.

Эбби смотрит на меня карими глазами, когда я двигаю пальцем вверх и вниз, дразня ее, удерживая запястья связанными ее футболкой, скручивая немного сильнее, чтобы чувствовала, кто здесь главный.

Она шумно выдыхает и начинает раскачиваться напротив моего члена.

— Вот так хорошо, детка, — я сильнее надавливаю большим пальцем. — Ты мокрая для меня, — говорю я, удерживая ее взгляд, показывая, что между нами нет секретов.

— Да, — шепчет она.

Она опирается на свои руки, завязанные футболкой, и целует мою грудь. Это как рай, и я закрываю глаза. Это все, что я могу сделать, чтобы не опрокинуть ее и не трахнуть прямо здесь, но я просто принимаю все, что она дает: ее поцелуи, нежность, которых я не заслуживаю.

— Брюки, — скрежещу я.

Она скатывается с меня и встает, спуская свои штаны, вытаптываясь из них.

Я наблюдаю со странным ощущением, она такая яркая и хорошая, что на секунду я думаю, что мог бы просто остаться с ней. Может, мне не нужна месть. Но мысль ускользает, потому что убийство губернатора всегда было моим делом. Затем она возвращается на меня и сладко меня объезжает, пока я не могу ни видеть, ни думать, ни слышать.

32 глава

Эбигейл

Библиотека находится на другом конце Франклин-Сити, на темной и мрачной из-за плохого освещения улице. Здания ветхие, а тротуары усеяны мусором, но это не полная и абсолютная пустошь, которой являются окрестности отеля «Брэдфорд».

На самом деле, здесь есть люди и проезжающие мимо машины.

Уже поздно. Библиотека закрыта, но Грейсон, крепко сжимая мою руку, подводит меня прямо к двери, как будто это его собственность.

Думает ли он, что я попытаюсь сбежать? Я знаю, что Стоун по-прежнему думает, что я хочу этого.

Это первый раз за последние несколько дней, когда я смогла выбраться из отеля. Время пролетело, как в тумане. Кажется, что половину я провела, лежа в постели с Грейсоном, читая, пока он спал и поправлялся, оставалась рядом с ним, не совсем доверяя Стоуну и парням, что они не пристрелят меня или что-то в этом роде, так же как и Грейсону, настаивающему на том, что опасность миновала. Когда он достаточно окреп, то отсиживался с парями, начищая оружие и прокручивая сценарии нападения на губернатора.

И пока он был со своими парнями, я проводила время на нейтральной территории, на самом деле не в плену, но и не свободной, чтобы уйти. И в любом случае я не знаю, что бы делала, окажись на свободе.

Мое лицо в национальных новостях, меня разыскивает полиция. Я могу оказаться по уши в неприятностях. Несмотря на то, что я была заложницей. Это должно значить что-то.

Я делала то, что я всегда делаю, — пряталась в книгах. Один целый день и вечер был посвящен тайнам викторианской эпохи. Затем пиратам. После — итальянские очерки путешествий. Здесь есть башенка в передней части отеля с замечательным светом, которую парни даже не используют. Именно в ней я навела порядок и читала, когда Грейсон был

занят с парнями, что происходило довольно часто.

Они одержимы идеей поквитаться с губернатором — ждали этого всю жизнь. Они собираются убить его. Медленно. Грейсон не говорил мне этого прямо. Есть некоторые вещи, которые ты просто знаешь.

— Ближе, — говорит он, подталкивая меня к столбу сбоку от больших двойных дверей, прижимая меня немного грубо, как раз так, как мне нравится.

Я закрываю глаза, впитывая его тепло, силу; интенсивность его внимания ко мне ощущается, как забота. Он никогда не отпустит меня — никогда.

Его рука движется рядом с моим телом.

— Что ты делаешь?

Мой голос звучит хрипло, но затем я открываю глаза и вижу, что он ковыряется в замке. Я его прикрытие.

Парни находятся вокруг нас, наблюдая из тени. Даже зная, что они там, я их не вижу.

— А как насчет сигнализации? — спрашиваю я, кивая головой на значок.

— Город прекратил оплачивать контракт по охране несколько лет назад. амок щелкает. Он обвивает рукой мою шею.

— Подожди, — шепчет он, удерживая меня близко.

Вы вряд ли бы поняли, что его подстрелили несколько дней назад, — он силен, как бык. Его лицо не выражает боли, когда он смотрит на меня с... нежностью? Привязанностью?

Чем-то большим?

Грейсон тянет меня к себе, и его грудь чувствуется крепкой и сильной стеной напротив моего бешено колотящегося сердца. Так хорошо. Может быть, я не могу уйти. Может быть, я и не хочу этого. Я усмехаюсь ему сквозь нервозность. Мы собираемся вломиться в библиотеку. Это ничто для Грейсона. За последние дни я была поражена тем, сколько преступлений на счету Грейсона и его компании парней.

Дорогие автомобили и другие игрушки, весь этот отменный скотч, который они пьют.

Как только улица пустеет от машин и пешеходов, он заводит меня внутрь. Шагая в библиотеку, я чувствую себя, как будто иду домой, несмотря на все это сумасшествие со взломом и со Стоуном, который хочет меня убить, и с Грейсоном, который... ну, был Грейсоном.

Как будто мы два ботаника, находящихся на каком-то преступном свидании, выбирая вместе книги. Грейсон щелкает фонарем, направляя свет в пол.

Холодные, металлические стеллажи заполнены до краев старыми, пыльными книгами. Я немного расслабляюсь, чувствуя себя в безопасности.

Книги не были для меня спасением. Они никогда не были моими друзьями. Они были намного больше этого — полезные и нерушимые. Они были моей броней, моей стеной от мира. Пока я не повстречала Грейсона.

— Где планы здания? — Грейсон звучит мрачно. Нетерпеливый. Библиотека заставляет его нервничать? Мне нравится это. От этого я чувствую свою власть.

— Я не уверена, — отвечаю. — Каждая библиотека устроена по-своему.

— Хорошо, выясни это, — говорит он. — Я не собираюсь попасть обратно в тюрьму, потому что ты не смогла разобраться с чертовой десятичной классификацией Дьюи.

— Я удивлена, что ты знаешь о десятичной классификации Дьюи.

Он фыркает. Затем, минуту спустя, добавляет:

— Я умею читать.

— И писать.

Его косой взгляд обещает мне наказание, если я продолжу. Поэтому, конечно, я продолжаю.

— Я говорю об этом в самом лучшем смысле. Ты действительно можешь писать. Я так сказала из-за того, как ты пропитал ту историю своими мыслями о побеге, как точно ты знал, о чем писать. Достаточно правды, чтобы сделать историю реальной, достаточно вымысла, чтобы передать сообщение друзьям.

Он бросает на меня осторожный взгляд.

— Ты дразнишь меня?

Я закатываю глаза.

— Я говорю серьезно. Ты так разозлил меня, что я не могла видеть четко. Тот проект много значил для меня. Но то, что ты написал, было действительно хорошим.

Он отводит взгляд. Кажется, не хочет говорить об этом.

— Я не понимаю. Вы, парни, были совсем детьми, когда оказались в том подвале. Я видела пакет из-под молока. Тебе было пять лет. И, кажется, вы были там все вместе. Вы были там шесть лет, и они не посылали тебя в школу, поэтому...

— Извращенцы, которые держат мальчиков в подвалах, не отправляют их в школу.

— Когда ты выбрался оттуда, тебе было одиннадцать лет?

Он водит пальцем по бухгалтерской книге в кожаном переплете.

— И другим парням к тому времени было четырнадцать или пятнадцать лет. И ты оказался в «Брэдфорде».

— Да. Зарегистрирован в отеле Брэдфорд, — говорит он саркастически.

Потому что они не регистрировались. Я представляю, как они отдирают доски. Просто дети. Именно тогда они вступили на преступную тропу.

— Таким образом, как ты научился читать?

— Нейт научил меня, — говорит он. — Большинству парней было по семь-восемь лет, когда они попали туда, и к тому времени они уже умели читать. Все же, Нейт замечательный. Он научил меня, и он сделал так, что остальные парни продолжили это. Как ты знаешь, это был подвал. Там были заплесневевшие коробки с книгами. Некоторые энциклопедии 1920-го года. Это то, на чем я учился.

— О, — говорю я.

Это объясняет многое. Пробелы в его понимании вещей.

— Нейт составил много игр на угадывание по итогам чтения того материала. Не совсем образование, но это ощущалось, как борьба. Как заявление, что они не могут отнять у нас все. Не совсем образование, но...

— Это восхитительно, — говорю я. — Потому что вы боролись за это, и это ваша заслуга. И это восхитительно, то, как вы, парни, провели друг друга через все...

Он водит пальцем вдоль железной полки.

— Почему ты не вернулся в свою приемную семью?

— Я никогда не чувствовал их своей семьей, в отличие от парней. Когда ты находишься с кем-то так долго, то уже не существует другой, более крепкой связи. Мы были против них, против всего мира.

Его боль проникает в меня.

— Это — подарок, который те извращенцы дали тебе. Братьев, которые больше, чем братья. Больше, чем семья.

— Не романтизируй это. Те животные, которые взяли нас, Эбби... они отняли много.

— Нет, — говорю я.

Он отводит взгляд, и эта картинка возвращает меня назад, в то время, когда я жила на севере с мамой. Мы жили в районе трущоб, и всю ночь выли сирены, как мы узнали на следующее утро, по соседству горел дом. Мы пошли посмотреть, и эта огромная почерневшая оболочка, обвешенная сосульками, как бриллиантами, на фоне синего-синего неба, была самой красивой вещью, которую я когда-либо видела.

Грейсон похож на тот дом. Прекрасный в своем разрушении.

Он изучает меня обеспокоенным взглядом.

— Возможно, они отняли слишком много, понимаешь?

Я кладу свою руку поверх его, на шрам с изображением боевых топоров.

— Нет, Грейсон. Не говори так.

— Почему я не должен говорить так? Иногда я смотрю на других людей, вроде тех парней, которых встретил в тюрьме, и они другие. У них есть что-то, чего нет у меня. Я не знаю, что это. Просто знаю, что это так... — он качает головой.

Отняли ли они то, что делает его человеком? То, что делает его цивилизованным? Вопрос, который он пытается четко сформулировать.

Библиотека вращается передо мной, как зеркальные стены в парке развлечений, отражая во мне гребаные версии Грейсона. Отражая меня, потому что я здесь, с ним. Все сказали бы, что мы не правы во всем, что делаем. Но для меня мы не ощущаемся неправильными.

Они отняли то, что делает его человеком? То, что делает его цивилизованным?

Грейсон смотрит на меня, отчасти с надеждой, отчасти со страхом. Он нуждается в моем ответе. Действительно хочет знать. Я притягиваю его ближе и запускаю руку в темные волосы.

— Они не отняли ничего важного, малыш. Они не забрали то, что важно.

На его лице появляется странное выражение, которого я не видела раньше.

— Давай найдем нужные планы здания.

33 глава

Грейсон

Эбби ведет меня через библиотеку. Сначала мы смотрим за стойкой, выясняя, где хранятся документы. Это большая городская библиотека с множеством столов и рабочих мест для армии библиотекарей. Я пытаюсь представить ее заполненной людьми, но все, что могу видеть, — это оранжевые комбинезоны, шаркающие на построение.

Они не забрали то, что важно. Я продолжаю снова и снова прокручивать фразу в голове. Например? Я хочу спросить. Что они забрали? Что они оставили? Этого достаточно?

В такие минуты я понимаю, как велико расстояние между нами. Пещерный человек — вот кем она видит меня. Я предполагаю, что мой ответ находится именно здесь. Ответ на то, почему она опасна, почему я должен освободить ее.

Я никогда раньше не чувствовал, будто мне чего-то не хватает, пока Эбби не встретила на моем пути. Я был озлоблен, чертов чужак в этом мире, но никогда ни в ком не нуждался.

Частично, по этой причине, Стоун хочет ее смерти. Если мы получим чертежи, сказал он перед отъездом, мы больше не будем нуждаться в ней. Но она нужна мне. Я не скажу Стоуну об этом, потому что в его глазах это — слабость. И, возможно, так и есть, но меня это не заботит. Они не догадываются, что она — это недостающая часть меня.

Лучшая часть.

Нейту тоже она не нравится. Речь идет не о том, что он защищает меня. Речь больше о том, чтобы не втягивать больше людей в это безумие. И есть еще Колдер. Святой, чье гребаное имя означает, что он смертоноснее, чем кто-либо. Он получил такое имя, потому что он никого не трахает. Или больше не делает этого, с тех пор, как мы были детьми-на-пакетах-молока. Ему определенно не нравится присутствие Эбби здесь. Никому из остальных парней это не нравится.

Но я восстановился почти на сто процентов, и кто-либо, идущий за Эбби, проходит через меня. Я всегда приду за ней и всегда буду защищать ее, и она об этом знает.

Мы обходим лифт и спускаемся по лестнице в подвал, туда, где, по ее мнению, хранятся исторические документы.

Я поворачиваю фонарь, помогая ей найти путь сквозь стеллажи, пока она не вытаскивает толстый переплет, поднося его к лучу света.

— Нашла.

Я удивленно поднимаю брови:

— Это было быстро.

— Итак, то, что нам нужно, в одной из книг. Я не знаю, в какой именно, так что поиски займут время. Поэтому, думаю, мы можем просто взять с собой все и найдем то, что нам нужно, когда вернемся назад в «Брэдфорд».

— Взять с собой все, — это заставляет меня рассмеяться. — Думаю, я плохо повлиял на тебя.

Она пожимает плечами. Возможно, она тоже так думает. Это не должно беспокоить меня. Я хватаю книгу за переплет и изучаю цифры и буквы.

Она оборачивается, веселье светится в ее взгляде.

— Они не используют десятичную классификацию Дьюи.

Она считает забавным, что я знаю, что такое десятичная классификация Дьюи. Да, я никогда не ходил в школу. Мое первое и последнее учебное заведение — это детский сад, но я пользовался тюремной библиотекой.

Я подыгрываю.

— Тогда какую систему они используют?

— Библиотеки Конгресса, — говорит она с легкостью. — Это лучше подходит для физических элементов различной формы и размеров. Артефактов или даже инструментов. Часто музыкальные библиотеки...

— Погоди.

вою мать, она настолько серьезно говорит об этом. Это заводит меня. Я оглядываюсь вокруг, но, конечно, мы одни. Возможно, я недостаточно хорош, — не один из ее мальчиков из колледжа. Это не останавливает меня.

Я кладу книгу на пол и прижимаю Эбби к стене. Ее глаза расширяются.

Она знает, ЧТО приближается.

Она не ожидала этого, и ее шок питает мою жажду. Мой член упирается в ткань джинсов. У моего члена большое эго. Он думает, что может прорваться сквозь ткань

джинсов, пробраться в ее юбку и толкнуться прямо в ее гладкую, теплую киску. Он прав.

Я вожу пальцем по ее щеке.

— Мне нравится, когда ты говоришь о классификации, — бормочу я.

Она смеется немного застенчиво. Это мне тоже нравится. Я такой чертовски твердый, что это причиняет боль.

Мне всегда нравились умные цыпочки. Так или иначе, запретные. Но Эбби — моя.

— Продолжай, — говорю я. — Что за другой вид?

А затем, я облизываю ее шею, от основания ее челюсти вниз, к ключице.

Она на вкус как соль и воздух, и возбуждение. Шумно втягивает воздух и пытается говорить.

— Организация Объединенных Наций...

Я прикусываю ее ключицу в том месте, где шея встречается с плечом.

— Продолжай, — бормочу.

— Символы Организации Объединенных Наций напечатаны в верхнем правом углу. Не на корешке книги...

Ее слова обрываются на выдохе. Наверное, потому что я сжимаю ее грудь через рубашку. Мне нравится вес ее груди, женственная мягкость, когда я ласкаю ее. Но этого недостаточно.

Поэтому я расстегиваю ее рубашку, обнажив грудь холодному, запыленному воздуху.

— Расскажи мне больше.

Она выпускает маленький всхлип, и даже это меня заводит. Я хочу слышать, как она говорит о системах и символах.

Я хочу слышать, как она кричит, стонет и умоляет меня. Хочу услышать любой звук, который она может издать, и собираюсь помочь ей в этом.

К черту это. Мне не нужно быть лучше. Я здесь главный.

Я нахожу ее сосок через кружево бюстгалтера и щипаю его. В этот раз резкий крик. Трусь пахом вдоль ее бедра, нуждаясь в трении.

— Еще.

Дрожь проходит по ее телу, но она хорошая девочка. Послушная. Вот почему так хорошо мне подходит. Она провела всю свою жизнь, обучая себя подчиняться.

— Первый сегмент... и иногда второй... определяет орган, который выпускает...

Я смеюсь себе под нос.

— Ты все это выдумываешь.

— Нет! — она звучит немного прерывисто. — Я бы не стала шутить о... о...

Но затем она замолкает, потому что я нахожу ее сосок своим языком.

Между нами по-прежнему кружево ее бюстгалтера. Но теперь оно влажное от моей слюны. Я мог бы легко отодвинуть ткань в сторону или разорвать ее на части, но мне нравится эта шероховатость. Речь о кружеве. Оно выглядит так красиво и нежно, как Эбби. Но как оно ощущается? Оно грубое. Я использую его, как наждачную бумагу. Пробегаю им по ее соску, слушая, как она шумно втягивает воздух.

— У меня есть тот самый орган, прямо здесь, — говорю я, даже если это звучит отстойно. Я слишком возбужден, чтобы беспокоиться. Кроме того, я до сих пор думаю, что она может издеваться надо мной. Орган, который выпускает? Это, как будто она чертовски хочет сосать мой член. И она действует довольно охотно, когда я хватаю ее за волосы и толкаю на пол.

Ее глаза — темные тайны, смотрящие на меня.

Я отпускаю ее и провожу большим пальцем вдоль ее губы.

— Ты хочешь этого, детка?

Я напрягаюсь. Почему я спрашиваю об этом? Для меня не должно иметь значения, чего она хочет, но это важно. Я хочу, чтобы она нуждалась в нас, как и я.

Она смотрит на меня, и я не представляю, каким будет ее ответ.

Пугающая часть состоит в том, что я не знаю, что буду делать, если она скажет «нет». Отпустить ее? Я не могу — она моя. Но в мою голову прокралась новая мысль, о том, что я не уверен, что смогу трахать ее рот, если она этого не захочет. Я не уверен, что могу использовать мягкое небо ее рта, чтобы дробить. Не уверен, что могу кончить на ее лицо, если она не скажет, что все нормально.

Я немного облажался. Но это так.

Эбби облизывает губы, и я понимаю, что она вовсе не собирается отвечать мне. Вместо этого ее руки тянутся к моим джинсам, расстегивая их и освобождая меня. Я вздрагиваю от ощущения ее мягких, маленьких рук. Боже, эти руки.

Я мог бы кончить прямо так. Несколько уверенных поглаживаний.

Она наклоняется вперед, и я задерживаю дыхание. Ее губы сжимаются вместе. Она целует кончик моего члена. Целует его. Как будто она чертовски соблазняет его или что-то в этом роде. Я почти кончаю.

— Выпускающий орган может быть Генеральной Ассамблеей, — говорит она своим чопорным тоном преподавателя. Затем облизывает основание моего члена.

Твою мать. Ядвигаю бедрами вперед. Хватаю ее голову, и это единственный способ удержаться от того, чтобы не кончить прямо сейчас. Сжимаю ее волосы в кулак, пока она не вздрагивает.

— Либо экономический или социальный совет.

Она берет мой член в рот, на этот раз, толкая его глубоко, прежде чем снова отпустить меня. Эбби заглатывает мой член несколько раз, прежде чем я беру инициативу на себя. Захватываю ее волосы в кулак и трахаю ее лицо глубже, чем она сама бы мне позволила.

Когда она отстраняется, я отпускаю ее. Я чувствую, как мои яйца готовы взорваться, но, черт возьми, позволяю ей отстраниться.

— Совет по опеке.

Ее голос дрожит, и я знаю, что сейчас она нервничает. Должна нервничать.

Я поднимаю ее за волосы, давая достаточно времени, чтобы удержать равновесие. Я не пытаюсь вырвать ее волосы. Но очень хочу напугать ее. По крайней мере, это должно было подействовать. Небольшое предупреждение о том, что должно произойти.

Когда она стоит, я тяну ее к ближайшему столу и толкаю на него лицом вниз. В два счета ее юбка поднята, трусики спущены вниз. Изгиб ее задницы выглядит чертовски великолепно в тусклом свете. Молочно-белый на темном фоне.

— Это все? — мой голос полностью охрип. Я в секунде от того, чтобы сорваться.

— Есть... есть секретариат.

Она запинается на слове. И я думаю, что это, должно быть, первый раз, когда она запинается на слове. Я сделал это с ней, так же как и заставил ее бедра блестеть.

Ногами я раздвигаю ее лодыжки. Мои пальцы скользят в теплое местечко, и она настолько мокрая.

Это ответ на вопрос, который я никогда не должен был задавать.

Ты хочешь этого, детка? И боже, она хочет. Она не могла сказать мне это обычными словами. Не такими как «да» или «пожалуйста», или «трахни меня». Не моя Эбби. Она должна говорить «библиотечными» словами, так, как она делает мне самый горячий, самый грязный, самый ловкий минет на планете.

Я проникаю двумя пальцами внутрь нее, затем тремя. Мне нужно, чтобы она была подготовленной и мягкой для того, что я задумал.

У меня занимает секунду, чтобы надеть презерватив. Я чертов бойскаут, готовый к этому даже во время взлома. Возможно, я всегда знал, что трахну ее в библиотеке. Еще находясь в тюрьме, я умирал от желания сделать это именно так, с запахом старых книг и чернил в воздухе. Она как-то сказала, что ей нравится, как пахнут книги. Я направляю мой член к ее киске, но, прежде чем толкаюсь в нее, она заикается:

— Подожди.

И по какой-то причине я так и делаю. По какой-то причине это пугает меня. Я думаю, возможно, Стоун прав. Возможно, я влюбился в нее.

— Совет безопасности, — говорит она на выдохе, и в это мгновение я вонзаюсь в нее, выбивая слова. И я не унимаюсь. Не даю ей никакого времени, чтобы привыкнуть. Все, что у меня для нее есть, — это сильные толчки, от которых останутся синяки, когда я врезаюсь в нее сзади.

Я удерживаю ее бедра, эти прекрасные бедра, и ускоряю движения в ее набухшую плоть.

Ее мышцы сжимаются вокруг меня. Она кричит. Боже, да, она так обильно, грязно кончает. Я хочу, чтобы она привела в беспорядок всю библиотеку, каждую страницу. Я хочу, чтобы она размазала чернила.

— Давай снова, — требую я, трахая ее сильнее и сильнее.

Она тихо всхлипывает:

— Я не могу.

— Не говори мне этого, твою мать. Не смей говорить мне об этом.

Просовываю руку под ее живот и нахожу ее влажные складки. И набухший бугорок на самом верху. Я кручу его между большим и указательным пальцем, пока она не напрягается и кричит что-то, что Стоун и Колдер, вероятно, могут слышать.

Гордость переполняет меня, но я не могу долго думать об этом. Потому что ее внутренние мышцы сжимают меня крепче, чем любой кулак. И все, что я могу делать, — это кричать, прежде чем тоже кончаю, изливаясь в ее горячую киску, покусывая ее шею, так что ни один из нас не может отрицать, кто и кем владеет.

34 глава

Эбигейл

Своим весом Грейсон прижимает меня к столу, его тяжелые вздохи вжимаются в меня, как будто эхо его толчков. Его член по-прежнему во мне, влажный и горячий. Непроизвольно мои внутренние мышцы сжимаются. Его член дергается в ответ. Между нашими телами происходит разговор. Общение.

Возможно, так было всегда.

Еще до того, как он похитил меня, в то время, когда я преподавала в тюрьме, а он был моим учеником, мое тело ответило ему.

Я притворялась, что была кем-то большим, чем моя мать. Кем-то большим, чем наркоманка. Большим, чем животное в тепле. Но правда в том, что всякий раз, когда я рядом с ним, я готова для него, чтобы он использовал меня, входил в меня, трахал меня. Я перестала бороться с этим. Хочу проиграть ему. Хочу, чтобы он сделал так, чтобы я проиграла ему.

— Эбби? — его голос хриплый. С помощью всего лишь одного слова, тихо произнесенного имени, он задает сто вопросов. В порядке ли я? Ненавижу ли я его теперь? Он не просто проверяет меня — он проверяет себя. Если я не в порядке, будет ли это волновать его?

Ответ приходит ко мне, когда я пытаюсь поймать ртом воздух, и он уменьшает давление. Ответ приходит ко мне, когда он покорно вздыхает, когда его член выскальзывает из моего влажного тела. Приходит, когда я слышу звук снимаемого презерватива, когда оборачиваюсь и вижу, как он смотрит на меня с какой-то мягкостью. Странно видеть это на его лице. Достаточно странно для того, чтобы задать ему встречный вопрос.

— Грейсон?

Легкомысленная улыбка приподнимает его губы.

— Это то, о чем я думал, когда присутствовал на твоих уроках.

Мое сердце сжимается. Потому что он думал не только об этом. Он думал о времени в другой тюрьме. Он все еще борется, чтобы вырваться, но его цепи сделаны не из металла.

Он должен быть свободным. Может быть, отомстив губернатору, он сможет достичь этого. Или нет?

Это сумасшедший, опасный шаг.

— Ты уверен насчет всего этого? Что, если это только все ухудшит?

— Это то, что мы должны сделать, — говорит он.

— Вы считаете его главным?

Он мрачно кивает.

— Почему вы до сих пор не пришли за ним?

— До этого времени мы не знали где он. Даже никогда не знали его имени. Мы называли его «Синий пиджак». Пока он вдруг не объявился. После десяти лет поисков он появляется на экране телевизора, как таракан, выползающий на свет. Гребаный губернатор. Уважаемый муж и отец. Столп общества.

Его голос звучит насмешливо.

— Он тот, кто похитил тебя?

Ответ очевиден, но ничего в случае с Грейсоном не может быть очевидным. Он — сплошные мышцы и твердость, но я снимаю слой за слоем, и то, что я нахожу внутри — нежное.

Нет ничего нежного в выражении его лица, когда он отвечает:

— Нет, эта честь принадлежала парню с пачкой наличных и с грузовиком мороженого. Хотел ли я эскимо? Хотел ли я также немного денег? В моем кармане было пятьдесят центов, Эбби. И в тот день я не обедал.

Мой желудок ухает вниз.

— Губернатор никогда бы не марал руки, выполняя фактическую работу. Были люди, которые похищали и удерживали нас. Губернатор только получал деньги от фильмов, в которых они заставляли нас сниматься. И, конечно же, он посещал нас лично. Особенно меня.

Смех Грейсона посылает озноб по моему позвоночнику.

— Он может купить все, что хочет. Может купить весь этот штат. Он может купить маленьких мальчиков.

Все, что я могу сделать, — это подойти к нему и положить на него руки. Чтобы говорить с ним каким-то испорченным языком любви, на котором говорим только мы двое, где мы раним друг друга, только чтобы успокоить нанесенные раны.

Теперь голос Грейсона звучит грубо. Его выражение лица соответствует голосу.

— Я был его любимчиком. Вот почему парни не пытались убить его, пока я был за решеткой. Потому что я был... я был его любимчиком.

Его голос надламывается.

Слово «любимчик» на вкус, как желчь, обжигает меня изнутри. Любимчик. И все ужасные вещи, которые ждут мальчика в плену у мужчин.

Я могла бы оказать ему сочувствие. Нормальные люди сказали бы: «Мне так жаль. То, что он делал, было неправильно. Ты не заслужил этого. Я ненавижу его».

Я люблю тебя.

Сказать это, значило бы только ухудшить все, потому что он не поверит мне.

Не может поверить мне.

Поэтому, вместо этого, я говорю одну фразу, которая, я знаю, поможет. Единственную вещь, которая имеет значение. И тем самым, я связываю себя с ним более тесно, чем, если бы я использовала веревку или наручники.

— Позволь мне пойти с тобой.

Получить планы здания недостаточно. Мне нужно быть с ним в этих закрученных поисках, даже если я думаю, что это неправильно.

Особенно теперь.

Грейсон поднимает брови. Его голос передразнивает, когда он говорит:

— Тебе.

Я прищуриваюсь и делаю шаг вперед, вторгаясь в его пространство. То, чему он учил меня на собственном примере.

— Я сильнее, чем кажусь.

Выражение его лица отрезвляет.

— Я знаю это, дорогая. Чтобы вынести меня необходимо быть такой.

Мое горло сжимается. Вот, как он видит себя. Как что-то, что нужно вынести. Бесчувственное.

Недостойное любви.

Боюсь, что убийство губернатора не принесет ему желаемого покоя. И боюсь, что он сломается, когда осознает это.

35 глава

Эбигейл

Мы за большим столом в главной комнате, в том месте, куда они сначала положили Грейсона, когда я доставила его сюда. Все парни здесь: Нейт, Стоун, Грейсон, Колдер, Круз, Нокс, Райленд.

Ребята разбирают инструменты и оружие. Они экипируются.

Я не получаю пистолет. Есть только я, обуреваемая чувством страха. Думаю, что это ошибка. Думаю, что убийство губернатора является ошибкой.

Но я не могу отвернуться от Грейсона. Не могу сказать ему «нет». У некоторых людей отношения из солнца и роз. Наши отношения — это тьма и месть.

Пора.

Мы грузим все в две машины. Они подготавливают «Хаммер» рядом, на случай, если обстановка накалится. Одна из их модных игрушек, которую они редко используют, но, по-видимому, он — пуленепробиваемый. Я в легковом автомобиле с Грейсоном, мы едем по пустынным улицам, свободным от автомобилей в четыре часа утра, пока не сворачиваем на улицы фешенебельного района. Паркуемся в тени пристройки, и пятеро из нас быстро перемещаются сквозь темноту к следующему блоку. Один из парней размещается рядом с каменными воротами, которые закрывают его от лунного света и дают ему четкий вид на подъездную дорожку губернатора. Он предупредит Грейсона и Стоуна о любой возможной опасности. Может, даже отведет ее. Я бы не хотела бороться с ним.

Особняк губернатора освещается прожекторами, которые светят вверх из земли, что делает его похожим на замок. Охранник в маленькой будке у ворот без сознания, под действием лекарств. Я ничего не могу с собой поделат, но чувствую вину.

Не знаю почему, но моя решимость укрепляется, когда я смотрю на Грейсона, прекрасного в своей ранимости, ангела мести, который восстановит справедливость за утраченную невинность. Правила смертных не применяются.

Дальше по улице слышен звук разбрызгивателя.

Мы разделились и устремляемся вниз по дороге, прячась в тени, и бросаемся через газон. Проскальзываем сквозь тени к задней части массивного дома и приседаем в траве, на темной стороне каменной ограды, которую поддерживают резные каменные балюстрады. Она простирается вокруг краев крыльца из красной черепицы. План состоит в том, что мы с Нейтом продолжаем наблюдение с задней стороны. Грейсон, Стоун и остальные парни проникают внутрь, через крышу. Чертежи, которые мы украли, указывают путь. Они очистят дом и позволят нам войти.

Грейсон касается моей щеки, а затем исчезает в темноте.

Тихий выстрел звучит сквозь тишину. Затем еще один. Отключение охранников.

Нейт снабдил нескольких парней пушками с транквилизаторами. У нас есть информация, что губернатор и его жена спят в разных комнатах, и его жена принимает серьезные снотворные, но Нейт думает, что мы все равно должны обезвредить ее транквилизатором.

Я сижу в траве, покрытой росой, едва дыша. Нейт смотрит на меня:

— Они будут в порядке. Они лучшие.

36 глава

Грейсон

С помощью веревок парни взбираются на четырехэтажный особняк. Стоун спускает вниз веревочную лестницу для меня. Мое плечо не в том состоянии, чтобы использовать наш привычный способ проникновения. Нейт вообще не хотел, чтобы я принимал участие в этой части операции. Но он никогда не был в состоянии удержать меня от подобного.

Я никогда раньше хладнокровно не убивал человека. В разгар разборок — да. Парней, пытающихся убить меня — да. Но не беспомощного. За исключением того, что губернатор никогда не казался беспомощным — не для нас. Имеет большое значение, что они оставили его убийство за мной. Я помню тот хреновый день, когда Стоун пообещал мне это. Я хорошенько облажался, и он сгреб мои волосы в кулак, посмотрел мне в глаза и сказал: «Мы причиним ему сильную боль, но ты убьешь его, Грейсон. Ты убьешь его, хорошо?»

Несколько минут спустя, мы лежим на крыше особняка, смотря на звезды, и ждем сигнал к действию от Колдера. Я смотрю на Стоуна рядом со мной, в его черном рваном худи, темные глаза наполнены смертью. Даже глядя в прохладное морозное небо, он выглядит сердитым. Жестким. Как будто ненавидит звезды.

Но у него доброе сердце — опасное сердце, но доброе. Мне интересно, видит ли Эбби это. Мне бы хотелось, чтобы она поняла его. Я хочу, чтобы он понял ее.

— Скоро, — шепчет Стоун.

Я представляю свои руки, сжимающие горло губернатора. Я прокручиваю это в голове много раз, ощущая, как он дергается и сопротивляется, как жизнь покидает его. Хотя это и не заставляет меня чувствовать себя счастливым, но дает определенный комфорт. Возможно, даже некоторое умиротворение. Причинение боли и убийство губернатора всегда было заменой счастья. Потому что я знал — настоящего счастья у меня никогда не будет.

То, что Эбби хочет пойти со мной, имеет огромное значение. Настолько огромное, что я не знаю, что с этим делать, и мой пульс ускоряется, когда я думаю о ней там. Мне не нравится оставлять ее, но я не хочу, чтобы она принимала участие в опасном этапе зачистки.

Я видел людей, говорящих, что день их свадьбы был лучшим моментом в их жизни, или день рождения ребенка, или другое подобное дерьмо, но я не могу представить что-либо лучше, чем, когда Эбби сказала мне, что хочет быть там, рядом со мной, когда я буду убивать этого ублюдка. Как будто она спокойно относится к тому, что достигла самой темной части меня. Как будто на самом деле хочет пойти туда. Наличие ребенка или обручального кольца с этим и рядом не стояло.

Исторические чертежи сыграли нам на руку — открыли систему вертикальных тоннелей для старомодной системы обогрева паром, которые простираются до самой крыши. Эта старая система была со временем заменена системой радиаторов, но пустые тоннели по-прежнему здесь, если знать, где искать.

То, чем мы сейчас и занимаемся.

Мы сделали замеры и получили данные о расположении пустого тоннеля, больше похожего на желоб, как раз под частью выхлопной трубы от системы ОВК (прим. пер. Система отопления, вентиляции и кондиционирования) на западной стороне крыши.

Телефон Стоуна гудит. Пора.

Провернуть все без лишнего шума — сложная задача. Мы приглушаем звук с помощью прорезиненных одеял и пробиваемся через тонкий, как бумага, облицовочный слой. Здесь есть комната под чердаком. Мы знали о ней, и она набита проводкой. Прелесть желоба отопления заключается в том, что он идет в обход этой комнаты. Мы хватаемся за поручни, чтобы не соскользнуть в самый низ, в подвал, и останавливаемся на гипсокартонном участке на четвертом этаже. Передвижение вызывает немного больше шума, чем нужно, и вот мы уже внутри.

Стоун, Круз и я тащим задницы вниз по ступенькам с оружием наготове. Круз врывается в спальню жены губернатора, чтобы выстрелить в нее транквилизатором. Стоун и я

врываемся в спальню губернатора.

Он явно только что проснулся. Съежился в своей постели, в долбанной шапке для сна, натянутой на его седые волосы, удерживая в дрожащей руке шестизарядный револьвер калибра.357 Magnum.

Прикроватная лампа отбрасывает круг света в его сторону. Достаточно, чтобы увидеть ужас на его лице, когда он узнает меня. Он бросается к спинке кровати.

— Я буду стрелять!

Во мне вибрирует дикая энергия, может быть, это ярость, я не знаю. Я бросаю взгляд на Стоуна. Нам не нужны слова, мы знаем, как ведет себя человек с пистолетом. Мы расходимся в разные стороны комнаты.

— На помощь! — кричит губернатор, тыча пистолетом в мою сторону, затем замахивается им в другую сторону, чтобы прицелится в Стоуна. Но он не может стрелять в нас обоих.

— Ты не можешь позвать на помощь, — говорю я. — Звучит знакомо? Кто еще не имел возможности позвать на помощь, помнишь?

Он снова разворачивает револьвер, целясь в меня. Он не сделает этого. Он трус. И знает, что в ту самую секунду, когда он выстрелит в одного из нас, другой сразу убьет его. Если бы он был умным, он бы знал, что уже мертв.

— Опуст пистолет и вылезай из долбаной постели! — рычит Стоун, стоя там, весь в черном, вплоть до его мотоциклетных ботинок. — Иними эту гребаную шапку с головы! Я хочу, чтобы ты снял ее сейчас же!

Губернатор тупо таращится на него.

— Сейчас же!!!

Стоун сосредоточился на шапке для сна губернатора. Вы никогда не знаете, на чем Стоун сосредоточится.

— У меня есть деньги, — говорит губернатор. — Я у вас в долгу, понимаю, я могу обеспечить вас до конца жизни.

Стоун подлетает к книжной полке, полной фотографий в рамках и хрупких предметов, и яростным взмахом сметает все это. Вещи падают на пол. Он проделывает это и с остальными полками, пребывая в диком гневе. Это то, что мы будем делать с тобой.

Это мой сигнал, чтобы подлететь к губернатору и, хватая его руку со стреляющим револьвером, быстро направить ее вверх и в сторону, где выстрел не сможет причинить вреда. Выстрел выходит, но впустую. Я выкручиваю оружие из его руки и бросаю в стену с такой силой, что трескается штукатурка. Положив его лицом в кровать, я тяну его руку за спину, коленом упираясь в позвоночник.

— Ты должен нам больше, чем деньги, — скрежещу зубами.

Хватаю его за волосы и рывком дергаю, продолжая тянуть за руку.

Он задыхается от боли. Возможно, я что-то сломал ему, но я не могу отпустить, потому что в глубине души думаю, что если отпущу его, то он сможет причинить мне боль.

Что это еще за хрень? Я вдвое больше его, мои ребята здесь, но губернатор все еще кажется угрозой.

Стоун подходит и бьет по челюсти губернатора с оглушительной силой, которую я ощущаю собственным телом. Да, я был любимчиком губернатора, но он трахал каждого из нас, во всех смыслах этого слова.

Стоун снимает с него шапку.

— Я сказал снять шапку!!!

Он оборачивает ее вокруг кулака и со всей силы бьет губернатора в ухо, отчего на том расцветает кровавое пятно.

Я рывком поднимаю голову губернатора вверх.

— Теперь твоя задница — наша, и мы не будем нежными.

Стоун звонит по телефону парням и зовет их сюда, затем он откладывает пистолет в сторону и достает нож.

— Грейсон, — говорит губернатор, задрав голову и глядя на меня, как будто мы друзья, таким взглядом он привык смотреть на меня.

Привязанность.

Это болезненное чувство приходит ко мне, всколыхнув в памяти все те времена, когда я был беспомощным под ним, и он смотрел на меня подобным взглядом. Хуже всего то, что я знаю, что он на самом деле чувствует какое-то извращенное влечение.

— Грейсон.

— Заткнись! — Я дергаю его за руку, причиняя боль. — Ты не можешь произносить мое имя!

Подходят остальные ребята, толпясь в спальне. У них пистолеты и ножи, мы все хотим разделать его на части.

Мое сердце бешено колотится, когда Эбби проскальзывает и встает рядом с Нейтом. Круз плюхается на диван, поместив одну ногу на подлокотник.

Колдер тянет вазу с пьедестала в углу и швыряет ее через всю комнату.

— Похоже, все здесь, — говорю я. — Что мы в настроении делать, губернатор?

Страшная тишина прокатывается по комнате.

Губернатор трясет головой:

— Нет, нет!

Да, он помнит.

Это то, о чем он спрашивал меня и других мальчиков. Что мы в настроении делать, Грейсон? Что мы в настроении делать, Стоун? Как будто у нас был какой-то выбор.

Я сжимаю его волосы в кулак и выкручиваю руку сильнее.

— Что мы в настроении делать? Что? Ответ!

— У меня есть жена, — пыхтит он. — И дочь.

Боковым зрением я ловлю блеск металла. Нейт держит скальпель и подступает.

— Ты пытаешься очеловечить себя? Ты реально пытаешься очеловечить себя в наших глазах после всего того, что ты нам сделал? — спрашивает он.

— Ее зовут Алана.

Нейт вздыхает и смотрит в потолок.

Я вздрагиваю. Никто не в состоянии вытащить темную сторону Нейта наружу так, как это делает губернатор. И он только что сделал это. Ситуация могла бы стать кровавой.

— Колдер, удерживай его рот открытым, — говорит Нейт. — Я собираюсь вырезать язык этого человека. — Губернатор яростно двигает головой вперед и назад, насколько у него получается из-за моей руки, сжимающей его волосы.

Колдер засовывает свой девятимиллиметровый пистолет себе за пояс, и хватает лицо губернатора, готовясь заставить его открыть рот.

Губернатор говорит в свое оправдание:

— Это был не я. Не я руководил операцией.

Через меня прокатывается гнев.

— Ты думаешь, мы тупые?

— Это кто-то выше меня. У них есть другие мальчики, — бормочет губернатор. —

Прямо сейчас...

Мне становится плохо. Это не может быть правдой. Но у меня плохое предчувствие, что это правда. Из-за того, как он сказал это. Я дергаю его за волосы.

— Отвечай мне. Ты думаешь, мы тупые?

— Нет. Я думаю, вам есть до этого дело. Я могу помочь вам найти их, — губернатор тяжело дышит. — Я не хочу, что бы это продолжалось, клянусь! У меня есть контакты. Уильям Фосси.

Мои внутренности скручивает. Он говорит так, как будто мы должны знать это имя. Я оглядываюсь. Стоун выглядит настороженным, но он, должно быть, тоже поверил в это.

— Федеральный судья Уильям Фосси? — спрашивает Эбби.

— На фото, — показывает Дорман.

Возле одного из книжных шкафов Нейт подбирает фото в блестящих рамках.

— О чем ты говоришь?

— В нижнем ящике. Я и судья. Там одна... смотрите на фон.

Нейт рывком открывает ящик и выворачивает его. Затем он поднимает что-то.

— Дерьмо, — говорит он.

— Что? — спрашиваю я.

Нейт приносит фото Стоуну, который смотрит и затем извергает проклятия.

— Где? — Нейт спрашивает губернатора. — Где остальные мальчики?

Нейт тоже верит ему.

— Отпустите меня, и я помогу вам.

Нейт подбрасывает рамку с фото, приближаясь к кровати, и всаживает скальпель глубоко в бедро губернатора, с яростью, которую я не видел в нем долгие годы. Дорман кричит от боли.

Вот оно. Нейт стал темным.

— Где? — Нейт спрашивает спокойно.

— Где они? — рычу я, сильно дергая его. — Ты скажешь нам сейчас.

— Я не знаю, — он задыхается. — Я получил заказы. Я не один. Вы можете использовать меня, чтобы найти их. Я могу помочь вам... помогу вам... пожалуйста.

Я переглядываюсь со Стоуном. Да, мы оба знаем, что парень выдал все, что у него есть.

— Сними с него штаны, — Стоун говорит кому-то. — Давай сделаем это.

— Грейсон... — он умоляет. — Пожалуйста, Грейсон...

Я снова улавливаю намек на привязанность, горячий гнев прокатывается через меня, я выхожу из-под контроля, и все, что могу делать, это бить его снова и снова, до хруста в костяшках пальцев. Я не могу остановиться. Как будто я не выживу, если не почувствую, как он разваливается на части под моими кулаками.

— Убейте его! — кричит Круз.

Губернатор прячет лицо, но мой кулак так же невозможно остановить, как гребанный грузовой поезд. Я стаскиваю его с кровати и, удерживая одной рукой прижатым к стене, другой рукой выбиваю все из его лица. Снова и снова мой кулак соединяется с его окровавленным лицом. Его голова дергается.

Я чувствую, как мои швы расходятся. Рана пульсирует. Но мне плевать на это.

Слышу, как мои ребята подбадривают меня, чтобы я убил губернатора, и слышу любовь в их голосах, пока бью его. Кулак горит огнем. Костяшки голодные до крови.

Но затем я вспоминаю про Эбби, и моя рука замедляется. Что за черт? Я никогда не должен был брать ее. Она думает, что я пещерный человек. Меньше, чем человек.

Она права.

Я останавливаюсь. Меня трясет.

Губернатор смотрит на меня голубыми глазами, этот взгляд он использует, когда его эмоции вызывают боль. Как будто вы неправильно себя ведете или как будто отвергаете его.

Взгляд провоцирует хаос во мне, и внезапно я возвращаюсь обратно, ударяя его, выбивая его зубы.

Я никогда не смогу причинить ему достаточно боли. Он забрал все хорошее, что было в нас. Все, что могло сделать нас хорошими людьми. Все, что могло бы сделать меня достойным такой девушки, как Эбби.

Звуки меняются и нарастают. Мне нужно размазать каждый его сантиметр своим кулаком. Он отнял все.

— Грейсон! — кричит Эбби.

— Уберите ее отсюда! — Бью его еще раз.

— Нет! — Она хватает меня сзади за футболку. — Прекрати это. Не дай ему выиграть таким образом.

Я останавливаюсь. Это какое-то гребаное чудо, что я могу это сделать, но я бешенное животное я не хочу, чтобы ей досталось.

— Иди, — я тяжело дышу. — Ты не можешь находиться здесь.

— Грейсон, — говорит она.

Я чувствую, как парни ждут мою реплику, ждут, чтобы увидеть, действительно ли я хочу, чтобы она ушла после того, как притащил ее сюда. Это как будто тест. Месть или неудача. Они или она.

Я дрожу, прижимая Дормана к стене, пока он смотрит на меня своими яркими, страдающими глазами, кровь течет из каждой дырки на его лице, в том числе из нескольких, которые сделал я.

— Ты лучше этого, — говорит она за моей спиной. — Ты хороший человек, Грейсон.

Я оборачиваюсь лицом к ней, волоча за собой полубессознательного Дормана и удерживая его за рубашку между нами. Его голова падает вперед, подбородок прижат к груди.

Я позволяю ей взглянуть на меня, зная, что я весь в его крови. Это не первый раз, когда я покрыт его жидкостью, и это ощущается как темная, отчаянная красота, как ненависть, как боевая раскраска. Как забвение.

Я уже ничего не соображаю, но ее глаза говорят мне, что она чертовски напугана, и ей действительно стоит бояться.

— Я не лучше этого! — рычу. Я направляю мое колено прямо ему в лицо. Отвратительный треск. Он выпускает гортанный крик. Должно быть, это его нос.

— Нет! — кричит Эбби.

— Я не хороший человек. Я даже не человек.

— Ты не прав, Грейсон, ты не можешь убить его.

— Ты не можешь изменить свое мнение, — говорю я. — Ты сказала, что ты со мной. Ты сказала, что достаточно сильная.

— Я достаточно сильная, — говорит она. — Достаточно сильная, чтобы сказать тебе «нет». Достаточно сильная, чтобы знать, что ты лучше этого. Достаточно сильная, чтобы, черт возьми, любить тебя.

Это чересчур. То, что она сказала последним. И я никогда не смогу это иметь. Я коленом бью ему в грудь и чувствую, как треснуло ребро. Он кашляет, и это звучит ненормально. Он сломан. Потому что я чертовски ломаю его. Я разрываю его на части голыми руками.

— Выведите ее к чертям!

Ребята начинают действовать, когда я швыряю его на кровать и еще какое-то время бью. Они выводят ее, я слышу, как она отбивается от них. Мне всегда нравилось насколько сильной она была, насколько была бойцом, но Эбби не может победить меня. Так или иначе, не может сражаться со мной и победить.

Я слышу ее голос в коридоре. Я бью его еще раз, будучи еще более разъяренным сейчас. Я на самом деле причинил ему боль, но не могу остановиться. Я не знаю, сколько еще раз ударил его, но в какой-то момент, когда меняю угол удара, я ловлю его взгляд, направленный на меня. Эти гребаные глаза, но теперь они другие.

Я останавливаюсь, кулак поднят, и внутри меня какое-то странное чувство. Это не тот притворно-болезненный взгляд. Глаза больше не говорят: «Что мы в настроении делать?»

Это человеческие глаза. Полумертвого, да, но человека. Страдающие глаза.

И меня чертовски трясет.

Потому что на одну дикуую секунду, я смотрю его глазами на страдающего маленького мальчика, и не знаю, я ли этот маленький мальчик, или он.

Меня трясет. Тошнит. И вся энергия для убийства вытекает из меня.

Я скатываюсь с него и ложусь на кровать, тяжело дыша, слушая затрудненное дыхание Дормана. Дыхание сломанного носа, возможно, дыхание пробитых легких, возможно, и то и другое.

Стоун падает на кровать рядом со мной и кладет руку мне на сердце, как он делал всегда. Колдер приходит и нависает надо мной и губернатором:

— Хочешь, чтобы я прикончил его?

— У нас остался, по меньшей мере, час, — говорит Стоун. — Он сможет. Это дело Грейсона. В любом случае.

Значимость в том, кто убьет его. Само собой разумеется, что он должен умереть. Дьявол должен быть убит.

Но теперь я не уверен. Я не могу избавиться от этого его взгляда. Он никогда не видел в нас людей, в этом было его преступление. Но я также не видел в нем человека. Я не вижу человеческих качеств у большинства людей.

— Нейт с ней? — спрашиваю.

— Да, — говорит Стоун. — Он уводит ее с территории.

Конечно, именно Нейт вывел бы ее. Он бы хотел покинуть это место. Его темная сторона всплывает на поверхность. Тьма внутри Нейта потрясает не меньше его доброты.

Я избавляюсь от парней и присаживаюсь на край кровати. Чтобы первый раз за все время увидеть человечность губернатора, чтобы первый раз подумать, что что-то хорошее выйдет из этого.

Бл*дь.

— Причиняя ему гребаную боль и убивая его. Кем это делает нас?

Стоун сидит и свирепо смотрит.

— Нет, мать твою, — он обвиняюще указывает пальцем на меня. — Ни в коем случае. Он злится. Он как будто смотрит на Эбби сквозь меня, на то, как она вынесла мне мозг. Я встаю.

— Я хочу сказать, давайте посмотрим на это.

— Мы смотрели на это всю свою жизнь, — говорит Стоун. Он указывает Крузу и другим ребятам привязать Дормана к спинке кровати.

Я дезориентирован, слушаю яростный звук, с которым рвутся простыни. Часть меня до сих пор хочет, чтобы он заплатил за все. Я хочу его боли. Это все, что я когда-либо хотел. Но когда Эбби сказала те слова: что я был хорошим, что она любит меня — это что-то изменило во мне.

— Пожалуйста, нет! — говорит Дорман. — Пожалуйста!

— Заткнись!

Стоун вгоняет кулак в живот губернатора, затем раскрывает свой нож. Действительно ли Стоун отрежет ему яйца и засунет их ему в рот? Вырвет ли Колдер его кишки?

— Я сожалею, — говорит скрипучим голосом Дорман.

Сожалею. И я чувствую этот новый вид боли.

Стоун встречается со мной взглядом. Он никогда не мог смотреть на мою боль. Никто из нас.

Он подкрадывается к губернатору и уверенным, быстрым движением вгоняет лезвие ему в горло. Булькающий звук.

— Один клинок, чтобы защитить моих братьев, другой, чтобы отомстить, — рычит Стоун.

С невероятной силой он дергает лезвие поперек горла губернатора. Булькающие звуки прекратились. Он вытаскивает нож и смотрит на меня, все его лицо в крови.

Готово. Подарок.

— Давайте убираться отсюда, — говорит Стоун.

— Твою ж мать! — Колдер вынимает свой телефон. — Кто-то идет. Команда. Не копы. Выше по дороге.

— Эбби, — выдыхаю я.

— Теперь они в безопасности, — говорит Стоун. Он прав, Нейт уже запросто увел ее отсюда.

— Команда находится выше по дороге. Приближаются на машинах.

— Воспользуйтесь черным ходом, — Колдер бежит. Мы следуем за ним по коридору и вниз по узкой лестнице, стараясь не шуметь.

Двигаемся через темные пространства на первом этаже. Как только четко видим путь, что-то падает. Громко. Колдер ускоряется и направляется к выходу через веранду, и мы все следуем за ним. Пистолетный выстрел разрывает прохладный ночной воздух. Я больше не вижу Круза боковым зрением.

— Твою мать! — Я дико отстреливаюсь в доме, пока ребята тянут его через железную дорогу. Он ранен в бедро.

— Я прикрою, — кричит Стоун. — Дотащите его до того холма, мы уйдем на «Хаммере». Я найду Нейта и Эбби.

Стоун уже занял позицию и отстреливается между каменными балюстрадами. Это я должен был идти за Нейтом и Эбби, но нет времени на споры. Колдер и Нокс удерживают

Круза между ними. Мне нужно прикрыть их с тыла, иначе ни одни из них не останется в живых.

Каждая часть меня кричит от желания найти Эбби, быть тем, кто убедится, что она в безопасности, но я не могу отказаться от моей команды. Мы бежим по темному травяному газону наружу через задние ворота, которые мы разблокировали.

— Продолжай зажимать, понял? — говорит Стоун, тяжело дыша.

— Хорошо, — говорит Круз. — Я не думаю, что это артерия.

Мы доводим его до холма, помогая друг другу. Это медленное передвижение. Наконец, взбираемся на холм и достигаем «Хаммера». Мы кладем Круза на землю. Колдер разговаривает с Крузом о том, где именно он ощущает боль, на случай, если Круз вырубится до того, как придет Нейт.

Я иду к краю холма, раненое плечо адски ноет от боли и пропитывается кровью. Нейту снова придется меня зашивать, но меня это не волнует.

С вершины холма все хорошо видно. Место освещается мигающим красным, и все, о чем я могу думать, — это Эбби. С Нейтом. Взбесившаяся. И что, если копы поймают ее? Или еще хуже, что если ее поймают люди губернатора?

В кустах я слышу шелест. Поднимаю пистолет.

— Это я, — говорит Нейт.

— Где Эбби? — спрашиваю я.

— Стоун забирает ее из поля видимости.

— Бл*дь!

— Она медленная.

Нейт присаживается возле Круза. Колдер светит фонариком на рану в то время, пока Нейт разрезает окровавленную ткань.

— Они будут ходить по кругу.

Ребята бесчисленное количество времени готовились к проникновению и изучали это место, и у них есть множество вариантов побега и планов действий в чрезвычайных ситуациях. Это самый очевидный выбор и самый легкий для Эбби, но он мне по-прежнему не нравится.

Нейт расспрашивает Круза, руками двигая по ране.

— Ты в порядке, — говорит он. — Это несерьезное ранение.

Я слышу звук медицинской ленты.

Я смотрю на море мигающего красного. Колдер подходит ко мне и протягивает бинокль. Я подношу его к глазам и пытаюсь отыскать место, где могут быть Стоун и Эбби. Слишком темно и большую часть маршрута их побега загораживает стена. Я отдаю его обратно Колдеру и звоню Стоуну. Включается голосовая почта. Мне не нравится то ощущение, которое у меня возникает.

— Стоун заполучил ее, — говорит Колдер.

И Стоун хочет ее смерти.

— Я иду туда.

— Не будь идиотом. Тебя убьют, — говорит Колдер.

— Я должен.

Следующее, что я ощущаю, — это пистолет, приставленный к моему животу. Колдер.

— Ты думаешь, мы сможем прийти туда за тобой после того, как ты уйдешь отсюда? Ты никуда не пойдешь.

— Пошел ты! — Я вынимаю свой пистолет и приставляю к его животу. Мы бы не возвели курки друг против друга. Мы братья.

За исключением, если Стоун причинит боль Эбби. Тогда я должен буду убить его.

37 глава

Эбигейл

Все произошло, как во сне. Слишком сюрреалистично, слишком быстро. Грейсон, как дикий, набрасывается на губернатора. Нейт заставляет меня идти обратно к аллее, обнесенной стеной, которая идет вверх по склону от участка особняка. Я пыталась вернуться обратно в дом, назад к Грейсону, но Нейт держал меня за руку и не позволял мне уйти.

Прибыли люди и началась перестрелка. Нейт сказал, что это люди губернатора. Я не знаю, откуда ему это было известно. Затем зазвучали сирены.

Когда пришел Стоун, я знала, что все пойдет плохо. Он послал Нейта к холму, откуда открывается вид на реку. Он сказал, что Круз ранен.

Я хочу пойти с Нейтом и убедиться, что Грейсон в порядке, но Стоун удерживает мое плечо, как в тисках.

— Я должна увидеть его, — говорю я. — Должна сказать ему, что все в порядке.

Стоун сильно дергает меня за руку, как только Нейт исчезает из поля зрения.

— Ты думаешь, Грейсон хочет тебя видеть после того, что ты сделала? Грейсон доверил тебе быть рядом с ним в самый важный момент в его жизни, а ты все испортила. Ты заставила его чувствовать себя дерьмом за то, что он должен был сделать.

Я стараюсь вырваться из хватки Стоуна, сердце колотится.

— Я не могла позволить ему...

Он ужесточает хватку.

— Ты хоть знаешь, каково это — пройти через все то, через что прошли мы? — рычит Стоун. — Нет. И никогда не сможешь узнать. Ты никогда не сможешь быть, как мы. Никогда не сможешь быть с ним.

— Он сделал...? — я боюсь закончить фразу.

— Как ты думаешь, что он сделал? — рычит Стоун. — Человек отнял у нас все.

— Не все.

Если он на самом деле отнял все, то ничего не осталось. Если он отнял все, то никакой надежды для Грейсона не осталось, и я не могу верить в это.

Автомобиль приближается, и Стоун тянет меня между двух мусорных контейнеров, держа пистолет у моего виска. Я чувствую кипящую в нем ярость. Я не двигаюсь. Вижу, что он ищет повод, чтобы выстрелить в меня, открыть огонь по копам.

Автомобиль проезжает, но он продолжает удерживать меня внизу, на крупном гравии, впиваясь пальцами в мою плоть. Меня охватывает ледяное чувство, когда он поворачивается ко мне и приставляет пистолет к моей шее. Через его хватку я ощущаю гнев, его дыхание возле моей головы. Я пытаюсь вырваться, но его рука — как сталь. Вот оно. Наконец-то он один на один со мной, без Грейсона или Нейта, которые могли бы его остановить. Сейчас он собирается убить меня.

— Отпусти меня, — умоляю я. — Пожалуйста, я ничего не скажу, обещаю. Я скажу, что он все время накачивал меня лекарствами, что я ничего не помню.

— Ты не справишься.

— Я сделаю это, — мое сердце бешено колотится. — Клянусь!

— Ты думаешь, я могу доверить тебе жизни моих ребят? Ни в коем гребаном случае.

— Он тоже знает мои секреты, звонок в 9-1-1... это ужасный секрет. У него тоже есть на меня информация.

Пауза. Все, что я слышу, — это мой собственный учащенный пульс. Потом он говорит:

— Мне жаль.

В этот момент все становится абсолютно ясно. Этот человек убьет меня. Кругом звучало достаточно выстрелов, чтобы он смог обвинить в этом кого-то другого. Или, может, Грейсону действительно будет плевать, и он зол на меня после того, как я пыталась удержать его.

— Ты готова? — спрашивает он тихо, как будто он читает мои мысли, его взгляд почти мягкий, почти добрый, когда он готовится убить меня.

Мое сердце ухает вниз. Я пытаюсь вырваться, но Стоун ожидает этого. Он держит меня.

— Ты хочешь, чтобы я считал? — спрашивает он.

— Считать? — Это кажется бредом. Кто будет считать, когда собирается пристрелить кого-то? — Считать? — Слезы текут по моим щекам, я прерывисто вздыхаю: — Подожди. Скажи ему... скажи, что я считаю его хорошим человеком, — говорю я. — Скажи ему, что я знаю, что сейчас творится у него внутри. Скажи ему, что он хороший человек, — шепчу я. — Те монстры никогда не касались того, что было в нем важным.

Стоун свирепо смотрит на меня.

— Пошел ты, — говорю я. — Те монстры не забрали того, что было в нем важным. Скажи ему, что я люблю его.

Повисает тишина, и он сильнее прижимает пистолет к моей шее, сердится.

— Ты причинила ему боль.

— Я знаю, — я задыхаюсь.

— Ты запудрила ему мозг.

— Я люблю его.

— Это не принесло ему много хорошего, не так ли?

Я застываю, ожидая его выстрела. Мои глаза закрыты. Ненавидит ли Грейсон меня сейчас?

— Я ничего не могу поделать, я люблю его, — говорю тихим голосом.

Наступает долгая тишина.

Затем он опускает пистолет, и я шумно вдыхаю.

— Иди. Но если ты хоть что-то скажешь о нас: одно гребаное заявление в полицию, один гребанный писк о «Брэдфорде», ты — труп.

— Хорошо.

— Если ты будешь пытаться установить контакт с ним, любой контакт, ты — труп. Он не хочет тебя видеть. Иди, прежде чем я передумаю. — Он толкает меня и указывает: — Полицейский автомобиль в конце дороги, сделай вид, что ты сбежала. Возвращайся домой.

Я бегу. Лицо мокрое, колени трясутся. Я отчаянно хочу увидеть Грейсона. Даже если он ненавидит меня, я должна убедиться, что он в порядке. Но я не знаю, где он, и Стоун по-прежнему за моей спиной, готовый стрелять.

Как только добираюсь до улицы, прожектор резко освещает меня. Кто-то говорит мне поднять руки. Я замедляюсь, руки подняты. В конечном итоге я оказываюсь сзади машины

скорой помощи.

Они говорят, что я травмирована. Я предполагаю, что это правда. Я называю кому-то мое имя. Каждый хочет знать, где Грейсон. Я говорю, что не знаю. И это правда.

38 глава

Грейсон

Стоун прорывается через кусты, тяжело дыша:

— Поехали!

Вслед за ним никто не появляется.

— Где Эбби, твою мать?

— Она побежала к копам. Мне очень жаль, чувак.

Отрицание врезается в мои внутренности.

— Что? Нет!

— Ты что, не слышал меня? Она побежала к копам.

Я делаю несколько быстрых шагов и хватаю его за воротник:

— Какого черта ты сделал?

Он пихает меня. Боль молнией пронзает мое плечо.

— Она ушла. Бросила тебя.

— Пошел ты! Она не стала бы этого делать!

Я начинаю бежать вниз по холму, но Колдер обхватывает меня руками вокруг груди.

— Она не могла просто так уйти!

Стоун хватается за волосы.

— Она сказала, что не сдаст нас, — говорит Стоун. — Сказала, что у вас обоих есть секреты, и она не выдаст наш секрет, а ты не выдашь ее о звонке в 9-1-1. Это о чем-то говорит тебе? Этот звонок в 9-1-1?

Я стараюсь вырваться из рук Колдера.

— Это неправда. Ты лжешь!

Несмотря на то, что я сказал это, какой-то шепот в глубине меня задается вопросом, как он узнал о звонке в 9-1-1, если она сама не сказала ему об этом? Как послание для меня. Как будто это реально и она хотела покончить со мной.

— Не ходи за мной!

Я вырываюсь и слепо бегу вниз. Что-то ударяет меня сзади. Стоун валит меня на землю. Мы катимся. Мое плечо кричит от боли.

— Отпусти меня.

Стоун возвышается надо мной.

— Она сделала свой выбор! — рычит он. — После того, что она видела в спальне? Она видела, как ты превращаешь человека в кровавое месиво. Ты уничтожил его лицо после того, как она просила тебя не делать этого. Подумай, что она видела, Грейсон.

Моя сила покидает меня, как только его слова атакуют мой мозг. Что я натворил у нее на глазах. Хруст его лица от удара моим коленом до сих пор живет в моей мышечной памяти. Как чертово животное.

— Мне нужно добраться до нее. Я должен объяснить.

Я причиняю адскую боль плечу, пытаюсь вырваться.

— Она увидела единственный шанс вырваться на свободу и использовала его, — огрызается Стоун. — Она все еще может поведать информацию, что она заложница, которая сбежала. Для нее еще не слишком поздно, как это было для нас.

— Пошел ты! — говорю я.

— Она была в истерике, Грейсон, — Нейт подходит, опускаясь на колени рядом со мной, держа руку на моем плече. — Если ты вообще заботаешься об этой девушке, ты позволишь ей уйти. Сделай ей одолжение.

Я тяжело дышу. Не может быть, чтобы все так закончилось.

— Знаешь, что она сказала? — говорит Стоун. — Я знаю, что сейчас творится у него внутри, вот что она сказала, Грейсон. Я знаю, что сейчас творится у него внутри.

Вся борьба покидает меня. Это доля истины. Истина в ее словах. Она знает, что сейчас творится внутри меня. Месть. Смерть. Уродство.

Я падаю и смотрю вверх на рассветное небо, светящее с одной стороны.

Едва человек. Чертов пещерный человек. Сколько раз она называла меня так?

— Она никогда не была твоей, — говорит Стоун.

Потому что она знает, что сейчас творится внутри меня. Это даже звучит так, как будто она должна была это сказать. Я мог бы убедить ее, что я не убивал его, но это по-прежнему не имеет значения, потому что она видела достаточно того, что внутри меня. Мысль о том, чтобы захватить ее снова возникает в моей голове, но Нейт прав — я должен сделать ей одолжение.

И еще то, что она сказала ему о 9-1-1. Это секрет, который знали только мы с ней. Она сказала ему, чтобы я знал, что ее послание было подлинным. Она свободна от меня.

— Она знает, где ты живешь, — говорит Нейт. — Если она захочет увидеть тебя, все, что ей нужно сделать, — это приехать.

— Мы не можем оставаться в «Брэдфорде», — говорит Стоун. — На всякий случай.

— Она ничего не расскажет, — огрызаюсь я.

— У нас есть запись с камеры над входом, — говорит Нейт. — Мы узнаем, если она придет.

— Вставай, — Колдер. У него бинокль. — Ты должен увидеть это.

Стоун помогает мне подняться. Нейт и Нокс помогают Крузу в машине. Колдер говорит мне смотреть в сторону дороги. Все, что я могу видеть, — это свет и неразбериху. Он направляет мой взгляд, и внезапно я вижу это — скорую помощь и ее, сидящую сзади. Она одна, но ее подбородок поднят вверх, плечи расправлены. Она выглядит почти спокойной. Спокойной, какой я раньше никогда ее не видел.

— Пойдем, — говорит Нейт.

К ней подходит коп и приносит бутылку воды. Ее лицо озаряется, когда она берет ее, такая благодарная за одну маленькую любезность. Он оборачивает одеяло вокруг нее, и я сжимаю зубы от того, как он касается ее плеч. Она просто была травмирована и этот парень думает, что он — Ромео. Слеза блестит, скатываясь по ее щеке, отражая красно-синий свет сирен.

Почему она плачет? Я хочу разбить лицо копа, который заставил ее плакать, хотя... я знаю, это не печаль. Она плачет от облегчения. Счастлива. Достаточно счастлива, чтобы плакать. Я давал ей воду и одеяла, но она никогда не чувствовала облегчения. Никогда не была так счастлива, чтобы плакать. Боже, она просто выживала со мной? Я нравился ей достаточно, чтобы не позволить мне умереть, но она не хотела остаться.

Моя грудь разрывается на части.
Рука на моем плече. Нейт.
— Поехали, брат.

39 глава

Эбигейл

В участке меня встречает адвокат, предлагая представлять мои интересы в суде. У меня возникает такое чувство, что мое дело какое-то нашумевшее. Она говорит мне не отвечать на вопросы. И говорит кое-что еще. Губернатор мертв. Я ожидала этого, но мне как будто нанесли удар в грудную клетку. Глупо, но какая-то часть меня надеялась, что Грейсон не убьет губернатора после моего ухода. Как будто бы я была в состоянии спасти его.

Но мне не удалось.

Кто-то дает мне горячий шоколад. Я потягиваю его, ощущая какое-то спокойствие, которого не ощущала прежде. Может быть, потому что мне больше нечего терять. Тюремная газета — далекое прошлое. Расписания занятий и выпускные экзамены ощущаются, как будто какой-то другой мир. И Грейсон, его я тоже потеряла.

Ты сказала, что достаточно сильная. Вот что он сказал мне в особняке губернатора. Думаю, что я не такая, потому что не могла стоять и наблюдать, как он убивает. Не могла стоять и смотреть, как Грейсон убивает в себе последний проблеск человечности. Поэтому он выставил меня за дверь и сделал все это без моего присутствия.

Я благодарна Эстер за то, что она пришла. Я обнимаю ее, держась за свою жизнь.

Мой новый адвокат думает, что если я скажу, где может быть Грейсон, то выиграю время. Я говорю, что не знаю, где он. В течение следующего дня рассказываю ей версию правды, почти то же самое, что произошло, только без секса.

Я рассказала, что находилась под действием наркотиков. Была напугана. Я опустила часть истории про его парней и про отель «Брэдфорд». Я бы ничего об этом не сказала, даже без обещания Стоуну хранить молчание. Я бы ни сделала ничего, что могло бы причинить вред Грейсону, даже если он меня больше не хочет.

Я рассказываю, что мы переночевали в машине, а после он привез меня к особняку губернатора. Нет, я не могла уйти. Да, я опасалась за свою жизнь.

Парень с заправки до сих пор не давал о себе знать, и сомневаюсь, что он теперь объявится. Я предполагаю, что парню есть что скрывать и, в любом случае, я не очень много украла у него.

Убийство губернатора освещается в национальных новостях и, конечно, в них он выставляется героем. Мне становится плохо от того, что я знаю, но я придерживаюсь своей роли заложницы в полусознательном состоянии, не владеющей важной информацией. Я была с Грейсоном всего несколько дней. Полицейское преследование было интенсивным.

У моего адвоката коротко стриженные каштановые волосы и мятное дыхание, и она убеждает властей не выдвигать обвинения. Они перестают меня расспрашивать о местонахождении Грейсона, веря в мою историю. Мне просто нужно подписать бумаги, что я не буду подавать в суд на тюрьму или университет. Это так просто, за исключением того, что я еще не могу вернуться домой. Они говорят, что я должна остаться в городе, поэтому Эстер снимает нам два номера в мотеле. Она остается рядом со мной и не задает вопросов.

Хотя дает мне совет. «Они будут следить за тобой, не только СМИ, но и копы. Федералы. Где бы ты ни была, кому бы ни звонила. Понимаешь?»

Возможно, поэтому они меня и отпустили, чтобы проследить, приведу ли я их к парням. Часть меня надеется на это. Может быть, Грейсон решит простить меня за то, что я пыталась помешать ему убить губернатора. Может быть, сейчас, когда он отомстил, он захочет быть со мной. Но мне никто не звонит. Я думаю над тем, чтобы самой найти его, просто чтобы увидеть. Рассказать ему о моей ситуации, или чтобы умолять принять меня обратно. Это звучит немного отчаянно, но это то, как я чувствую. Даже если он прогонит меня, я хочу попробовать. За исключением того, что не могу пойти в отель «Брэдфорд», если федералы следят за мной. Я волновалась, что он, должно быть, чувствует себя сломленным после убийства губернатора, но я — та, кто сломала.

Мой адвокат стоит рядом со мной на пресс-конференции, которую она предложила провести, чтобы привлечь внимание общественности. Есть книга предложений, от которой я отказалась, к разочарованию моего адвоката, но Эстер понимает.

Позже мы отмечаем. Мы идем в ресторан перед тем, как вернуться в мотель. Но я чувствую себя так, будто нахожусь в мире, которому не принадлежу. Все какое-то поддельное, как жизнь внутри полиэтиленовой упаковки.

Мне хочется бежать к Грейсону, сказать ему, как я сожалею, и что я по-прежнему с ним, что никому ничего не сказала. Но за мной следят. Я не буду слабым звеном. Ты сказала, что достаточно сильная. Даже если раньше я не могла быть сильной, теперь буду сильной ради него. Поэтому веду себя естественно и кажусь счастливой, в то время когда все, чего мне хочется, — это свернуться калачиком в обшарпанной комнате Грейсона и ощущать его щетину на своей коже.

Иногда, когда я вижу светильники, думаю, что не плохо бы иметь такой в отеле «Брэдфорд». Но я не могу вернуться туда и теперь понимаю, что он не придет за мной. Был момент, когда казалось, что он обязательно придет. Так же, как то, что солнце всходит. Но предполагаю, что даже восход солнца должен когда-нибудь остановиться.

40 глава

Грейсон

Каждый раз, когда выхожу на улицу, мои глаза сканируют лица в поисках ее, и я знаю, что так будет всегда, потому что она изменила меня. Она сотворила из меня что-то новое. Сделала меня своим.

Это национальные новости. Сфабрикованная СМИ информация, которую коп мелкого городишки сказал ей, о том, что она была соучастницей, от которой избавились. Они выяснили, что она была жертвой, что является правдой. Они говорят, что я и мои парни убили губернатора. Называют его героем. Флаги приспущены. Я хочу сорвать их со столбов, все до последнего.

Но больше всего я хочу, чтобы она знала, что это не я убил губернатора, и что я понял то, что она мне сказала. Но Стоун прав, после всех нанесенных губернатору ударов, я мог убить его у нее на глазах.

Ей лучше без меня. Лучше на свободе.

Иногда я слежу за ней, просто чтобы убедиться, что она в порядке. Вышла перекусить с

адвокатом. Заворачивает за угол рынка у мотеля. Прогуливается в парке со своей подругой — слепой женщиной. Она никогда даже не рассказывала мне о ней, что лишний раз говорит о том, что я заблуждался, думая, что между нами что-то есть. Федералы следят за ней, но я не знаю, подозревает ли она об этом. Я думал о том, чтобы написать ей сообщение, предупредить, что ей нужно быть осторожной, но какое это имеет значение? Эбби не делает ничего незаконного. Ей нет необходимости быть осторожной с федералами. У нее было дерьмовое детство, но все закончилось хорошо. Я пошел в другом направлении.

Она ничего о нас не рассказала, но, на всякий случай, мы переехали из «Брэдфорда» на старую мельницу, где мы иногда останавливаемся.

Но если бы она пришла в «Брэдфорд», я бы знал, что она искала меня. Она никогда не делала этого.

Эй, я рад за нее. У нее все будет в порядке. Скоро она вернется назад, в свой дом возле «Кингмен», и я никогда не увижу ее снова.

Она даже выглядит счастливой. Почему бы и нет? Она больше не моя пленница. Не опущена на самое дно жизни жалким существом, которое не может держать свои руки подальше от нее, чья идея защиты пугает ее, и тем, кто накачивает ее лекарствами и трахает. Иногда я задаюсь вопросом: что из того, что она сказала мне тогда, в библиотеке, было правдой, а что было стокгольмским синдромом. Временное помешательство. И тот случай в губернаторской спальне — я не забыл, конечно же. «Я достаточно сильная. Достаточно сильная, чтобы сказать тебе «нет». Достаточно сильная, чтобы знать, что ты лучше этого. Достаточно сильная, чтобы, черт возьми, любить тебя».

Она действительно это имела в виду? Или же просто пыталась удержать меня от убийства человека? Я думаю, что это сработало.

Буду честным: я подумываю о том, чтобы снова захватить ее в плен. Постоянно думаю об этом.

Я думаю о том, как она чувствовала себя в тот день, отчаянно сопротивляясь моей власти там, в лесу, и как она разлеталась подо мной от удовольствия на осколки. Я думаю о ней в библиотеке, о том, как она сыпала библиотечными терминами. Думаю, я мог бы снова распалить ее как когда-то в первый раз, но я не стал бы делать этого по отношению к ней.

Она выступила на той пресс-конференции и сказала, что все время боялась за свою жизнь. Возможно, так и было.

В любом случае Стоун был прав. Она была опасна, потому что прямо сейчас я хуже, чем мертвый, и все это из-за нее. Я так сильно скучаю по ней, что хочу умереть. Стоун обещает, что я буду чувствовать себя лучше, но он не понимает. Во мне дыра, я безумно хочу увидеть ее, прикоснуться к ней, это все, что мне нужно, чтобы заполнить ее.

Спасение тех мальчиков, которые все еще находятся в неволе, удерживаемые тем же кольцом, что и мы, иногда отвлекает меня от мыслей о ней.

Потому что каждый день мы заняты планированием того, как нам найти их, как наладить нужные связи. Мы очень расстроены осознанием того, что есть еще мальчики. Мы лучше кого-либо знаем, через что они сейчас проходят. Мы должны добраться до них.

Я как ее тень: в книжном магазине, в свободное время после обеда, одетый в дурацкую шляпу и очки, наблюдаю за ней. Но я в бегах, и эта маскировка работает. Я наблюдаю за ней прямо с противоположной стороны полок. Я так близко, что могу чувствовать ее дыхание, могу ощущать ее аромат жимолости, и я чувствую боль в груди. Желание перейти на другую сторону, схватить ее и увезти с собой настолько велико, что меня трясет.

Она покупает книгу мемуаров какого-то художника пятидесятых. Затем садится в арендованную машину и уезжает прочь. Коротает время. Она застряла здесь на период судебного разбирательства. Она даже не может вернуться в колледж из-за меня.

Я возвращаюсь обратно в магазин и покупаю ту же книгу. Стоун спрашивает меня о книге, когда я возвращаюсь обратно. Я пожимаю плечами и говорю, что книга выглядела интересной. Я не говорю ему, как она связывает меня с Эбби. Это некое сумасшествие. Давайте разберемся. Может быть, в глубине души, я все еще надеюсь, что она вернется, и вуаля, у нас будет о чем поговорить.

Но этого не произойдет.

Все больше и больше осознаю то, что она боялась все это время. Возможно, каждый раз, когда она смотрела на меня так, будто хотела меня, будто горела для меня, как будто, черт возьми, любила меня, все это исходило из страха.

И поэтому я делаю единственную вещь, которую могу сделать для нее: я заставляю себя прекратить преследование. Я делаю то, что пообещал никогда не делать: отпускаю ее.

41 глава

Эбигейл

Две недели спустя федералы в штатском показались у двери моего номера в мотеле.

Они везут меня в другую тюрьму, федеральный центр по задержанию, для допроса. Это не хорошо. Мне запрещается совершать любые звонки в течение сорока восьми часов, даже моему адвокату. Они проводят допрос с пристрастием. Я соучастница убийства губернатора. Они говорят, что у них есть свидетель, личность которого не разглашается. Я должна рассказать, что знаю. Я придерживаюсь своей истории. В конце концов, получаю возможность связаться с адвокатом.

Она говорит, что допрос — пустяк, но она ничего не может сделать, чтобы я могла избежать его. Я вижу в ее глазах подозрение, что я знаю больше, чем говорю. Я предполагаю, что все думают так. Возможно, это было слишком, ожидать, что они поверят, будто Грейсон протащил меня через все страну без моего малейшего согласия.

Я никогда не расскажу. Никогда не перестану думать о детских глазах, смотрящих на меня с задней стороны картонного пакета молока. И никто не приходил за ними, и никто не спасал их.

— Тебя посадят, — говорит мой адвокат. — Соучастие в убийстве.

Я не чувствую никакой боли. Просто холод. Возможно, они думают, что я соучастница убийства, но только не убийца. В некотором смысле, это ощущается правильным, что пришло время заплатить за то, что я позволила моему отчиму умереть. Убив его, на самом деле. Я устала нести груз вины за это. Я заслуживаю это. Мой адвокат обещает вытащить меня, но я не боюсь тюрьмы. Я видела, как она выглядит внутри. Есть вещи и хуже.

Тюрьмы хуже этой.

— Они пытаются использовать это в качестве рычага давления, таким образом, ты расскажешь им все, что тебе известно, — мой адвокат делает паузу. — Можешь ли ты дать им какую-то информацию?

Ты сказала, что достаточно сильная.

Я достаточно сильная. Я достаточно сильная, чтобы, черт возьми, любить тебя!

— Нет, — отвечаю ей, потому что я люблю его. И я достаточно сильна для этого. — Ничего.

Дни тянутся.

Эстер просит меня передумать, но я должна сделать это. Судебный процесс только увеличит шансы на то, что Грейсон все узнает. Поэтому, я соглашаюсь на признание вины. Через неделю все улажено: три года тюрьмы, при хорошем поведении.

Я практически чувствую облегчение, когда они говорят мне, что машина, которая перевезет меня в федеральную тюрьму, придет следующей ночью. Прошло четыре недели с тех пор, как я видела Грейсона в последний раз, а кажется, будто прошло четыре года. Я бы все отдала, чтобы поговорить с ним снова.

Чтобы прикоснуться к нему.

Но я знаю, что это то, чего хотят федералы: чтобы я связалась с Грейсоном и привела их к нему. Пусть сгниют в аду, ожидая.

42 глава

Грейсон

Дни тянутся, мы с парнями планируем и осуществляем большое ограбление в северных окрестностях, которые кишат золотом. Золото легко продать. Просто расплавьте его, и никто не сможет увидеть разницу. Мы собираемся за тем судьей и мальчиками, но нам нужно больше денег, больше снаряжения, больше времени, чтобы все хорошо спланировать. Золото поможет, но я просто не могу чувствовать себя счастливым.

В один прекрасный день я срываюсь и иду к ее мотелю. Свет в ее номере выключен. Я иду на ресепшн и снимаю номер. Он вручает мне ключи, и я вхожу туда, даже зная, что ничего не найду после нее.

Ложусь на кровать, на которой она спала, пытаюсь почувствовать ее. Насколько это жалко? Снять ее старый номер в мотеле, просто чтобы...что?

Она вернулась домой, и это, наверное, к лучшему.

Я возвращаюсь в свою комнату-пещеру, в одно из помещений старой мельницы. На ночь заливаю в горло виски «Макаллан», пытаюсь стереть из головы все ее образы. На стене по-прежнему висит календарь июня 1971 года. Я чувствую себя как этот календарь, за исключением того, что мой мир остановился на том моменте, когда я видел ее в последний раз.

Я слышу звук, парни возвращаются раньше, чем планировалось. Они праздновали после недавнего ограбления. Думаю, я должен быть обеспокоен, так как обычно это означает, что кто-то влез в драку или что-то еще, но у меня мало сил для эмоций. Они скажут, если нуждаются во мне, чтобы сломать несколько черепов.

— Эй..

Поднимаю голову. Стоун стоит в дверях. У него с собой два обреза, по одному за каждым плечом. Он кладет их вниз, заходит в комнату и берет бутылку у меня из рук. Это своего рода утешение. Я плюхаюсь на спину.

— Что происходит?

— Мы не можем зайти к нашему маленькому брату?

Я закатываю глаза. Маленький брат. Я вижу волнение в его глазах.

— Насколько ты пьян прямо сейчас?

Я знаю, что означает этот вопрос. Это значит, что я нужен им в действии. Они собрались вместе за минуту.

— Я могу стрелять прямо, — говорю я ему. — Бегать быстрее, чем ты.

Он смотрит на меня странным взглядом.

Я сажусь.

— Что?

Он подходит к ящику в углу, хватая оттуда мой девятикалиберный в кобуре и бросает его мне.

— Мы идем за ней.

— За кем?

— Эбби. Здесь есть еще какая-то «она»?

Шок заставляет меня подорваться.

— Что??

— Мы идем за ней.

— Что? Нет. Она уехала. Мы не можем.

Он вздыхает.

— Ее будут перевозить сегодня ночью. Она была внутри, Грейсон. Внутри федерального исправительного учреждения.

Я напрягаюсь.

— Что, мать твою, ты несешь? Они не выдвинули обвинения. Я видел это собственными глазами.

— Они не выдвигали ей обвинения за побег, — уточняет Стоун. — Но они привлекли ее, как соучастницу. В убийстве Дормана.

— Какого черта? Откуда ты знаешь?

— Я знаю.

И затем я осознал. Он продолжал наблюдать за ней. Я заставил себя остановиться, а он продолжал.

— Как долго они удерживали ее?

Он вздыхает.

— Две недели.

Ярость наполняет меня вместе с болью.

— Она находилась под стражей две недели, и ты не сказал мне?

— Я хотел сначала удостовериться, — говорит он. — Посмотреть, из какого теста она сделана.

Он хотел посмотреть, сдаст ли она нас. Мое сердце бешено стучит. Она находится под стражей из-за того, что я сделал. Эбби посадят в тюрьму.

— Твою мать.

— Есть еще кое-что, — говорит он. — Ночь в особняке губернатора...

Я стою, недовольный тем, как это звучит.

Он нервно вдыхает.

— Она не хотела уходить той ночью. Она хотела вернуться назад вместе с нами. Но я сказал ей, что ты не хотел больше ее видеть.

В одно мгновение я налетаю на него, хватая за воротник.

— Что, мать твою, ты натворил?

— Я позволил ей думать, что это ты убил его. И что ты больше не хочешь ее.

Мой кулак встречается с его лицом, внезапно я оказываюсь на нем, нанося ему удары.

— Я сожалею, чувак, — задыхается он, пытаюсь защитить себя. Он не может. Я слишком переполнен болью и гневом. И он не будет бить в ответ. Он знает, что поступил неправильно. Колдер оттаскивает меня от Стоуна и прижимает к стене.

— Он сожалеет, — говорит Колдер.

— Ты мой гребаный брат! — говорю я Стоуну, когда он поднимается, сплевывая кровь.

— Я сожалею, — говорит он. — Это все, что у меня есть. — Он вытирает рот рукой. — Это и по-настоящему отвязный план того, как захватить транспорт, на котором ее повезут.

— Черт.

Я тянусь за своей кобурой и хватаю обрез.

— Она не любит замкнутых пространств. Она будет напугана. Будет ненавидеть то, что она взаперти. Когда?

— Перевозка через полчаса, — говорит Колдер.

Я стою нос к носу со Стоуном. Я хочу разбить его лицо еще немного, и я хочу расцеловать его за то, что собрал парней на это дело. Вероятно, они вместе все организовали.

— Никто кроме меня не может к ней прикасаться.

Стоун кивает.

Я спускаюсь на первый этаж, ребята уже здесь, шестеро из нас, кроме Нейта, он вернулся на свою ферму.

— Это может быть трюк, — говорит Колдер. — Чтобы выкурить нас из укрытия.

— Возможно, это трюк, — говорит Стоун.

— Мы заставим их сожалеть о том, что они затеяли эту игру, — говорю я.

Колдер смеется. Затем несколько других парней тоже смеются. Да, вероятно, это трюк.

Шоссе темное и движение не особо плотное. Перевозка в модифицированном фургоне. Черный. Лобовое стекло тонированное, заднее — нет. Они решили ехать в восемь вечера, чтобы избежать пробок. Я сижу на пассажирском сидении, рядом со Стоуном, который ведет ворованный джип «Чероки» с упорством. Мы едем на четырех машинах.

Ветер хлещет мои волосы через открытое окно. Может ли она чувствовать меня здесь? Знает ли она, что я еду за ней?

По сравнению с захватом броневика, захват тюремного транспорта — это пара пустяков. Мы пристраиваемся перед ними, вместе с шифратором, чтобы блокировать их радиосигнал. Это огромная гребанная установка в багажнике, и она работает только на расстоянии шести метров, но выводит из строя все коммуникации.

Мы сразу же замечаем машины без знаков, и ребята начинают действовать.

Несколько выстрелов. Несколько пробитых шин. Они вихляют.

После этого тюремный транспорт становится легкой добычей, но мы должны быть быстрыми, чтобы избежать погони. Стоун заставляет их съехать с дороги. Ключ в том, чтобы сразу же вывести машину из строя. Они с Крузом выпрыгивают и оббегают машину с разных сторон, бешено стреляя, чтобы шокировать, и грубо вытаскивают охранников из машины. Но все, о чем я могу думать, — это Эбби, напуганная, не понимающая происходящее.

После того как водители обработаны, Стоун освещает заднюю дверь, и я сокрушительным ударом открываю ее. И вот она. Одна. Руки в наручниках. В оранжевой тюремной форме.

Я захожу внутрь.

— Детка.

Она встает.

— Грейсон, — говорит она, с рыданием в голосе. — Ты пришел.

— Конечно, я пришел.

Я хватаю ее лицо и страстно целую, как изголодавшийся мужчина, коим я и являюсь.

— Я не знал, что ты была здесь. Я думал, ты была дома.

— Нет времени, — говорит Стоун.

— Эбби, — говорю я. — Ты хочешь этого? Ты хочешь пойти со мной?

Она поднимает брови.

— Посмотри, где я.

— Нет, я не хочу быть лучшей альтернативой, чем тюрьма. Мы можем найти способ вытащить тебя, детка. Я лучше потерплю неудачу, прежде чем позволю тебе отсидеть. То, о чем я спрашиваю, ты хочешь пойти со мной? Быть со мной? Как было до этого.

— Да, — говорит она, звуча почти счастливо, почти смеясь. — Да!

Вдалеке слышен вой сирен. Круз звенит горстью ключей. Я тяну ее на руки и прыгаю вниз. Стоун удерживает дверь открытой. Я несу ее на заднее сиденье и пристегиваю нас, все еще держа на моих коленях. Потому что я не позволяю ей уйти. Стоун за рулем, Круз вынимает ружье.

— Ситуация становится дерьмовее, — говорю я.

Она смотрит мне в глаза. Эбби доверяет мне свою безопасность, и я защищу ее. Она вцепляется в мою футболку своими скованными руками, потому что Стоун едет чертовски быстро.

— Три минуты, — говорит Круз. — Мы могли бы справиться лучше.

Имея в виду, что мы могли бы избежать погони.

— Это называется гребанное планирование, брат, — говорит Стоун.

Эбби не слушает.

— Я не могла позвонить тебе, — говорит она, плача.

— Я знаю, детка, — отбрасываю ее волосы в сторону.

— Они прослушивали мой телефон, следуя за мной. Но я знала, что ты этого не делал.

Я прижимаюсь своим лбом к ее, чувствуя себя дерьмом, что не доверял ей.

— Теперь ты никуда не денешься, — говорю я.

43 глава

Эбигейл

Я сижу в башенке отеля «Брэдфорд». Грейсон снял с окон доски и вставил стекла, и теперь в окна дует летний бриз. Отсюда я могу видеть дома за домами, заколоченные руины окрестностей, одни выглядят сгнившими, другие выглядят так, как будто какой-то разгневанный бог разрушил их своим огромным кулаком. Зелень прорастает в неожиданных местах, природа пытается восстановить это пространство, превратить его во что-то иное.

Красота здесь дикая и темная. И она наша. Сначала казалось таким странным, что такое внешне разрушенное место как «Брэдфорд», может ощущаться таким уютным внутри, но спустя четыре месяца больше так не кажется. Оно просто ощущается как дом.

Я положила подушки по краю, по одной стороне этой круглой комнаты, и часами могу лежать здесь, свернувшись калачиком, отрываясь от страниц своей книги, чтобы понаблюдать, как белочки прыгают между ветками деревьев. Я также поставила здесь стол и стул для работы.

В моей старой комнате в общежитии единственной зеленью, которую я видела, был маленький клочок низкорослой травы во дворе. Здесь лоза покрывает все здания, словно одеялом. Даже отель увит ею. Это место наполнено дикой природой, включая людей, которые живут здесь. Они также красивы одной и той же природной силой, как и эти каменные стены.

Нейт разрывается между этим местом и своей фермой. Он пытался построить там свою жизнь, но и оставить позади свою команду он тоже не может. Мне нравится разговаривать с ним, когда он здесь. Мне кажется, он чувствует облегчение, когда мы беседуем. Ему все еще некомфортно от осознания того, что Грейсон удерживает меня в плену.

Но я не скажу ему, что не хочу бежать.

Стоун по-прежнему иногда смотрит на меня так, как будто хочет, чтобы я ушла. Но мы заключили своего рода перемирие. В любом случае я думаю, убийственный взгляд его глаз направлен не на меня лично. Сейчас он одержим идеей поиска других мальчиков. Мы все этого хотим, но это долгий путь, полный тупиков.

У нас с Грейсоном большая личная спальня на четвертом этаже, и теперь эта комната — моя библиотека.

Ну, надо же мне где-то хранить книги.

Я слышу шаги позади себя, и улыбка появляется на моих губах. Книга приземляется на соседнюю подушку. Удовольствие наполняет меня при виде старой, потрепанной обложки. Одна полка уже заставлена книгами, которые Грейсон принес для меня.

— Что это? — спрашиваю я.

— Открой ее, — говорит он, с каким-то новым напряжением в голосе. Я смотрю на него с любопытством. Он смотрит вниз на меня, карие глаза насторожены.

До этого он принес мне Хемингуэя и Стейнбека — классиков. Принес любимые книги моего детства: Мадлен Ленгль и Синтию Войт. Новые триллеры и детективы в мягком переплете, сотни и сотни страниц, заполненных чернилами. Я люблю их все до единой, так что не понимаю его нервозность.

Я беру книгу и смотрю на обложку. Ничего, кроме выцветшей ткани. Ни заголовка. Ни автора. Это не особо удивительно. Обычно со старых книг чернила выцветают.

Я открываю книгу. Внутри ничего нет. Нет титульного листа.

Переворачиваю страницу. По-прежнему ничего.

Она пуста.

Я смотрю на него с застывшим в глазах вопросом: «Для чего это?»

— Это твое, — он прочищает горло. Он смотрит вниз, и когда наши глаза встречаются, его взгляд пронзает меня. Я помню, как он смотрел на меня в первый день, в коридоре тюрьмы, как будто мог заглянуть внутрь меня, прямо в сердце. Он пугал меня. Он все еще пугает меня, но по-другому.

— Я не...

Он качает головой, сосредоточив свой взгляд на мне.

— Это твоя книга, Эбби. Ты расскажешь свою историю.

Он хочет, чтобы я написала свою историю. И он не согласится ни на какую выдумку. Он хочет чистую правду. Неприкрытую.

Он всегда этого хочет.

Я смотрю на пустую книгу, лежащую на полу. Проходят дни, прежде чем я поднимаю ее и кладу себе на стол. Еще неделя, прежде чем я открываю ее и смотрю на первую пустую страницу. Еще две недели, прежде чем я в состоянии написать абзац.

И тогда шлюзы открываются.

Я так много хочу рассказать о моей матери. Про все те дни, когда я ждала ее, а она никогда не приходила за мной. Про забытые дни рождения, про торт, который она сделала на мой шестой день рождения. Или про пятидолларовую купюру, которую она оставляла мне каждый раз, когда уходила за дозой. Даже когда она оставляла меня и уходила за наркотиками, она хотела, чтобы у меня была еда. Про то, какой у нее был вид, когда мой отчим умирал на полу, наполненный одновременно мольбой и покорностью.

Мои пальцы едва могут угнаться за моими мыслями, и очень скоро половина книги написана. Однажды, лежа в постели, я прочитала несколько фрагментов Грейсону. Это ощущается странно, но одновременно хорошо.

— Это потрясающе, — говорит он.

— Ты непривередливая аудитория.

Он хватается меня за волосы и заставляет взглянуть ему в глаза.

— Чертовски замечательно.

Я улыбаюсь.

— Помнишь вводную историю, которую ты написала для газеты?

Я киваю.

— Это была полная фигня, — говорит он.

— Что? — Я ударяю его по здоровому плечу, и он хватается мое запястье, переворачивая меня и прижимая под себя.

— Полное дерьмо. Какая-то чушь о занятиях в колледже.

Я смотрю вверх на него, чувствуя себя такой совершенно беспомощной и закрытой. Думаю, я никогда от него не устану.

— Газета была для заключенных.

Улыбка появляется на его губах.

— А кем, по-твоему, ты являешься? Я удерживаю тебя здесь. Ты не можешь уйти.

Он достаточно самодовольный, чтобы заставлять меня иногда ненавидеть его. Но он прав в одном. Я одна из них. Не только потому, что я здесь, с Грейсоном. Я тоже была в тюрьме, даже если Грейсон вытащил меня оттуда.

— Это была долбаная зарисовка, — продолжает он, терзая меня. — Ты заставляешь всех нас надирать животы, а сама пишешь о том, что не можешь решить, что тебе надеть на занятие.

— Прости, — говорю я. Я раздражена, потому что знаю, что он прав.

— Ты должна изменить это.

— Что? Это уже опубликовано. На сайте. Я не могу просто войти и изменить это. Даже если бы хотела, у меня нет паролей.

— Нокс может взломать его.

— Ты серьезно?

— Это шанс опубликовать историю, настоящий историю, я имею в виду, — говорит он. — Я думаю, все всегда вело к этому. Ты преподаешь в том классе. Ты появилась не просто для того, чтобы учить нас. Тебе нужно было научиться этому от нас.

Самодовольный.

Хотя, я не ненавижу его. Я люблю его. И мне нравится эта идея.

— Ты хочешь сделать это, — говорит он. — Я уверен.

Это больше, чем желание сделать это. Как будто я всегда нуждалась в том, чтобы рассказать свою историю, точно так же, как это нужно было тем заключенным. Но я никогда не могла никому открыться. Только когда я была в заложниках под дулом пистолета, моя история начала выплескиваться наружу.

Но то был Грейсон. А это будет публичное признание. Я беру в руки книгу, которую он дал мне.

— Я должна выбрать что-то одно из того, что я здесь написала. И красиво это оформить.

— Так сделай это.

Мысль не оставляет меня на протяжении следующих нескольких дней. Нокс даже добывает для меня пароль, он может делать такие вещи.

Сразу после того, как они вытащили меня из тюремного транспорта, они сделали так, чтобы я смогла написать Эстер, что со мной все в порядке, и чтобы при этом мое письмо не могли отследить. Возможно, если я изменю мою историю в журнале, чтобы быть честной, как парни, то я снова попрошу его помочь мне написать ей. Анонимно, чтобы никто не смог отследить. Проблема — найти кусочек, нужный момента, чтобы его довести до идеала. Один кажется слишком многословным, другой неправильным. Один ощущается слишком болезненным, другой недостаточно правдивым. Ни один из них не подходит. Я не знаю, почему не могу найти подходящий. Может быть, я боюсь.

Недели проходят, я сижу за столом напротив окна, откладывая еще одну зарисовку, когда в комнату входит Грейсон. Его особый взгляд, и я знаю, что это. Он — сила природы, торнадо, еще немного, и меня собьет с ног.

— Прошло шесть недель, — говорит он, и его голос обманчиво спокоен.

— Я знаю. Знаю.

Грубыми властными движениями он хватается за волосы из моего пучка на голове. Мое сердце бешено колотится, когда он заправляет их мне за плечи. Я закрываю глаза и позволяю ему расположить меня так, как ему нравится.

Он заводится, когда я делаю что либо, что выглядит по-ученому.

На мне новые очки. Я не должна была снимать их, когда слышала, что он подходит ко мне. Я пытаюсь работать.

— Я не понимаю, как можно так долго, — рычит он.

Сглатываю. Я тоже не понимаю.

— Ты заполнила все те страницы, и ничего не можешь использовать?

— Ничего из этого не кажется правильным.

Он перебирает рукой мои волосы.

— Нет, — говорю я.

— Что нет? — Со злым блеском в глазах он оттаскивает меня от моей клавиатуры. Это больно.

— Мне нужно работать, — шепчу я. Знаю, что мой ответ — неправильный. Я работала над этим, но я не закончила.

Он вжимает меня в стену. Воздух покидает мои легкие. Грейсон смотрит мне в глаза, прокладывая путь пальцами вниз по моей шее, горлу, контролируя даже мой взгляд.

— Пожалуйста, — говорю я, когда он утыкается мне в шею своим небритым подбородком, достаточно сильно, чтобы оставить следы.

— Я думаю, что ты прятешься здесь. Ты не должна прятаться со мной, — выдыхает он, задирая мою майку.

— Я не прячусь, — говорю я, пытаюсь вырваться из его захвата, зная, что в каком-то смысле, это правда. Я не могу позволить ему отвлечь меня. Теперь я умоляю: — Мне нужно сделать это. Мне нужно работать.

— Если бы ты работала, ты бы уже закончила. Почему у тебя занимает целую вечность то, что мы с парнями делали за пару недель?

— Я не знаю!

Я бы не позволила им уйти с оправданиями, и он мне не позволяет.

Он отстраняется и смотрит на меня с подозрением. Затем одной рукой сцепляет мои запястья над головой, и просто срывает с меня рубашку, оголяя мою грудь прохладному бризу. Я чувствую себя слишком открытой, слишком уязвимой.

Я закрываю глаза. Мое сердце бешено колотится.

— Грейсон.

Он накрывает ладонями мою грудь, двигаясь напротив меня, я ощущаю горячее дыхание на своей шее. Я не поддаюсь, но ему все равно. Он запускает пальцы за пояс и находит клитор.

— Грейсон, — отчаянно умоляю я, начиная растворяться в нем.

— Мне нужно тебя трахнуть.

Да.

Я задыхаюсь, когда он резко разворачивает меня. Цепляюсь за край стола, просто чтобы устоять на ногах. Он запускает руку мне под юбку.

Мои трусики шелковые с кружевом. Трусики, бюстгалтеры и нижнее белье приходят на наш анонимный почтовый ящик. Грейсон и его команда очень изобретательные преступники, и никогда не подумаешь, что они жаждут денег, хотя я не знаю, где он находит время, чтобы все это заказывать. Почти каждый день приходит что-то новое. Думаю, когда я сказала, что ему следует окружать себя красивыми вещами, он принял это близко к сердцу.

Я — его красивая вещь, его собственность, и он одевает меня в любой цвет, стиль, ткань, какие только может найти.

Он стягивает мои трусики вниз по моим ногам и бросает клочок дорогой ткани на голый деревянный пол, скользя пальцами вдоль влажности, которая ждет его.

44 глава

Грейсон

Я знаю, что она работает над изменением своей части истории в газете, знаю, что я должен оставить ее одну, но не могу. Я должен трахнуть ее. Это то, что происходит между нами. Она моя, и я могу делать с ней все, что захочу, и я не могу оставить ее одну.

Не могу перестать трахать ее.

Но здесь есть что-то большее: когда я смотрю на нее в библиотеке, такую взволнованную и заведенную, она напоминает мне ту девушку, которую я видел в тюрьме, ожидая возвращения в камеру. Не красивую и умную, какой я знаю ее сейчас, а робкую. Слишком невозмутимую. Которая прячется от всего, как будто она ничего не стоит. Как будто она не может позволить людям увидеть себя.

Если бы я был хорошим человеком, я бы позволил ей прятаться. Я бы позволил ей смотреть в окно на красивый и свободный вид, пока трахаю ее. Ее юбка задрана вверх, обнажая голый зад. Я бы мог оторваться от ее киски и позволить ей вернуться к газете. Но я не хороший человек, и я не позволю ей прятаться. И не важно, что она бы предпочла смотреть на небо, чтобы не столкнуться со мной лицом к лицу. Я разворачиваю ее на столе, хочу видеть ее глаза, когда проникаю в нее. Она мое небо, и я буду смотреть на нее, пока кончаю.

Она немного сопротивляется, и я крепче сжимаю ее. Касаюсь ее так, что это делает ее тело податливым.

— Грейсон... — ее дыхание учащается, и за очками я вижу глаза, полные желания.

Этот взгляд ставит меня на колени. Я склоняюсь перед ней и целую центр ее киски, именно в том месте, где она мокрая и открытая.

Она резко втягивает воздух. Я знаю, что она хочет большего, но она не попросит об этом. Я скольжу языком по ее складкам, изучая, как делаю каждый раз. Она вздрагивает подо мной, дрожа на кончике моего языка. Пока я не облизываю ее клитор. Тогда все ее тело замирает. Она стонет что-то похожее на мое имя. Поэтому я облизываю ее снова и снова, пока не слышу ее совсем четко. Грейсон, пожалуйста, Грейсон, пожалуйста.

— Что тебе нужно, малышка?

Она издает звук измученного животного. Я легонько прикусываю ее клитор. Она должна была знать, что это приближается, но она по-прежнему удивленно вскрикивает. Ей нравится, когда я кусаю ее, причиняя ей легкую боль, — это заставляет ее чувствовать. Ее мать пренебрегала ею, игнорировала, но я — противоположность. Мне все время ее недостаточно, и она об этом знает. Ее крики эхом отзываются по комнате, через открытое окно по разрушенным соседним зданиям.

Мой твердый член упирается в джинсовую ткань. Я освобождаю его, прижимаюсь к ее бедрам, привожу ее в нужное положение, управляю ею. Я всегда двигаю ее тело так, как того хочу. Раньше я ненавидел, когда она называла меня пещерным человеком, но больше нет. Да, я затащил ее за волосы в свою пещеру, и я не отпущу ее.

Я погружаюсь в нее, трахая. Это сладкое облегчение. Она пульсирует вокруг меня, измотанная интенсивностью движений.

Она хнычет.

— Грейсон...

Кровь кипит в моих ушах, я втягиваю носом воздух. Это уже слишком, и единственный способ, которым я могу успокоить себя, это оближивать, посасывать и кусать ее грудь, делая ее розовой.

— Еще...

Я качаю головой, все еще слегка удерживая ее сосок, пойманный зубами. Я похож на зверя с добычей. Она никогда не сможет освободиться от меня. Никогда не сможет спрятаться от меня, ни в газете, ни в своих книгах, ни где-либо еще.

Мои яйца взрываются. Я в секунде от того, чтобы кончить. Я не в состоянии сдержаться, поэтому максимально использую это. Хватаю ее за бедра, и она оборачивает ноги вокруг меня. Затем я поднимаюсь и раскачиваю ее обеими руками, врываясь в ее влагалище самым грубым и холодным способом.

Она сокращается вокруг меня. Ее киска течет по моему члену. Руки хватают меня и крепко сжимают. Губы посасывают кожу на моей шее, и я даже не уверен, что она осознает это.

Она как дикая штучка в моих руках, вовлекает меня в свое удовольствие, топит меня в нем. Я кричу, когда мой член освобождается в нее, смешиваясь с ее влажностью. Я еще сильнее сжимаю ее зад, используя ее тело, чтобы излить последние капли своего удовольствия. Я нависаю над ней, покрывая неаккуратными поцелуями шею, ухо. Затем отстраняюсь и смотрю на нее.

Когда-то она ненавидела меня, но то, что я вижу в ее глазах сейчас, — это не ненависть. Даже не страх.

Это любовь.

Я не заслуживаю ее любви, но, так или иначе, она у меня есть. Я вообще ее не заслуживаю, но она моя. Красивая и умная. И такая чертовски сильная. Как будто вселенная подарила мне ее, чтобы перечеркнуть все остальное дерьмо. И я думаю, что если бы мне пришлось пройти через все это снова, зная, что в конце она будет здесь, будет моим призом, я бы сделал это. Я бы сделал все что угодно, лишь бы она так на меня смотрела.

Мое дыхание замедляется.

— Я знаю, что ты пытаешься разобраться со своей частью истории для газеты, но мне нужно было трахнуть тебя.

Простая правда.

Эбби садится, запускает руки в мои волосы и смотрит на меня глазами шоколадного цвета.

— Я знаю.

— Я не хочу мешать тебе закончить.

Ее взгляд смягчается.

— Все в порядке. Теперь я знаю, что написать.

— Ты думала о газете, пока я трахал тебя?

Ее улыбка слегка порочная. Полная огня. Мой любимый вид ее улыбки.

— Совсем немного.

Ее очки по-прежнему на ней. Иногда мне нравится, когда она снимает их. Иногда мне нравится ломать их, и тогда нам приходится покупать новые. Иногда мне нравится, когда она носит их. Они немного покосились после того, что мы только что делали. Я поправляю их, так же поступаю с ее волосами и ее телом. Мне нравится прикасаться к ней.

— Какую часть ты выбрала?

— В этой части я написала о нас в машине, сразу после побега, когда ты дотронулся до моей щеки. Ты коснулся меня, потому что хотел. Потому что мог.

— Всегда, — говорю я.

— Именно эту часть я выставлю. День твоего побега.

Я ощущаю ее слова кожей, каждым нервом, они освещают меня изнутри.

— День, когда я сделал тебя своей.

— В этот день я тоже сбежала. Просто тогда я еще не осознавала этого.

Она улыбается.

Костяшками пальцев я провожу по линии ее челюсти. Я никогда раньше никого не подпускал так близко, когда все желания и потребности человека стоят выше собственных. Иногда меня пугает, насколько глубоки мои чувства.

— Помнишь, что ты сказала? Когда кто-то рассказывает их историю, это помогает им исцелиться. Делает их цельными.

Она приподнимает брови.

— И сразу после этого ты сказал, что некоторых людей невозможно исправить, — она дразнит меня. — Они никогда не смогут быть цельными.

— Возможно, я ошибался. Не в части про излечение, а в том, что человек всегда может стать цельным. Я знаю это, как факт. Знаю это по личному опыту.

Она смотрит на меня, пойманная серьезностью моего тона. Она знает, что я больше не говорю об историях, точно так же, как знает то, что принадлежит мне, что я всегда буду защищать ее, даже если нам придется разобраться с еще более серьезным ублюдком, чем губернатор.

Она перемещается и прижимается к моей груди. Я закрываю ее своими руками, словно стеной, от целого мира.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Романист, публицист, драматург, активный борец за права человека, отчасти последователь Мартина Лютера Кинга.